

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Founder: Financial University
under the Government of the Russian Federation

Журнал включен во вторую категорию Перечня
рецензируемых научных изданий ВАК (K2) по научным
специальностям: 5.4.2. Экономическая социология
(социологические науки). 5.4.4. Социальная структура,
социальные институты и процессы (социологические науки).
5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2.
Политические институты, процессы, технологии (политические
науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые
политики (политические науки). 5.5.4. Международные
отношения (политические науки). 5.7.2. История философии
(философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая
философия (философские науки). 5.7.8. Философская
антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the second category of the List
of VAC's peer-reviewed scientific publications (K2)
on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological
sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and
processes (social sciences). 5.5.1. History and theory
of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions,
processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public
administration and sectoral policies (political sciences).
5.5.4. International Relations (Political Sciences).
5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences).
5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences).
5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture
(philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 15, No. 2, 2025

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: КАРЬЕРА И ТРУД, БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО: ФИЛОСОФСКОЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ

Тюриков А.Г., Данилова М.Р.

Рынок труда в сфере электронной промышленности: вызовы и пути решения 6

Клементьева М.В., Родонич В.А.

Профессия, карьера, призвание: взгляд через призму становления идентичности студентов 16

Хакки А.М.

Оценка довузовского образования в странах Совета сотрудничества арабских государств:

Государство Катар как модель 24

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Пржиленский И.В.

Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы 30

Кулешов С.М., Ткачева Д.С.

Сравнение методов кластерного анализа для оценки туристической привлекательности регионов 40

Левченко М.Е.

Риски цифровой политики 50

Быкова М.К., Каминская Т.Л.

Стратегия создания и дистрибуция новостного контента на примере успешных Telegram-каналов 56

Махаматов Т.М., Пулатова Д.А., Мухамедов А.А.

Диалектика генезиса и структуры экзистенциализма 67

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Филатов О.А.

Развитие Форума Макао как платформы сотрудничества Китая и португалоязычных государств 76

Рахматулла Х.

Динамика приоритетов и геополитической конъюнктуры в системе национальных интересов

России и Афганистана 83

Сорокин И.О.

Эволюция концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО 99

Логина М.В., Максимова О.И.

Применение концепции социального стиля для организации взаимодействия

преподавателей и студентов на занятиях 114

Захцер Е.М.

Инженерия подсказок при обучении английскому языку: теория и практика 122

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Галас М.Л.

Роль американского ленд-лиза для СССР в период Великой Отечественной войны. 140

Дань В., Петраш Е.В.

Система традиционных похоронных ритуалов и обычаев Китая и их особенности 149

COVER STORY: CAREER AND WORK, POVERTY AND WEALTH: PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL CHANGE

Tyurikov A.G., Danilova M.R.

The Labor Market in the Electronic Industry: Challenges and Solutions 6

Klementyeva M.V., Rodonich V.A.

Profession & Career & Vocation: A View Through the Prism
of Identity Development Among Students 16

Hakki A.M.

Assessment of Pre-University Education in the Countries
of the Arab Cooperation Council: The State of Qatar as a Model. 24

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Przhilenskiy I.V.

National Strategic Planning: Cultural Transformations and Big Challenges 30

Kuleshov S.M., Tkacheva D.S.

Comparison of Cluster Analysis Methods
for Assessing the Tourist Attractiveness of Regions. 40

Levchenko M.E.

Risks of Digital Policy 50

Bykova M.K., Kaminskaya T.L.

Strategy of News Content Creation on the Example of Successful Telegram
Channels 56

Makhamatov T.M., Pulatova D.A., Mukhamedov A.A.

Dialectics of the Genesis and Structure of Existentialism 67

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Filatov O.A.

The Development of Forum Macao as a Platform for Cooperation
Between China and Portuguese-Speaking States 76

Rahmatullah H.

Dynamics of Priorities and Geopolitical Situation in the System of National
Interests of Russia and Afghanistan 83

Sorokin I.O.

The Evolution of the Concept of Information Warfare
in the Regulatory Legal Acts of Russia, United States and NATO. 99

Logina M.V., Maksimova O.I.

The Application of Social Style Concept for the Organization
of Interaction Between Teachers and Students in the Classroom 114

Zakhtser E.M.

Prompt Engineering in English Language Teaching: Theory and Practice 122

HISTORICAL DIGRESSION

Galas M.L.

The Role of American Lend-Lease for the USSR
During the Great Patriotic War 140

Dan W., Petrash E.V.

Traditional Chinese Funeral Rituals and Customs 149

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

*Международный
научно-практический журнал
Том 15, № 2 (74), 2025*

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

Д.В. Онегов

Выпускающий редактор –

А.А. Извекова

Корректор – **Н.В. Колобова**

Верстка – **Е.А. Смирнова**

Переводчик – **И.М. Евстратов**

Адрес издателя и редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, д. 53

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-83)

E-mail: aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 27.06.2025

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19,5 п. л.

Отпечатано в типографии
«ОнлайнКопи»

Москва, Байкальская улица,
д. 7, стр. 7

Заказ № RP-000184

Выход в свет 25.07.2025

© Финансовый университет

при Правительстве

Российской Федерации

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

D.V. Onegov

Managing editor – **A.A. Izvekova**

Proofreader – **N.V. Kolobova**

Design, make up – **E.A. Smirnova**

Translator – **I.M. Evstratov**

Publisher & Editorial address:

53, Leningradsky prospect

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-83)

E-mail: aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 27.06.2025

Format 60 x 84 1/8.

Size 19,5 printer sheets.

Printed by Printig House

“Onlinecopy”

Moscow, Baikalskaya str., 7,
Bld. 7

Order № RP-000184

Publication Date 25.07.2025

© Financial University

under the Government
of the Russian Federation

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ферганского государственного университета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Пляйс Я.А., доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор-исследователь, кафедра политологии факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Силласте Г.Г., доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Юхно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodivskaya E.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. of Historical Sciences, Dr. of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., Dr. Sci. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Osipova N.G., Dr. Sci. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Plyays Ya.A., Dr. Sci. of Political, Dr. Sci. of Historical, Professor, Research Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Polevaya M.V., Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Sillaste G.G., Dr. Sci. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Tuel J.-L., Dr. Sci. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Wilcox K., Dr. Sci. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., Dr. Sci. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-6-15

УДК 316.354(045)

Рынок труда в сфере электронной промышленности: вызовы и пути решения

А.Г. Тюриков, М.Р. Данилова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье приводятся результаты мониторингового социологического исследования и анализируются современные кадровые проблемы предприятий электронной промышленности, способы их взаимодействия с учебными заведениями для решения проблемы дефицитов высококвалифицированных специалистов. Дается оценка потребностей рынка труда в специалистах, имеющих ученые степени, инженерах, а также IT-специалистах. Предложены варианты решения вопроса нехватки кадров и стабилизации ситуации на рынке труда. Эмпирическую базу мониторингового социологического исследования составил экспертный опрос с представителями ведущих российских компаний в сфере электронной промышленности, проведенный в ноябре 2024 г. в рамках международной выставки-форума «Электроника России». Результатом научной работы стало выделение взаимодействия компаний, реализующих деятельность в отрасли электронной промышленности, с учебными заведениями (вузами и ссузами) в качестве ключевого элемента кадровой стратегии компаний. Сотрудничество должно осуществляться в форматах организации практики, целевых программ обучения и участия представителей организаций в Днях карьеры — очных встречах работодателей со студентами. В работе отмечаются влияние общеэкономических и общесоциальных трендов (отток специалистов за рубеж и более привлекательные отрасли), специфические особенности отрасли (уровень оплаты труда), недостатки системы образования (нехватка опыта и практических навыков у молодых специалистов, недостаточное количество учебных заведений, готовящих кадры для отрасли, морально устаревшая программа обучения), характерные для российского рынка труда в целом, что сдерживает развитие отрасли.

Ключевые слова: дефицит кадров; рынок труда; кадровые проблемы; сотрудничество с учебными заведениями; трудоустройство; развитие отрасли

Для цитирования: Тюриков А.Г., Данилова М.Р. Рынок труда в сфере электронной промышленности: вызовы и пути решения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):6-15. 10.26794/2226-7867-2025-15-2-6-15

ORIGINAL PAPER

The Labor Market in the Electronic Industry: Challenges and Solutions

A.G. Tyurikov, M.R. Danilova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes current personnel problems in the electronics industry, as well as the ways of interaction between enterprises operating in the electronics industry and educational institutions in order to solve the problem of shortage of highly qualified employees. The issue of personnel shortage is very relevant and requires timely implementation of measures for the most effective stabilization of the situation in the labor market. The article emphasizes the need of the labor market for scientists, research fellows, engineers, as well as IT specialists. The empirical base of the monitoring sociological study was an expert survey with representatives of leading Russian companies in the electronics industry conducted within the framework of the International Exhibition and Forum "Electronics of Russia" in November 2024, the results of which are presented in the article. The result of the scientific work was the identification of the interaction of companies operating in the electronics industry with educational institutions (universities and secondary vocational schools) as a key element of the companies' HR strategy. Cooperation should be carried out in the formats of organizing practice, targeted training programs and participation of representatives of organizations in Career Days. The paper notes the influence of general economic and general social trends (the outflow of specialists abroad and to more attractive

industries) specific features of the industry (insufficient level of wages), as well as shortcomings of the education system (lack of experience and practical skills of young specialists, insufficient number of educational institutions training personnel for the industry), which are characteristic of the Russian labor market in recent years, on the problem of personnel shortage. **Keywords:** staff shortage; labor market; personnel problems; cooperation with educational institutions; employment; industry development

For citation: Tyurikov A.G., Danilova M.R. The labor market in the electronic industry: Challenges and solutions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):6-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-6-15

ВВЕДЕНИЕ

Кадровый дефицит, подразумевающий нехватку работников в рамках определенных областей или специальностей — один из самых острых вызовов российской экономики за последние годы. Данный феномен обусловлен рядом социально-экономических процессов: неблагоприятной демографической ситуацией, сокращением притока трудовых мигрантов, исходящей миграцией, несоответствием образования и навыков работников требованиям создаваемых рабочих мест и др. В текущих условиях наблюдается конкурентная борьба HR компаний в привлечении квалифицированных специалистов, что провоцирует не всегда обоснованный рост заработной платы.

Особенно остро данная проблема проявляется в высокотехнологичных отраслях промышленности, в частности, в сфере радиоэлектроники. Государство подчеркивает важность инженерно-технического образования, например, данная задача относится к числу приоритетных для устранения дефицита кадров и развития экономики в целом в рамках национального проекта «Наука и университеты», федерального проекта «Передовые инженерные школы», программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», проекта «Приоритет-2030».

Учитывая тот факт, что кадровый дефицит — это актуальная проблема не только высокотехнологичных отраслей промышленности, но и отечественного рынка труда в целом, целесообразно ответить на ряд ключевых исследовательских вопросов: а) каким образом уже существующие и реализуемые меры влияют на решение кадровой проблемы; б) как происходит взаимодействие компаний и учебных заведений; в) какие сформировавшиеся практики взаимодействия с вузами по оценке работодателей являются предпочтительными.

Проблема нехватки кадров рассматривается с разных позиций: А.Г. Тюриков в своих работах поднимает вопрос вызовов и кадровой политики в контексте регионального рынка труда [1]; В.А. Шадрин, А.П. Казаченко, Э.Р. Хасанова, С.О. Попович изучают пути эффективного использования кадрового потенциала [2]; проблематика дефицита

кадров в цифровой экономике поднимается в трудах Р.И. Васфиева [3]; Т.В. Петроченко обращает внимание на роль общей неопределенности на рынке труда в вопросах кадровых трудностей [4]; А.О. Чернецова выделяет ряд причин, повлекших текущую ситуацию в кадровой сфере [5] и др.

Кадровые проблемы высокотехнологичных отраслей промышленности поднимаются в научных трудах А.В. Бочкарева [6], Д. Лю [7], В.М. Жураковского [8] и др. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ направил исследовательский интерес на ожидаемую динамику рынка труда в ближайшей перспективе. Реализация потенциала выпускников российских вузов на рынке труда исследуется в научных работах Ю.Е. Казаковой [9], Т.И. Павлюк [10], Д.В. Локтионова [11] и др.

По данным Росстата, в январе 2025 г. уровень безработицы в стране достиг низкого уровня — 2,4%¹. При этом выпуск компьютеров, электронных и оптических изделий показал рост на 7,2% в сравнении с прошлым годом².

Несмотря на положительную динамику снижения уровня безработицы, проблемы, касающиеся обеспечения российской экономики квалифицированными кадрами, соответствующими требованиям современных работодателей, наоборот только обостряются. По данным SuperJob, в 2024 г. на рынке труда в России наблюдается кадровый голод: предложение рабочей силы не успевает за темпами роста спроса. Число открытых вакансий увеличивается год от года, с 2022 г. показатели увеличились в 1,7 раза. За два года темп прироста вакансий в процентах (+73%) значительно превышает увеличение количества резюме (+24%)³. При этом происходит существенное расширение отраслевой инфраструктуры электронной промышленности, в связи с чем нехватка персонала ощущается острее.

В ответ на нехватку кадров работодатели стремятся увеличить заработную плату для привлечения

¹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/23778859?ysclid=mbf4gbpkdn997049974>

² URL: <https://www.interfax.ru/business/1010998?ysclid=mbf4huadm3141176929>

³ URL: <https://www.superjob.ru/pro/5978/?ysclid=mbf4klf03p624221532>

новых и удержания сотрудников, однако при этом возрастают требования к личности специалиста и его качественным характеристикам.

Согласно данным HeadHunter о динамике зарплат специалистов на производстве вычислительной техники и электроники в России с января по июнь 2024 г. рост зарплат в электронной промышленности достигает 20%⁴.

Цель настоящей работы — определить кадровые проблемы, стоящие перед сферой электронной промышленности России, а также выделить эффективные практики взаимодействия предприятий отрасли и образовательных учреждений.

Методология исследования. Результаты исследования получены методом экспертного опроса 142 представителей ведущих российских компаний в сфере электронной промышленности в рамках международной выставки-форума «Электроника России» в ноябре 2024 г.

Экспертам предлагалось:

1) оценить кадровые потребности российской экономики в сфере электронной промышленности;

2) проанализировать динамику проблем и их решаемости на рынке труда в электронной промышленности;

3) оценить эффективность механизмов взаимодействия компании с учебными заведениями;

4) предложить рекомендации по эффективному взаимодействию высших и средних специальных образовательных организаций с компаниями для обогащения рынка труда.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЫНКА ТРУДА В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

По мнению экспертов, российская электронная промышленность испытывает высокую потребность в высококвалифицированных специалистах, имеющих различные ученые степени (4,42 балла из 5 возможных), и инженерах (4,40 балла) (рис. 1). Также рынок нуждается в IT-специалистах (4,08 балла), менеджерах высшего звена (3,74 балла) и квалифицированных разнорабочих технических специальностей и физического труда (3,38 балла). Сотрудники сферы обслуживания (2,42 балла) и самозанятые (2,18 балла) в сфере электронной промышленности практически не требуются. За год увеличилась потребность в высококвалифици-

цированных специалистах⁵, работниках интеллектуального труда.

Повышенная потребность на отраслевом и региональных рынках труда в высококвалифицированных специалистах, инженерах, IT-специалистах связана с проблемами:

- экономики (дефицит высококвалифицированных кадров, демографический кризис, отток сотрудников в связи с миграционными процессами и СВО, высокие темпы развития отечественного рынка электронной промышленности);

- специфики отрасли (невысокий уровень оплаты труда, непопулярность отрасли, переманивание (хантинг) специалистов у конкурентов, однообразность трудовой деятельности на предлагаемых позициях, отсутствие потенциала для карьерного роста, отсутствие/нехватка учебных заведений, готовящих необходимые кадры для сферы электроники и др.);

- человеческого капитала (нехватка опыта работы, низкая трудовая мотивация; высокая текучесть молодых специалистов, недостаточная теоретическая и практическая подготовка кадров и др.).

Изменения на рынке труда, произошедшие за год, не снизили остроту кадровых проблем (рис. 2). По мнению экспертов, ситуация с привлечением специалистов в сфере электронной промышленности по сравнению с прошлым годом осталась без изменений (37% vs 29% в 2023 г.). При этом каждый третий заявил, что произошли ухудшения в вопросе найма (31% vs 25% в 2023 г.). Об изменениях в лучшую сторону высказались лишь 15% экспертов (в 2023 г. — 21%).

К проблемам, наиболее остро стоящим перед предприятиями, 70% экспертов отнесли дефицит кадров (в 2023 г. данную проблему отмечали 50%) (рис. 3). О недостаточной компетенции сотрудников в вопросе *hard skills* заявили 36% респондентов (в 2023 г. — 26%), каждый третий (30%) отметил, что переманивание сотрудников является проблемой для компании. Четверть участников исследования (24%) выделили высокий уровень конкуренции за работников в сфере электронной промышленности (в 2023 г. — 50%), каждый пятый (21%) назвал «текучку» кадров (в 2023 г. — 39%). О том, что у предприятия нет острых проблем, заявили лишь 5% опрошенных.

⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068826?ysclid=mbf4ljz27h192987397>

⁵ Результаты исследования получены методом экспертного опроса 63 представителей ведущих российских компаний в сфере электронной промышленности в ноябре 2023 и 2024 гг.

Рис. 1 / Fig. 1. Оценка потребности российской электронной промышленности в различных категориях сотрудников (в баллах) / Assessment of the state of the Russian electronics industry in various categories of employees (in points)

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

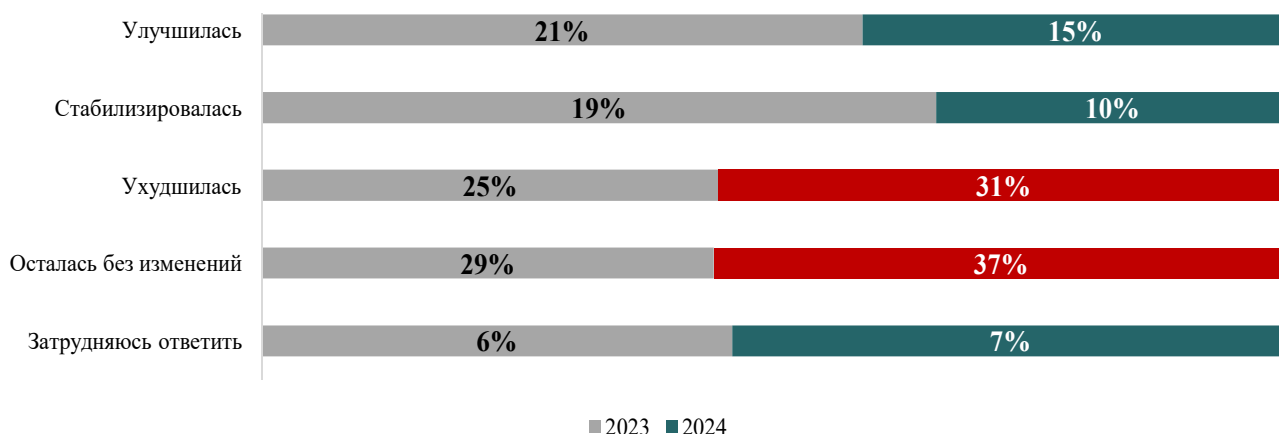

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение ответов на вопрос «Как изменилась в этом году ситуация с наймом работников в сфере электронной промышленности по сравнению с прошлым годом?» / Distribution of responses to the question "How has the hiring situation in the electronics industry changed this year compared to last year?"

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

В 2023 г. одним из базовых факторов, препятствующих развитию рынка труда электронной промышленности, был назван разрыв между системой образования и потребностями предприятий (49%).

К причинам, определяющим кадровые проблемы предприятия в 2024 г., помимо общеэкономических трудностей, эксперты отнесли:

- проблемы, связанные со спецификой предприятия (низкий уровень оплаты труда, трудности с внутренней коммуникацией сотрудников в компании, особенности территории, где находится предприятие, отсутствие/нехватка учебных заведений, готовящих необходимых предприятию специалистов);

- проблемы, связанные с кадрами (преобладание у молодых сотрудников нацеленности на финансовые выгоды, а не на развитие предприятия и отрасли в целом; недостаточная теоретическая и практическая подготовка у молодых специалистов, отсутствие/нехватка опыта, низкая трудовая мотивация сотрудников).

В 2023 г. для поиска персонала работодатели чаще всего использовали популярные карьерные платформы и онлайн-сервисы (83%), искали сотрудников среди знакомых и друзей (56%), а также организовывали стажировки и практики для студентов (54%).

Наиболее эффективными механизмами привлечения сотрудников в компании в 2024 г. стали

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, какие кадровые проблемы стоят наиболее остро перед Вашим предприятием?» / Distribution of responses to the question “In your opinion, what personnel issues are most pressing for your company?”

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

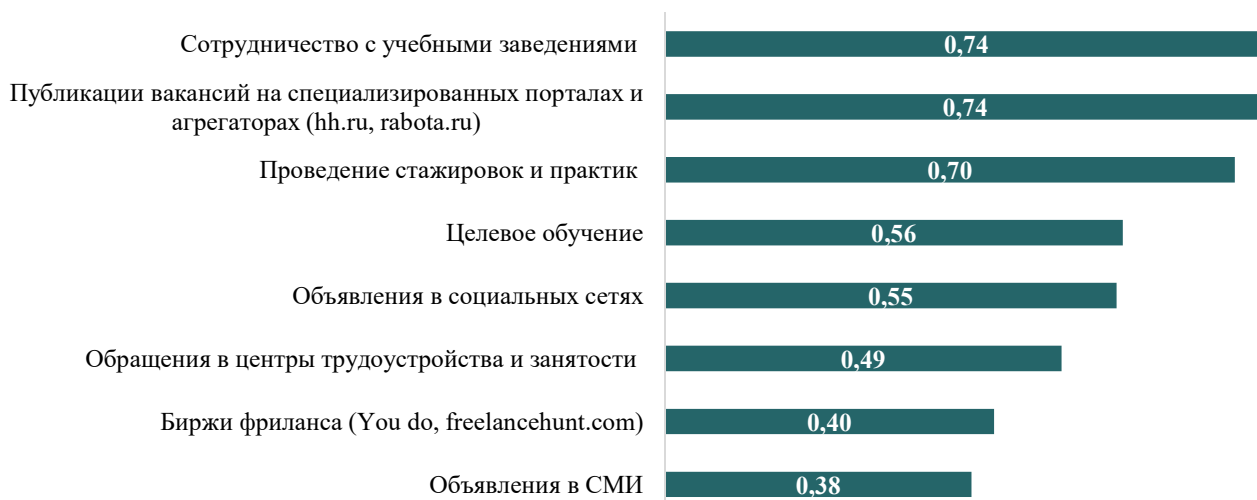

Рис. 4 / Fig. 4. Индексы эффективности способов привлечения сотрудников в компании (простой нормированный индекс, i) / Indices of the effectiveness of methods for attracting employees to companies (simple normalized index, i)

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

сотрудничество с учебными заведениями ($i = 0,74^6$) и публикации вакансий на специализированных карьерных сайтах ($i = 0,74$) (рис. 4). Участники ис-

следования отметили высокую эффективность стажировок и практик ($i = 0,70$). При этом целевое обучение ($i = 0,56$), объявления в социальных сетях ($i = 0,55$) и обращения в центры трудоустройства и занятости ($i = 0,49$) менее эффективны в вопросе привлечения сотрудников в компании, специализирующиеся в сфере электроники. Наименее эффективны механизмы обращений на биржу фриланса ($i = 0,40$) и объявления в СМИ ($i = 0,38$).

⁶ Полученные характеристики отражены как в форме одномерных распределений ответов на вопросы, так и в форме простых нормированных индексов (i). Значение индекса варьируется от 0 до 1, при этом 0 означает низкую степень выраженности измеряемой характеристики, качества, 0,5 — промежуточную, а 1 — наивысшую. При расчете индекса учитываются только мнения респондентов, определившихся с ответом и не выбравших «затрудняюсь ответить».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАБОТОДАТЕЛЕЙ С УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ

Компании используют разнообразные механизмы и практики взаимодействия с учебными заведениями для привлечения сотрудников. К ним относятся: корпоративные учебные центры, «сарафанное радио», программа «Приведи друга», публичные выступления в учебных заведениях, наружная и транзитная (например, на автобусах) реклама, участие в профильных конференциях.

За прошедший год предприятия отрасли стали налаживать более тесное взаимодействие с кафедрами вузов (рис. 5). Так, большинство компаний, в которых работают эксперты, сотрудничают с федеральными вузами (76% vs 63% в 2023 г.) и региональными вузами (62% vs 57% в 2023 г.). Половина организаций выстраивают взаимодействие с ссузами (50%).

Взаимодействие с учебными заведениями происходит в формате организации практики для обучающихся (58% vs 62% в 2023 г.), выделения целевых программ обучения (32% vs 25% в 2023 г.), проведения Дней карьеры в вузах и ссузах (32% vs 30% в 2023 г.) и научных мероприятий (конференций, круглых столов, дискуссий) (31% vs 41% в 2023 г.).

Различные форматы взаимодействия предприятий с учебными организациями, по мнению экспертов, позволяют решить проблему кадрового дефицита в компании (в 2024 г. 61%: 20 — абсолютно согласны, 41 — скорее согласны; в 2023 г. — 56%: 28 — абсолютно согласны, 28 — скорее согласны), при этом 9% скорее не согласны с данным утверждением, 7% абсолютно не согласны, 24% не смогли дать однозначный ответ на заданный вопрос.

Большинство компаний (69%), в которых работают эксперты, трудоустраивают студентов очной формы обучения, из них эффективность работы студентов отмечают 50%, а 19% — что работа студентов недостаточно эффективна. Треть предприятий (30%) не берет на работу обучающихся очной формы.

В вопросе готовности организации выстраивать карьерные треки студентов очной формы обучения самый высокий индекс был получен в контексте предоставления площадки для организации практики ($i = 0,74$) (рис. 6). Индекс готовности компании взять обучающихся на стажировку составил 0,67, а индекс готовности трудоустроить студентов — 0,57. Компании в целом готовы предоставлять возможности для получения первого трудового опыта по профессии, но не так явно готовы брать в штат обучающегося.

Вероятность того, что компания пригласит студента очной формы обучения (из 5 возможных):

- на практику — 3,9 п.;
- на стажировку — 3,7 п.;
- в штат — 3,3 п.

Основная причина возникающих трудностей при трудоустройстве студентов очной формы обучения — несоответствие графиков работы и учебы (68%) (рис. 7). Недостаток опыта отметили 41% респондентов. О том, что знания студентов не соответствуют запросам производства, заявили 27% экспертов, о низкой мотивации — 21%.

К качеству знаний и умений выпускников учебных заведений, соответствующих потребностям сферы электронной промышленности, эксперты отнесли уровень цифровой грамотности ($i = 0,73$),

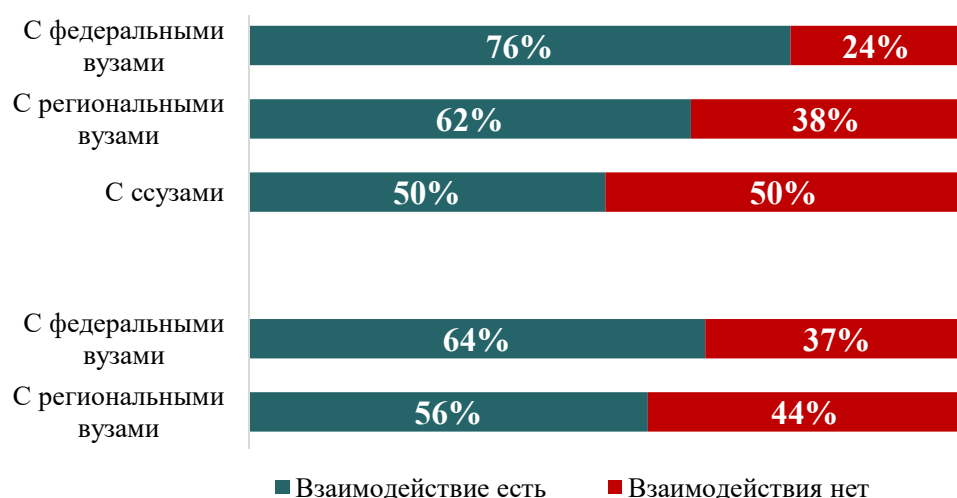

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение ответов на вопрос «Взаимодействует ли Ваша организация со следующими учебными учреждениями?» / Distribution of responses to the question “Does your organization interact with the following educational institutions?”

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

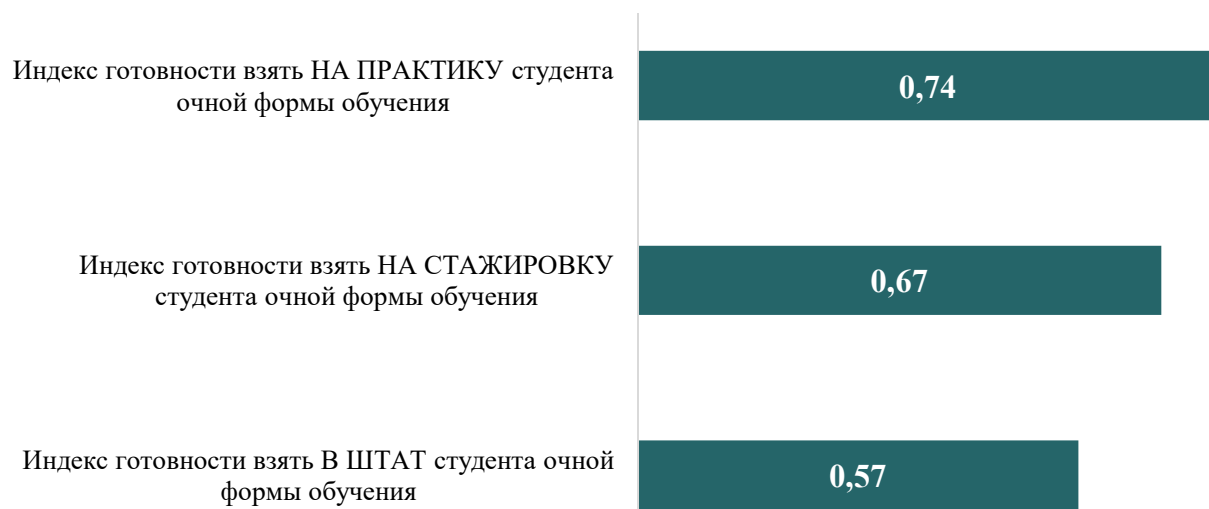

Рис. 6 / Fig. 6. Индексы готовности компаний принимать участие в организации трудовых практик для студентов / Indices of companies' readiness to participate in organizing work placements for students

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

Рис. 7 / Fig. 7. Распределение ответов на вопрос «Какие вы видите проблемы трудоустройства студентов очной формы обучения?» / Distribution of responses to the question "What problems do you see in the employment of full-time students?"

Источник / Source: составлено авторами по результатам исследования / Compiled by the authors based on the results of the study.

креативность и критическое мышление ($i = 0,71$), коммуникабельность и навыки командной работы ($i = 0,69$), стремление к профессиональному развитию ($i = 0,67$) (см. таблицу). Наибольшее несоответствие фиксируется в контексте опыта работы ($i = 0,36$).

В результате аналогичного исследования, проведенного в 2023 г., 80% представителей работодателей отметили, что навыки выпускников российских вузов отчасти соответствуют требованиям компании. Участники исследования высказали

предложения по поводу наиболее эффективных механизмов выстраивания взаимодействия вузов и ссузов с работодателями. Так, были выделены следующие рекомендации в рамках:

- структуры образовательной организации (приглашать представителей предприятий на Дни карьеры, развивать программы амбассадорства, приглашать представителей рынка труда на лекции, конференции, учитывать и реализовывать запросы рынка труда в образовательном процессе, например, создавать в вузах/ссузах кафедры или

Таблица / Table

**Соответствие выпускника российского вуза/ссуза требованиям рынка труда /
Compliance of a graduate of a Russian university/secondary vocational school with the requirements
of the labor market**

Критерии соответствия выпускника российского вуза/ссуза / Criteria for the compliance of a graduate of a Russian university /college	Индекс соответствия / Compliance index (i)
Уровень цифровой грамотности	0,73
Креативность, критическое мышление	0,71
Коммуникабельность, умение работать в команде	0,69
Желание профессионально развиваться	0,67
Ответственность, исполнительность	0,64
Мотивация работать (трудиться), трудовая этика	0,62
Наличие профессиональных знаний, умений, навыков	0,59
Знание английского языка	0,57
Соответствие корпоративной культуре организации	0,54
Личная преданность, лояльность организации	0,51
Опыт работы	0,36

Источник / Source: составлено авторами/ compiled by the authors.

центры конкретных компаний, разрабатывать инструменты взаимодействия студентов и компаний в рамках научной работы, написания проектных, курсовых и дипломных работ, модернизировать образовательный процесс с учетом трудовой деятельности обучающихся, развивать механизмы целевого обучения, создавать коллаборации, партнерские программы, информировать студентов о вакансиях и организациях);

- структуры компании-партнера (проводить экскурсии на предприятия и в испытательные центры, выстраивать механизмы стажировок и практик на производствах, организовывать посещение студентами Дней открытых дверей в разных компаниях).

ВЫВОДЫ

Сфера российской электронной промышленности испытывает острую нехватку высококвалифицированных специалистов. Этот дефицит — одна из главных проблем отрасли, причина общеэконо-

мических и общесоциальных трендов, характерных для российского рынка труда в последние годы, связанный со специфическими особенностями отрасли и недостатками системы образования: общим дефицитом квалифицированных кадров в экономике, оттоком специалистов за рубеж и в другие, более привлекательные отрасли, недостаточным уровнем оплаты труда, нехваткой опыта и практических навыков у молодых специалистов и недостаточным количеством профильных учебных заведений, готовящих кадры для отрасли. Сотрудничество предприятий с вузами и ссузами, организация стажировок и практики для студентов — эффективные механизмы для решения основных кадровых проблем: получения практического опыта и навыков специалистами, с оценкой потенциала возможных будущих кадров непосредственно на территории работодателя, и повышения уровня квалификации (дополнительное образование, целевые программы обучения) действующих сотрудников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тюриков А. Г. Региональный рынок труда: вызовы, проблемы и кадровая политика. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021;46(2):286-297. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-2-286-297
2. Шадрин В. А., Казаченко А. П., Хасанова Э. Р., Попович С. О. Проблема кадрового голода и пути эффективного использования кадрового потенциала на предприятиях АПК. Экономика и право — 2024: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 17 декабря 2024 г. Петрозаводск. 2024:24-28. URL: <https://www.elibrary.ru/epggbi>
3. Васфиев Р. И. Проблемы дефицита кадров в цифровой экономике. *Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания*. 2024;4(40):27-28. URL: <https://www.elibrary.ru/thdivg>
4. Петроченко Т. В. Влияние дефицита кадров на современный рынок труда в условиях неопределенности. *Экономическая среда*. 2023;3(45):61-69. DOI: 10.36683/2306-1758/2023-3-45/61-69
5. Чернецова А. О. Причины возникновения дефицита кадров и пути решения проблемы. Проблемы и перспективы развития системы учета, аудита и государственного управления в условиях цифровой экономики: материалы IV Международной научно-практической конференции, 24 мая 2024 г. Симферополь; 2024:694-696. URL: <https://www.elibrary.ru/axboeg>
6. Бочкарев А. В. Проблема дефицита кадров рабочих и инженерных специальностей. Общественные науки в проекции развития современного социума (экономические науки): Сборник статей по материалам VI Международного молодежного научного форума. Москва, 19 апреля 2023 г. Москва; 2023:68-74. URL: <https://www.elibrary.ru/qpkpse>
7. Лю Д. Обеспечение конкурентоспособности продукции предприятий электронной промышленности на микроуровне. *Russian Economic Bulletin*. 2022;5(5):151-156. URL: <https://www.elibrary.ru/igokzf>
8. Жураковский В. М. Эффективное профессиональное самоопределение как условие преодоления дефицита инженерных кадров. Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение обучающихся: вызовы времени: Сборник научных трудов (к 85-летию академика Российской академии образования, доктора педагогических наук, профессора С. Н. Чистяковой). Москва; 2024:97-112. URL: <https://www.elibrary.ru/gnjjop>
9. Казакова Ю. Е. Актуальные требования рынка труда: мониторинг компетенций выпускников работодателями (на примере Уральского региона). *Проблемы теории и практики управления*. 2024;1(2):206-220. URL: <https://www.elibrary.ru/fpsfyz>
10. Павлюк Т. И. Трудоустройство и адаптация выпускников вузов на российском рынке труда (на примере Дальрыбвтуза). *Наукосфера*. 2022;9(1):81-87. URL: <https://www.elibrary.ru/yestup>
11. Локтионова Д. В. Конкуренция между выпускниками Вузов: обзор неблагоприятного отбора на рынке труда. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2024;1(89):128-131. URL: <https://www.elibrary.ru/eqxyug>

REFERENCES

1. Tyurikov A. G. Regional labor market: challenges, problems, personnel policy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*. 2021;46(2):286-297. (In Russ.). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-2-286-297
2. Shadrin V. A., Kazachenko A. P., Hasanova Je. R., Popovich S. O. Problema kadrovogo goloda i puti jeffektivnogo ispol'zovanija kadrovogo potencijala na predpriyatijah APK. *Jekonomika i pravo — 2024: Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Petrozavodsk*; 2024:24-28. URL: <https://www.elibrary.ru/epggbi> (In Russ.).
3. Vasdfiev R. I. Problemy deficita kadrov v cifrovoj jekonomike. Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znaniya. 2024;4(40):27-28. URL: <https://www.elibrary.ru/thdivg> (In Russ.).
4. Petrochenko T. V. Impact of Personnel Shortage on Modern Labour Market Uncertainty Conditions. *Economic Environment*. 2023;3(45):61-69. (In Russ.). DOI: 10.36683/2306-1758/2023-3-45/61-69
5. Chernecova A. O., Guseva N. V. Prichiny vozniknovenija deficita kadrov i puti reshenija problem. Problemy i perspektivy razvitija sistemy ucheta, audita i gosudarstvennogo upravlenija v uslovijah cifrovoj jekonomiki: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 24 maj 2024. *Simferopol'*; 2024:694-696. URL: <https://www.elibrary.ru/axboeg> (In Russ.).
6. Bochkarev A. V. Problema deficita kadrov rabochih i inzhenernyh special'nostej. Obshhestvennye nauki v proekcii razvitija sovremennogo sociuma (jekonomicheskie nauki): Sbornik statej po materialam

VI Mezhdunarodnogo molodjozhnogo nauchnogo foruma, Moskva, 19 apr. 2023. Moscow; 2023:68-74. URL: <https://www.elibrary.ru/qpkpse> (In Russ.).

7. Lju D. Obespechenie konkurentosposobnosti produkcii predpriyatij jelektronnoj promyshlennosti na mikrourovne. *Russian Economic Bulletin*. 2022;5(5):151-156. URL: <https://www.elibrary.ru/igokzf> (In Russ.).
8. Zhurakovskij V.M. Jefferktivnoe professional'noe samoopredelenie kak uslovie preodolenija deficita inzhenernyh kadrov. Professional'naja orientacija i professional'noe samoopredelenie obuchajushhihsja: vyzovy vremeni: Sbornik nauchnyh trudov (k 85-letiju akademika Rossijskoj akademii obrazovanija, doktora pedagogicheskikh nauk, professora S.N. Chistjakovoj). Moscow; 2024:97-112. URL: <https://www.elibrary.ru/gnjjop> (In Russ.).
9. Kazakova Ju. E. Current Requirements of the Labor Market: Monitoring Employers opinions on the competencies of graduates (Using the Example of the Ural Region). *Problems of management theory and practice*. 2024;1(2):206-220. URL: <https://www.elibrary.ru/fpsfyz> (In Russ.).
10. Pavljuk T. I. Employment and adaptation of university graduates in the Russian labor market (using the example of Dalrybvtuz). *Naukosfera*. 2022;9(1):81-87. URL: <https://www.elibrary.ru/yestup>. (In Russ.).
11. Loktionova D.V. Competition between university graduates: a review of adverse selection in the labor market. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*. 2024;1(89):128-131. URL: <https://www.elibrary.ru/eqxyyg> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alexander G. Tyurikov — Dr. Sci (Socio.), Prof., Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

agtyurikov@fa.ru

Милена Ровиановна Данилова — студентка 2 курса, магистратура факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Milena R. Danilova — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7473-2704>

mrdanilova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.05.2025; принята к публикации 23.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.05.2025; accepted for publication on 23.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-16-23

УДК 159.923.2:378.1(045)

Профессия, карьера, призвание: взгляд через призму становления идентичности студентов

М.В. Клементьева, В.А. Родонич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В технологически развитом мире становление профессиональной идентичности и планирование карьеры — задачи, решаемые во время учебы в вузе. Предыдущие исследования установили, что неадаптивные процессы формирования профессиональной идентичности и планирования будущей карьеры в студенческом возрасте побуждают учащихся покинуть университет, но мало известно об индикаторах карьерного призвания, ассоциированных с профессиональной идентичностью и смыслами профессиональной жизни среди студентов. Цель настоящей работы — оценка дискриминантной валидности адаптированной шкалы оценки профессиональной идентичности (U-MICS) по отношению к индикаторам карьерного призвания и осмысленности профессиональной жизни на выборке российского студенчества ($n = 102$). Опросный метод позволил измерить показатели профессиональной идентичности (поиск, принятие и переосмысление), смысловых ориентаций в профессиональной деятельности (цель, процесс, результат, локус контроля) и карьерного призвания (карьерная идентичность, барьеры развития карьеры и потребности в информации). Для обработки и анализа данных использована статистика t -критерия Стьюдента и r -критерия Пирсона. В результате исследования доказано, что различия в показателях профессиональной идентичности, связанные с направлением учебно-профессиональной деятельности и статусом профессиональной идентичности, выражены и обоснованы: достижение профессиональной идентичности соотносится с возможной карьерой на основе рефлексивного анализа барьеров карьерного развития и осмысленностью профессиональной деятельности среди студентов, характеризует адаптивный путь профессионального развития. Напротив, кризисный путь профессионального развития сопряжен с пересмотром профессиональной идентичности (мораторием идентичности), наивностью в оценке возможностей карьерного роста, руминацией о призвании, прекарностью. Подход, основанный на понимании, как профессиональная идентичность связана с представлениями студентов о будущей карьере, является актуальным при разработке программ профессионального образования. Материалы исследования, демонстрирующие дискриминантную валидность методики U-MICS, могут быть использованы в межкультурных сравнениях особенностей развития личности среди студентов.

Ключевые слова: идентичность; профессиональная идентичность; профессия; карьера; призвание; прекарность; студенты

Для цитирования: Клементьева М.В., Родонич В.А. Профессия, карьера, призвание: взгляд через призму становления идентичности студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):16-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-16-23

ORIGINAL PAPER

Profession & Career & Vocation: A View Through the Prism of Identity Development Among Students

M.V. Klementyeva, V.A. Rodonich

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In a technologically advanced world, professional identity formation and career planning are the tasks of student age. Previous studies have established that non-adaptive processes of professional identity formation and career planning during student age motivate students to leave university, but little is known about indicators of the professional identity associated with career calling, and the meanings of professional life among students. The purpose of our study is to evaluate the discriminant validity of the adapted professional identity assessment scale (U-MICS) in relation to indicators of career self-determination (vocation) and meaningfulness of professional life on a Russian student sample ($n = 102$). The survey method was used in the study of measure indicators of professional identity (in depth study, commitment, reconsideration), life-meaning in professional activity (goals, process, effectiveness, locus of control) and career vocation (career (vocational) identity, career development barriers, need for information). The Students t -test and Pearson's

r-coefficient statistics were used to process and analyze the data. The study proved that differences in professional identity indicators associated with the direction of educational and professional activity and the status of professional identity (achievement or searching moratorium) are expressed and substantiated: the achievement of professional identity is related to a possible career based on a reflexive analysis of barriers to career development and meaningfulness of professional activity among students, characterizes the adaptive path of professional development. On the contrary, the crisis path of professional development is associated with a revision of professional identity (identity moratorium), naivety in assessing career growth opportunities, rumination about vocation, precarity. An approach based on understanding how professional identity is related to student's ideas about a future career is relevant in the development of professional education programs. The research materials demonstrating the discriminant validity of the U-MICS methodology can be used in cross cultural comparisons of personality development characteristics among students.

Keywords: identity; professional identity; profession; career; vocation; precarity; students

For citation: Klementyeva M.V., Rodonich V.A. Profession & career & vocation: A view through the prism of identity development among students. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):16-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-16-23

ВВЕДЕНИЕ

В современном индустриально развитом обществе, где усиливаются тенденции прекарности — переживания нестабильности и ненадежности трудовой занятости, — становление профессиональной идентичности является прогностическим фактором успешной профессиональной деятельности, ключевой особенностью навигации в путях карьерного развития. Особенно это актуально для современных студентов университетов, активно экспериментирующих с профессиональной идентичностью в годы учебы, стремящихся понять свое призвание, демонстрирующих готовность взять на себя обязательства в области профессии и карьеры.

Профессиональная идентичность — обобщающий термин для профессиональной, карьерной, трудовой, рабочей, должностной идентичности — касается рефлексивных представлений личности о своем «Я» как носителе профессии. Процессы профессиональной идентификации включают субъективное чувство уникальности «Я» (личное измерение идентичности), переживание своей принадлежности к группе профессионалов (социальное измерение идентичности), принятие на себя ролевых обязательств, связанных с профессией (ролевое измерение идентичности). Согласованность желаемой профессиональной идентичности с призванием, работой и карьерой — тот фундаментальный ресурс, мотивирующий студентов в учебно-профессиональной деятельности и будущей профессиональной деятельности, условие позитивного развития и повышения качества жизни не только в границах персонификации, но и в масштабах общества, культуры, цивилизации.

Однако становление профессиональной идентичности и планирование карьеры не всегда согласованные между собой задачи, решаемые современными студентами. Когнитивный, эмоциональный и поведенческий диссонанс между

профессией и карьерой может вызывать у студентов разочарование в выборе профессии и отторжение учебы, диффузию профессиональных ролей и карьерных ожиданий, конфликты ценностей, академическое выгорание и желание оставить профессию. Указанные тенденции наиболее очевидны в современных условиях повышенной прекарности в сфере трудовых и профессиональных отношений, неопределенности трудовой занятости профессионалов, которые наблюдаются на современном рынке труда в условиях цифровой экономики.

Необходимость и своевременность становления профессиональной идентичности, позволяющей противостоять неопределенности, поддерживать социальную интеграцию и способствовать социально-психологическому благополучию специалиста уже на самых первых этапах профессионального развития, находит отражение в фундаментальных и прикладных исследованиях идентичности студентов, а также в разработке и внедрении тренингов в образовательный процесс университета¹.

В контексте традиционной модели развития идентичности (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, Д. Маттесон, Х. Гротевант) современными отечественными исследователями О.А. Карабановой и С.В. Молчановым выявлено, что студенты со сформированной профессиональной идентичностью или находящиеся в интенсивном ее поиске социально-психологически адаптированы, обладают ценностями автономии, самоутверждения, демонстрируют социальные интересы и озабочены общественным благополучием [1].

Согласно новой гипотезе о двойном цикле развития идентичности в рамках разработки самой влиятельной теоретической неозэриксонской

¹ Шнейдер Л.Б. Психология идентичности: учебник и практикум для вузов. Москва: Издательство Юрайт; 2024. 328 с.

модели (С. Шварц, В. Миус, Е. Крочетти и др.) *профессиональная и академическая формы идентичности студентов сопряжены между собой* (выбор и стремление к достижению образовательных целей, карьерных ожиданий и восприятия себя как представителя конкретной профессии), а также положительно связаны с их академическими достижениями, *психологическим и социальным благополучием, психическим и физическим здоровьем* [2].

Интегрируя в новой модели профессиональной идентичности представления Э. Эриксона о личностном (персональном) измерении и идеи Х. Тэджфел и Дж. Тернера о социальном измерении идентичности, исследователи (Т. Манчини, Л. Карикати, К. Панари и др.) выявили, что студенты с достигнутой профессиональной идентичностью имеют более высокие баллы по показателям академической оценки и ясности ценностей (внутренних, нематериальных) учебно-профессиональной деятельности. Они не намерены покинуть университет в отличие от студентов, преимущественно ориентированных на внешние ценности (например, безопасность, материальные блага), демонстрирующих диффузную профессиональную идентичность и низкую академическую успеваемость и размышляющих об уходе из вуза [3].

К сожалению, современные исследования показывают, что лишь четверть студентов университетов к завершению образовательной программы достигают профессиональной идентичности [2]. В попытке объяснить такую высокую долю спутанности и несформированности профессиональной идентичности исследователи предлагают рассматривать «профессиональную идентичность студентов» как особый конструкт, отличный от профессиональной идентичности специалиста [4], что представляется избыточным в необоснованном умножении дефиниций, поскольку размывает суть концепта профессиональной идентичности.

Несмотря на актуальность и высокий научно-практический интерес к проблеме становления профессиональной идентичности, все еще недостаточно знаний о процессах профессиональной идентификации у студентов в связи с карьерными ожиданиями. Решая эту проблему, мы адаптировали шкалу оценки профессиональной идентичности (U-MICS) [5] на российской студенческой выборке и установили связи с индикаторами карьерных ожиданий и роста. Интегрируя положения отечественной культурно-исторической психологии и неозериксоновской теории культурного развития, мы поддерживаем взгляд на учет специфических условий в процессах становления идентичности,

характерных для современного цифрового общества [6], и предлагаем модифицированную модель внутриличностных и социальных (межгрупповых) процессов идентификации в контексте профессиональной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, мы определили *целью исследования* изучение дискриминантной валидности адаптированной шкалы оценки профессиональной идентичности (U-MICS) по отношению индикаторам карьерного самоопределения на российской студенческой выборке.

МЕТОД

Выборка. В опросе приняли участие 102 студента, обучающихся в университетах России по психологическим ($n = 41$) и «непсихологическим» (экономическим, техническим, педагогическим, гуманитарным, социальным) направлениям ($n = 61$), в возрасте от 18 до 25 лет. Медиана — 19 лет. Из них: 73,5% — женщины и 26,5% — мужчины.

Методики:

1) адаптированный нами опросник оценки профессиональной идентичности, включающий 10 утверждений, сформированных в 3 шкалы — «принятие профессиональной идентичности»; «поиск профессиональной идентичности» и «пересмотр профессиональной идентичности». Оценка соответствия стимульного материала осуществлена с использованием метода экспертных оценок (2 эксперта) и фокус-групп (10 студентов) с использованием коэффициента Каппы (эмпирическое значение составило 0,90). Структурная валидность адаптированного опросника оценена с использованием конфирматорного факторного анализа (КФА: $\chi^2/df = 0,83$; $RMSEA < 0,001$; $CFI = 1,0$; $n = 102$). Оценка согласованности проведена с использованием α -Кронбаха ($\alpha \geq 0,91$);

2) методика измерения карьерного самоопределения (адаптированная на русскоязычной выборке методика «My Vocational Situation»), включающая шкалы «карьерной идентичности», «барьеры развития карьеры» и «потребности в информации» [7];

3) тест СЖО [8] с измененной инструкцией («Оцените, пожалуйста, каждое из утверждений, насколько оно соответствует вашему отношению к профессиональной жизни»), отвечающий требованиям согласованности-надежности (α -Кронбаха $\geq 0,90$) и структурной валидности (КФА: $\chi^2/df = 1,08$; $RMSEA < 0,001$; $CFI = 1,00$; $n = 102$), имеющий шкалы цели профессиональной жизни, процесс профессиональной жизни, результат профессиональной жизни и локус-контроля профессиональной жизни.

Стратегия анализа. Ранжирование по статусам профессиональной идентичности (предetermined, достигнутая, диффузная, мораторий) осуществлено с использованием кластерного анализа. Проверка взаимосвязи показателей профессиональной идентичности и карьерного самоопределения проведена с использованием χ^2 -критерия Пирсона; сравнительный анализ показателей карьерного самоопределения для групп, ранжированных по статусам профессиональной идентичности, направлению учебно-профессиональной деятельности и полу, выполнен с использованием t -критерия Стьюдента.

РЕЗУЛЬТАТ И ОБСУЖДЕНИЕ

В результате кластерного анализа выделены две группы, соответствующие статусам идентичности:

1) достигнутая профессиональная идентичность — высокие значения принятия и поиска, низкие значения пересмотра ($n = 62$; 62%);

2) поиск моратория профессиональной идентичности (кризис идентичности) — средние значения принятия, поиска и пересмотра ($n = 39$; 38%). Оба статуса отличаются высоким уровнем развития профессиональной идентичности.

Статус достигнутой идентичности — адаптивный путь становления идентичности — свидетельствует о позитивном саморазвитии и удовлетворенности выбранной профессией, а статус пересмотра моратория является проблемным путем становления идентичности и свидетельствует о кризисе профессиональной идентичности — неустойчивости и подверженности изменениям.

Описательные статистики и сравнительный анализ показателей профессиональной идентичности и карьерного самоопределения для групп, ранжированных по статусу профессиональной идентичности (достигнутая / мораторий) и направлению учебно-профессиональной деятельности (психологи / непсихологи) представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

t -критерий Стьюдента для показателей «профессиональной идентичности», «карьерного самоопределения» и «осмысленности профессиональной жизни» в ранжированных группах ($n = 102$) / Student's t -test for "professional identity", "ocational situation" and "meaningfulness of professional life" in ranked groups ($n = 102$)

Показатель / Indicator		t-критерий Стьюдента / Student's t-test	
		Статус / Status	Направление / Direction
Профессиональная идентичность	Поиск	6,2***	2,1*
	Принятие	12,8***	1,6
	Пересмотр	-9,8***	-2,3*
Карьерное самоопределение	Карьерная идентичность	-4,5***	-2,4*
	Барьеры карьеры	-3,5***	-2,2*
	Потребность в информации	1,7	0,01
Осмысленность профессиональной жизни	Цели	5,8***	1,7
	Процесс	6,5***	1,5
	Результат	8,0***	1,6
	Локус-контроль	5,1***	0,9
	Осмысленность общая	8,5***	1,7

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечание / Note: — * p -уровень значимости $\leq 0,05$; *** p -уровень значимости $\leq 0,001$ / * p -Value $\leq 0,05$; *** p -Value $\leq 0,001$.

Различия между группами, ранжированными по направлению деятельности и статусам профессиональной идентичности значимы:

1) студенты-психологи ориентированы на углубленное исследование профессиональной идентичности и видят меньше барьеров в карьерном развитии; а студенты-непсихологи более направлены на критическую оценку и пересмотр ценностей и смыслов выбранного пути профессионального становления;

2) студенты с достигнутой профессиональной идентичностью более удовлетворены выбранным профессиональным путем, ориентированы на углубленный поиск феноменов, подтверждающих правильность выбора профессиональной идентичности, ясно осознают профессиональные цели, осознанно контролируют свою учебно-профессиональную деятельность, а также демонстрируют более критичное отношение к карьере, рефлексии барьеры в развитии карьеры и пути их преодоления, чем студенты с кризисом профессиональной идентичности (поиск моратория), отличающиеся неясностью профессиональной идентичности, неудовлетворенностью.

В целом можем сказать, что поиск и принятие профессиональной идентичности — адаптивные процессы, позволяющие студентам найти подходящую профессию и преодолеть барьеры и неудачи в карьере.

Корреляционный анализ шкал профессиональной идентичности и карьерного самоопределения (табл. 2) демонстрирует согласованность параметров: поиск и принятие профессиональной идентичности соотносятся с критичной оценкой возможных путей становления карьерной идентичности, обдумыванием и выбором карьеры на основе рефлексивного анализа барьеров карьерного развития, высоким уровнем осмысленности профессиональной деятельности — ясностью целей, осознанием призвания, интересом к профессиональной сфере, стремлением к самореализации, уверенностью в своих возможностях регуляции и управления карьерой. Напротив, пересмотр профессиональной идентичности сопряжен с ригидностью карьерной идентичности, некритичным, наивным представлением о барьерах на трудовом пути и отсутствием стремления повысить свою осведомленность в профессии.

Таблица 2 / Table 2

r-критерий Пирсона для показателей «профессиональной идентичности», «карьерного самоопределения» и «осмысленности профессиональной жизни» ($n = 102$) / The Pearson correlation coefficient (r) for “professional identity”, “vocational situation” and “meaningfulness of professional life” ($n = 102$)

Показатель / Indicators		Профессиональная идентичность / Professional identity		
		Поиск / Exploration	Принятие / Commitment	Пересмотр / Reconsideration
Карьерное самоопределение	Карьерная идентичность	-0,22*	-0,29***	0,48***
	Барьеры карьеры	-0,17*	-0,21*	0,33***
	Потребность в информации	0,06	-0,02	0,33***
Осмысленность профессиональной жизни	Цели	0,51***	0,58***	-0,49***
	Процесс	0,55***	0,57***	-0,56***
	Результат	0,56***	0,68***	-0,50***
	Локус-контроль	0,37***	0,47***	-0,35***
	Осмысленность общая	0,60***	0,70***	-0,57***

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечание / Note: — * p -уровень значимости $\leq 0,05$; *** p -уровень значимости $\leq 0,001$ / * p -Value $\leq 0,05$; *** p -Value $\leq 0,001$

Стоит отметить, что в нашем исследовании обнаружена значимая линейная положительная связь между тремя шкалами карьерного самоопределения ($r \geq 0,35$ при $p \leq 0,001$), что может указывать на реверсивные связи между представлениями о карьерной идентичности, рефлексией барьеров карьеры и стремлением получить новую информацию о профессиональной занятости.

В работе [8] отмечается отрицательная связь между барьерами и идентичностью, что противоречит не только нашим результатам, но и исходной модели «Vocational Identity» Дж. Холланда, где субшкалы образуют один униполярный фактор [9]. Иначе говоря, чем более ясными и отчетливыми становятся представления студентов о своей будущей карьере и профессиональной занятости, тем более критично и рефлексивно они относятся к барьерам карьерного развития — барьеры, таким образом, являются не препятствием, а фактором, затрудняющим развитие карьеры.

Исходя из представленных данных в целом, можем отметить высокую дискриминантность шкалы профессиональной идентичности, адаптированной нами для российской выборки. Видим, что статус профессиональной идентичности, пол, выбор профессии (содержательная направленность учебно-профессиональной деятельности) оказывают влияние на путь становления профессиональной идентичности, стратегию карьерного самоопределения (призвания) и осмысленности профессиональной деятельности современных студентов. Углубленное самоисследование и личная убежденность в правильном

выборе профессионального пути способствуют укреплению профессиональной идентичности, содействуют критической оценке возможностей становления карьерной идентичности, рефлексивному анализу барьеров карьерного развития и реализации призвания, осмысленности профессионального пути: студенты с таким профилем ориентированы на самореализацию, удовлетворены профессиональным выбором, рефлексивны в оценке своего призвания, привержены профессиональным целям и ценностям, которые разделяют с профессиональным сообществом.

ВЫВОД

Профессия, карьера и призвание в представлениях современных студентов — связанные между собой, но не тождественные явления. Адаптивный путь становления профессиональной идентичности связан с удовлетворенностью и уверенностью в правильности выбора профессии, критичностью в оценке возможностей и барьеров карьерного развития, рефлексивным анализом своего призвания. Кризисный путь становления профессиональной идентичности сопряжен с разочарованием и пересмотром профессионального выбора, ригидностью и наивностью в оценке своих возможностей карьерного развития, руминацией о призвании. Выраженная направленность студентов-психологов на углубленное исследование профессиональной идентичности связана с содержанием учебно-профессиональной деятельности и спецификой профессии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации (ФНИР13). Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation (FSR 13). Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Статус профессиональной идентичности как фактор психологической адаптации личности в юношеском возрасте. *Национальный психологический журнал*. 2022;4:19-28. DOI: 10.11621/npj.2022.0403
2. Crocetti E., De Lise F., Pagano M., Bobba B., Maratia F., Meeus W. et al. What's your vocation? A meta-analysis of interventions tackling youth educational and professional identity. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2024; Sept 15. DOI: 10.1080/15283488.2024.2394861

3. Mancini T., Caricati L., Panari C., Tonarelli A. Personal and social aspects of professional identity: An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university students. *Journal of Vocational Behavior*. 2015;89:140-150. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.06.002
4. Родыгина У.С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов. *Психологическая наука и образование*. 2007;12(4):39-51. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2007_n4/Rodygina
5. Crocetti E., Avanzi L., Hawk S. T., Fraccaroli F., Meeus W. Personal and social facets of job identity: A person-centered approach. *Journal of Business and Psychology*. 2014; 29:281-300. DOI: 10.1007/s10869-013-9313-x
6. Клементьева М.В. Идентичность: виртуальная или реальная? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):141-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146
7. Дёмин А.Н., Седых А.Б., Седых Б.Р. Стандартизация методики измерения карьерного самоопределения. *Российский психологический журнал*. 2017;14(2):151-170. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.9
8. Осин Е.Н., Кошелева Н.В. Тест смысловых ориентаций: новые данные о структуре и валидности. *Вопросы психологии*. 2020;66(6):150-163. URL: https://www.researchgate.net/publication/355645454_TEST_SMYSLOZIZNENNYH_ORIENTACIJ_NOVYE_DANNYE_O_STRUKTURE_I_VALIDNOSTI
9. Holland J.L., Johnston J.A., Asama, N.F. The vocational identity scale: A diagnostic and treatment tool. *Journal of Career Assessment*. 1993;1(1):1-12. DOI: 10.1177/106907279300100102

REFERENCES

1. Karabanova O. A., Molchanov S. V. Status of professional identity as a factor of person's psychological adaptation in adolescence. *National Psychological*. 2022; 4:19-28. (in Russ.). DOI: 10.11621/npj.2022.0403
2. Crocetti E., De Lise F., Pagano M., Bobba B., Maratia F., Meeus W. et al. What's your vocation? A meta-analysis of interventions tackling youth educational and professional identity. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2024; Sept 15. DOI: 10.1080/15283488.2024.2394861
3. Mancini T., Caricati L., Panari C., Tonarelli A. Personal and social aspects of professional identity: An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university students. *Journal of Vocational Behavior*. 2015;89:140-150. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.06.002
4. Rodygina U. S. Psychological features of professional identity in students. *Psychological Science and Education*. 2007; 12(4): 39-51. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2007_n4/Rodygina (In Russ.).
5. Crocetti E., Avanzi L., Hawk S. T., Fraccaroli F., Meeus W. Personal and social facets of job identity: A person-centered approach. *Journal of Business and Psychology*. 2014; 29:281-300. DOI: 10.1007/s10869-013-9313-x
6. Klementyeva M. V. Identity: Virtual or real? *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):141-146. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146
7. Diomin A. N., Sedykh A. B., Sedykh B. R. Standardization of the technique for measuring career self-determination. *Russian Psychological Journal*. 2017;14(2):151-170. (in Russ.). DOI: 10.21702/rpj.2017.2.9
8. Osin E. N. Kosheleva N. V. Noetic Orientations Test: New data on structure and validity. *Voprosy psikhologii*. 2020;66(6):150-163. URL: https://www.researchgate.net/publication/355645454_TEST_SMYSLOZIZNENNYH_ORIENTACIJ_NOVYE_DANNYE_O_STRUKTURE_I_VALIDNOSTI (in Russ.).
9. Holland J.L., Johnston J.A., Asama, N.F. The Vocational Identity Scale: A diagnostic and treatment tool. *Journal of Career Assessment*. 1993;1(1):1-12. DOI: 10.1177/106907279300100102

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Владимировна Клементьева — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina V. Klementyeva — Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Chief Research Fellow, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MVKlementeva@fa.ru

Вячеслав Алексеевич Родонич — психолог, стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vyacheslav A. Rodonich — Psychologist, Research Ass., Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0001-7807-3408>

rodonicvaceslav@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

М.В. Клементьева — методология исследования, концепция и дизайн исследования, анализ и обсуждение полученных данных, написание текста.

В.А. Родонич — сбор и обработка материала исследования, статистический анализ полученных данных, написание текста.

Authors' declared contribution:

M. V. Klementyeva — research methodology, concept and design of the study, analysis and discussion of the data obtained, writing the text.

V. A. Rodonich — collection and processing of the material of the study, analysis of the data obtained from the study, writing the text.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.05.2025; принята к публикации 23.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.05.2025; accepted for publication on 23.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-24-29

УДК 37.014.5(569.62)+378(045)

Оценка довузовского образования в странах Совета сотрудничества арабских государств: Государство Катар как модель

А.М. Хакки

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье использовалась статистика исследования по ряду факторов для определения реальности довузовского образования в Государстве Катар и пути развития образования в стране в обозримом будущем. Данные, полученные в ходе исследования, анализировались с использованием описательного и статистического подходов. Оценивались пять наиболее важных параметров — количество учителей, работающих во всех школах, число школ, классов и учащихся, объем государственных расходов на образование в процентах от валового национального дохода страны. Результаты исследования показали следующее: С 2009 по 2022 г. количество учащихся в школах, количество школ и классов, учителей, работающих в школах, увеличилось, в то время как доля расходов на образование в общем объеме государственных доходов снизилась с 2009 по 2015 г. В период с 2016 по 2022 г. доля расходов на образование в общих государственных доходах оставалась относительно постоянной (на уровне 9%). Данное исследование показало необходимость активизации усилий по интеграции передовых современных технологий в образовательный процесс во всех государственных довузовских образовательных учреждениях Государства Катар.

Ключевые слова: образование в Катаре; школьное образование; образовательные технологии; учителя; школы; образование США

Для цитирования: Хакки А.М., Оценка довузовского образования в странах Совета сотрудничества арабских государств: Государство Катар как модель. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-24-29

ORIGINAL PAPER

Assessment of Pre-University Education in the Countries of the Arab Cooperation Council: The State of Qatar as a Model

A.M. Hakki

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article used statistics on a number of factors to determine the reality of pre-university education in the State of Qatar and the path of educational development in the foreseeable future. This study analysed the data using descriptive and statistical approaches. The five most essential parameters included in this study were the number of students, schools, classes, teachers employed in all schools, and the amount of state expenditure on education as a percentage of the product's gross national income. The results of the study showed the following: From 2009 to 2022, the number of students in schools, the number of schools and classes, and the number of teachers working in schools increased, while the percentage of education expenditure in total government revenue decreased from 2009 to 2015, from 2016 to 2022, the percentage of education expenditure in total government revenue remained relatively constant at 9%. This study showed the need to intensify efforts to integrate advanced modern technologies into the educational process in all public educational institutions in the State of Qatar.

Keywords: education in Qatar; education; educational technologies; teachers; schools; countries (GCC)

For citation: Hakki A.M. Assessment of pre-university education in the countries of the Arab Cooperation Council: The State of Qatar as a model. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):24-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-24-29

ВВЕДЕНИЕ

За последние десять лет довузовское образование в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Оман) показывает уникальные достижения в нескольких предметных областях, поскольку учебные программы школ были изменены в соответствии с потребностями XXI в. с упором на навыки критического мышления, решение проблем, инновации и введение новых предметов, таких как программирование и технологии; путем более широкого использования технологий в классе, таких как смарт-доски и образовательное программное обеспечение.

Внимание уделено дистанционному обучению, особенно после пандемии COVID-19, и разработке программ непрерывной подготовки учителей для улучшения их педагогических навыков, применения современных методов обучения и обмена опытом между государствами-членами Совета для развития образовательных компетенций, улучшения школьной инфраструктуры, чтобы сделать их доступными для всех, и расширения сотрудничества между образовательными учреждениями и частным сектором для разработки образовательных программ и предоставления практических возможностей обучения.

Внедрение новых систем оценки для измерения успеваемости учащихся и уровня подготовки школ и специализированных программ обучения помогает повысить качество общего образования. Особое внимание уделяется иностранным языкам, особенно английскому, и профессиональному и техническому образованию как важному этапу подготовки учащихся, чтобы удовлетворить потребности мирового рынка труда. Эти разработки отражают приверженность стран ССАГПЗ совершенствованию систем довузовского образования и удовлетворению потребностей общества и рынка труда [1].

В настоящей статье рассматривается пример образовательной системы Государства Катар как наиболее развитой из всех остальных стран Персидского залива, что позволяет ему достигать поставленные цели в области довузовского образования на государственном уровне. Методы преподавания в Государстве Катар считаются одними из лучших в арабском регионе. Эти методы включают разработку программ и учебных планов, отвечающих требованиям рынка труда, а также формирование навыков студентов по различным учебным предметам [2–4].

Государство Катар поощряет активное образование, использует образовательные методы, активизирующие развитие аналитического и критического мышления учащихся в процессе обучения, что позволяет успешно решать все образовательные задачи. Разработка интегрированных образовательных методов позволяет школьникам моделировать и проходить практически любые препятствия, с которыми они могут столкнуться в своем профессиональном будущем.

Постоянное развитие образовательной системы Государства Катар, позволяет создать передовую образовательную среду для развития способностей учащихся, повысить качество учебных программ и технологий всех образовательных учреждений страны, что достигается путем обеспечения учебных заведений соответствующей инфраструктурой и соответствующими передовыми образовательными инструментами и технологиями.

Ведется постоянная работа по повышению профессионального уровня преподавателей: ознакомление с лучшими методами и методиками обучения, применяемыми в развитых странах в сфере образования.

Государство Катар уделяет особое внимание развитию образования и научным исследованиям, предоставляя выдающиеся образовательные возможности для всех обучающихся и создавая образовательные учреждения высокого уровня для развития человеческого потенциала [5–6].

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования — дать оценку школьному образованию в Государстве Катар с 2009 по 2022 г., а также спрогнозировать будущие возможности системы образования. Для этого изучаются количество школ, классов, учащихся и школьных учителей, а также объем государственных расходов на образование. В результате разработаны соответствующие образовательные стратегии, направленные на достижение поставленных целей.

Определить соответствующие методологии и программы для повышения качества образования, удовлетворения образовательных потребностей учащихся и повышения квалификации учителей, а также, учитывая современные реалии экономики страны, для роста познавательного уровня и приобретения различных навыков, связей образовательного процесса с потребностями рынка труда, а также для обеспечения образовательных учреждений информацией, необходимой для принятия соответствующих решений в целях

развития системы образования и достижения ее устойчивости.

Материалы и методы исследования. Государство Катар стремится достичь множества целей в сфере развития образования, важнейшими из которых являются развитие раннего образования, предоставление образовательных возможностей всем детям, повышение качества образовательных программ на всех уровнях образования, включая подготовку и переподготовку педагогического состава образовательных учреждений страны в соответствии с требованиями современности.

Использование современных инновационных технологий (например, искусственного интеллекта) и доступность учебных ресурсов онлайн способствуют повышению эффективности образования, а также облегчают ведение исследовательской деятельности.

Помощь учащимся средних и старших классов школ в изучении различных предметных научных областей и консультирование в области профессиональной специализации помогает принять правильные решения относительно своей будущей карьеры и выбрать профильный вуз.

Для совершенствования профессиональных навыков и расширения зоны возможностей учителей, работающих в школах, на постоянной основе проводятся обучение и повышение квалификации. Поощрение представителей взрослого населения, определившихся с профессией и работающих в различных отраслях, включая педагогику и образование, продолжать обучение и развивать свои навыки и знания на протяжении всей жизни, также важная часть государственной программы образования страны.

Наконец, следует отметить, что одной из важнейших целей развития образования в Государстве Катар является поддержка всех учебных заведений и обеспечение последипломных программ и исследовательской работы по всем специальностям.

Основные цели Государства Катар на обозримое будущее: комплексный национальный проект по поддержке развития в различных сферах. В него входят диверсификация экономики, устранение полной зависимости от нефти и газа, стимулирование инвестиций в различные отрасли, такие как образование, промышленность и туризм, создание передовой и инновационной системы образования, способствующей развитию человеческих ресурсов, а также улучшение и развитие инфраструктуры в таких областях, как транспорт, связь, энергетика и здравоохранение. Государство Катар стремится

поддерживать искусство, культуру и наследие, а также продвигать национальную идентичность, ценности и катарское наследие.

Применение лучших практик в области охраны окружающей среды, сохранения природных ресурсов, улучшения качества жизни граждан, предоставления лучших медицинских, социальных, культурных и образовательных возможностей позволит укрепить государство на всех уровнях, но при этом требует колоссальных вливаний в систему образования и формирование кадрового состава страны.

Научная новизна исследования. Оценка системы образования Государства Катар проведена по пяти наиболее важным критериям: количество обучающихся, школ и классов, количество учителей в школах, а также объем государственных расходов на образование в процентах от общего объема государственных расходов.

1. Показатель: количество учащихся в школах

В табл. 1 отражено увеличение количества учащихся в школах Катара в период с 2009 по конец 2022 г.¹ [7].

Число школьников в 2009 г. составило (приблизительно) 143 тыс. человек, 2022 г. — 285 тыс., прирост обучающихся за этот период оценивается почти в 200%. Увеличение количества обучающихся свидетельствует о прямой заинтересованности Государства Катар в повышении уровня интеллектуального развития и благосостояния граждан страны, что напрямую зависит от качества начального (базового) образования и его результатов. Все это указывает на амбициозные национальные планы Катара по быстрому преобразованию государства в экономику, основанную на знаниях и науке. Увеличение количества обучающихся также является результатом роста населения и миграционных потоков в Государстве Катар.

2. Показатель: количество школ

Таблица 1 отмечает заметный рост количества школ, подведомственных Министерству образования и высшего образования Катара. С начала 2009 по 2022 г. количество государственных школ с 418 (2009 г.) выросло до 723 (2022 г.). Прирост школ за этот период составил примерно 173%, что объясняется объективными факторами: увеличением плотности населения страны, стремлением правительства развивать национальную образовательную

¹ Annual Education Statistics in Qatar 2021–2022. Ministry of Education and Higher Education. Qatar. 2022;1.4.URL: <https://www.edu.gov.qa/ar/?file=321718aa-cdba-4121-b7bf-fcae3d3dc514>

Таблица 1 / Table 1

**Показатели исследования за период (2009–2022 гг.) /
Research indicators for the period (2009–2022)**

Количество / Quantity				Год / Year
учителей / teachers	классов / classroom	школ / schools	обучающихся / students'	
12 942	5712	418	143 141	2009/2010
14 467	6119	430	151 229	2010/2011
14 490	6635	450	157 647	2011/2012
18 465	7578	463	178 265	2012/2013
18 846	7634	466	184 948	2013/2014
19 176	8542	492	200 957	2014/2015
20 162	9014	529	219 744	2015/2016
21 553	9609	536	235 165	2016/2017
22 328	10 065	570	24 7920	2017/2018
22 387	10 502	608	25 8167	2018/2019
23 061	10 771	622	26 7102	2019/2020
23 779	11 231	673	27 6975	2020/2021
24 381	11 735	723	28 5311	2021/2022

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

политику, направленную на создание уникальной системы образования и укрепление образования как важнейшего сектора экономики. Правительство поставило и реализовало задачи увеличения числа школ и объектов образовательной инфраструктуры (строительство новых объектов), найма квалифицированных учителей, разработки внедрения образовательных программ, соответствующих высоким международным стандартам. Все это немаловажные факторы прямого влияния на качество образования и его эффективность.

3. Показатель: количество классов в школах

В табл. 1 отражено увеличение количества классов в школах Катара. Так, на начало 2009 г. их насчитывалось около 5,7 тыс., а на начало 2022 г. — около 11,8 тыс. Прирост за указанный период составил 206%. Увеличение количества классов обусловлено многими причинами: увеличением числа учащихся, нуждающихся в большем количестве занятий, расширение образовательных возможностей школ, доступных учащимся в зависимости от их образовательных потребностей и различных специализаций, а также внедрение современных технологий

в образование. В анализируемом периоде среднее количество учащихся в классе составляло 26–29 человек. Министерство образования и высшего образования Катара взаимодействует с субъектами образования страны, оказывая всестороннюю поддержку.

4. Показатель: количество учителей в школах

Таблица 1 показывает увеличение количества учителей мужского и женского пола в государственных школах в период 2009–2022 гг. с 13 до 24 тыс. Темп роста численности учителей за этот период оценивается примерно в 185%. Государство Катар уделяет особое внимание привлечению опытных и квалифицированных преподавателей из различных арабских стран и заинтересовано в удовлетворении их потребностей в профессиональном развитии. Государственные инвестиции в отрасль образования повышают возможности трудоустройства учителей и их мотивацию.

5. Показатель: процентная доля государственных средств, выделяемых на образование

В табл. 2 показана доля государственных расходов на образование в общих государственных расходах

Таблица 2 / Table 2

Доля государственных расходов на образование в общих расходах страны (%) /
The share of government spending on education in the total expenditures of the country (%)

Год/ Year	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
%	14,8	13,8	13,1	12,3	13,1	12,7	11,2	9,5	8,6	8,5	8,4	9,3	9,5	9,2

Источник / Source: составлено автором / complied by the author.

с 2009 по 2022 гг.² Так, в 2009 г. доля государственных расходов на образование составила 14,8%, а в 2016 г. — 9,5%, то есть сократилась на 64%. В период 2016–2022 гг. динамика расходов сохранялась на уровне 9%.

Причина снижения доли расходов связана с завершением строительства большей части инфраструктуры системы образования, необходимой для удовлетворения плановых потребностей страны на текущий период.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенное исследование позволило проследить количественные изменения, происходившие в отрасли образования Государства Катар (изменение численности учителей и обучающихся и числа школ и классов в них) за 13 лет и оценить долю государственных расходов на образование.

Результаты статистического исследования за конкретный период зафиксировали увеличение количества учащихся в школах, подведомственных Министерству образования и высшего образования, количества школ, учебных классов, числа учителей, работающих в Министерстве образования и высшего образования, снижение доли государственных расходов на образование за период 2009–2016 гг., при этом процент государственных расходов на образование оставался стабильным на уровне около 9% в течение шести лет.

ВЫВОДЫ

Статистическое исследование позволило сформулировать общие рекомендации и процедуры, необходимые для гармоничного развития образовательного процесса во всех странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ):

1. Технологии в образовании: более широкое использование технологий в классах с упором на

дистанционное обучение, смешанное обучение и платформы электронного обучения из-за их важности в предоставлении образовательного контента.

2. Разработка учебных программ с упором на обновление и учет потребностей рынка каждой страны в отдельности и региона в целом; работа над развитием навыков XXI в., таких как критическое мышление и креативность.

3. Профессиональное образование. По мере роста потребности в технических компетенциях профессиональное образование станет более важным в удовлетворении потребностей рынка труда.

4. Региональное и международное сотрудничество: расширение сотрудничества между странами ССАГПЗ и другими государствами в области образования, что способствует обмену знаниями и опытом.

5. Фокус на исследования и инновации: поддержка работы образовательных учреждений по активизации научных исследований и инноваций, что способствует развитию экономики знаний.

6. Инклюзивность и разнообразие: содействие инклюзивности в образовании с упором на предоставление равных возможностей для всех групп, включая людей с особыми (ограниченными) возможностями здоровья.

7. Устойчивое образование: содействие экологической и социальной устойчивости, отражающее глобальные тенденции к устойчивому развитию государств.

8. Увеличение доли государственных расходов на образование, особенно на довузовском образовательном уровне.

9. Периодическая оценка отрасли (например, каждые пять лет), чтобы определить степень прогресса, достигнутого за предыдущий период.

Реализация этих рекомендаций приведет к эволюции образования в странах Персидского залива, что позволит участникам ССАГПЗ строить и успешно претворять в жизнь долгосрочные планы развития каждой страны в отдельности и региона в целом.

² World Bank Group. URL: <https://data.albankaldawli.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GB.ZS?locations=QA>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Statistical Center for the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf GCC-STAT. 2019;5:13-68. URL: <https://www.gccstat.org/ar/statistics/publications/education-series>, education report
2. Hira A., Logan C. The development of the education system in Qatar: Assessing the intended and unintended impacts of privatization policy shifts. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2023;4(2):1-22. DOI: 10.1080/13530194.2023.2198688
3. Qadhi S., Alkubaisi H. Teacher's education in Qatar: Devolution and decentralization. *International Journal of Education* 2. 2022;4:13-28. DOI: 10.1007/978-981-19-2400-2_2
4. Ramzi N. Qatar's educational reform past and future: Challenges in teacher development. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2017;4(1):1-19. DOI: 10.1080/23265507.2016.1266693
5. Saud A. The reality of public education in the United States of America. *Journal of Humanities and Social Science*. 2023. Vol. 93. DOI: 10.33193/JALHSS.93.2023.854
6. Alexander K., Alexander M.D. American public school law. West Academic Publishing; 2019:23-31.
7. Alhamed Y.M., Qasayemh T.B. The reality of Qatari education and its role in achieving the goals of the State of Qatar's 2030 Vision, an analytical study on The Qatari Ministry of Education and Higher Education during the period (2009–2020). *Near and Middle Eastern Journal of Research in Education*. 2013;1(1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Аднан Мухаммад али Хакки — кандидат технических наук, доцент, кафедра математики и анализа данных факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Adnan M. Hakki — PhD (Math.), Assoc. Prof., Department of Mathematics and Data Analysis, Faculty of Information Technology and Big Data Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0245-9061>

ahakki@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.05.2025; accepted for publication on 02.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы

И.В. Пржиленский

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы стратегического планирования национального развития в социально-философском дискурсе культурных трансформаций. Суть специфики национального стратегического планирования состоит в смысловом разграничении стратегии и тактики, стратегических и тактических задач, а также в различении целей и средств, необходимых для осмысления любого рационального действия. В статье поднимаются такие вопросы, как прогнозирование социальных и политических процессов, футурологические подходы к прогнозам и выстраивание прогнозов на основании цивилизационного подхода. В частности, для сравнения автор приводит труды американских и отечественных философов и политологов, дававших прогнозы национального развития и закладывавших в основу стратегического планирования именно культурные, цивилизационные основания. В статье делается вывод, что стратегическое планирование на уровне государства невозможно без способности прогнозирования и моделирования развития всего мира, всех его регионов и основных межрегиональных объединений. Это особенно актуально в условиях активного формирования глобального миропорядка, который вряд ли можно назвать порядком, но при этом текущая социальная, политическая, экономическая и демографическая динамика не является управляемым хаосом. Идет активный переход от однополярного мира к многополярному. Отмечается, что как никогда остро ощущается нехватка теоретической базы, адекватно объясняющей задачи происходящего и прогнозирующей будущее, хотя активные действия мировых игроков свидетельствуют об их стремлении вмешиваться в сложившиеся порядки и управлять происходящими изменениями. Еще один важный вывод, сделанный автором в настоящей статье, состоит в том, что на смену парадигме устойчивого развития приходит новая, ключевую роль в которой играет понятие «большие вызовы». Это понятие рождается в рамках исторической и культурологической наук, но его последующая эволюция показывает мощный конвергентный потенциал данного концепта и выстраиваемого на его основе концептуального каркаса. Парадигма больших вызовов необходима для объяснения и прогнозирования событий в сфере политики и экономики, государственного строительства и обеспечения национальной безопасности. Данная парадигма больших вызовов все еще находится в стадии концептуальной проработки, а также в выявлении и описании ее философских оснований.

Ключевые слова: планирование; стратегия; большие вызовы; прогнозирование; футурология; конфликт цивилизаций; национальное развитие

Для цитирования: Пржиленский И.В. Национальное стратегическое планирование: культурные трансформации и большие вызовы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):30-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39

ORIGINAL PAPER

National Strategic Planning: Cultural Transformations and Big Challenges

I.V. Przhilenskiy

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In this article, the author examines the issues of strategic planning of national development in the socio-philosophical discourse of cultural transformations. The essence of the specifics of national strategic planning is the semantic distinction between strategy and tactics, strategic and tactical objectives, as well as the distinction between goals and means necessary to comprehend any rational action. The article raises issues such as forecasting social and political processes, futurological approaches to forecasting and making forecasts based on a civilizational approach. In particular, the author cites in a comparative way the works of American and Russian philosophers and political scientists, who gave forecasts

of national development and laid the basis for strategic planning precisely cultural and civilizational foundations. The article concludes that strategic planning at the state level is impossible without the ability to predict and model the development of the entire world, all its regions and major interregional associations. This is especially true in the context of the active formation of a global world order, which can hardly be called order, but social, political, economic and demographic dynamics are not controlled by chaos either. There is an active transition from a unipolar world to a multipolar one. It is noted that the lack of a theoretical framework adequate to the tasks of explaining what is happening and predicting the future is more acute than ever, although the active actions of world players indicate their desire to interfere in the established order and manage the changes taking place. Another important conclusion that the author makes in this article is that the paradigm of sustainable development is being replaced by a new paradigm, in which the concept of a big challenge plays a key role. This concept was born within the framework of historical and cultural science, but its subsequent evolution shows the powerful convergent potential of this concept and the conceptual framework based on it. The paradigm of big challenges turns out to be necessary to explain and predict events in the field of politics and economics, nation-building and ensuring national security. This paradigm of great challenges is still in the stage of conceptual elaboration, as well as in identifying and describing its philosophical foundations.

Keywords: planning; strategy; big challenges; forecasting; futurology; conflict of civilizations; national development

For citation: Przhilenskiy I.V. National strategic planning: Cultural transformations and big challenges. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):30-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-30-39

ВВЕДЕНИЕ

Представление о стратегическом планировании появилось сразу же вместе с разделением планирования на краткосрочное и долгосрочное. И хотя оно системно и структурно ничем не отличается от обычного планирования, все же в нем проявляется некая специфика. Суть этой специфики состоит в смысловом различии стратегии и тактики, стратегических и тактических задач, а также в различии целей и средств, необходимых для осмысления любого рационального действия. Под стратегическим планированием понимается алгоритм решений, позволяющий согласовать последовательность действий исполнителей и организовать их своевременное взаимодействие друг с другом.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» впечатлила не только политологов, культурологов, философов. Она, несомненно, произвела впечатление на действующих политиков разных стран, в том числе и представителей российской власти. Писатели-футурологи появились не вчера, и нередко их прогнозы носили алармистский, если не катастрофический характер. Их историческими предшественниками были мистики и проповедники, ожидавшие конца света и считавшие эти ожидания вполне обоснованными в связи со способностью отдельных людей предвидеть будущее. Но от шаманов и колдунов, мистиков и пророков писатели-футурологи отличаются наукообразностью своих прогнозов. К. Маркс и О. Конт, Г. Уэллс и К. Э. Циолковский сохраняли верность литературному жанру, именуемому уто-

пией. В XX в. этот жанр обогатился — к утопиям добавились антиутопии. Как и в любом литературном жанре, в этих произведениях обязательно присутствовал литературный вымысел, в то время как С. Хантингтон подал информацию так, как будто речь шла о строгом научном прогнозировании.

С. Хантингтон подробно описывает будущее, которое уже можно сравнить с настоящим, потому что книга была написана четыре десятилетия назад. По версии американского ученого, Китай вступит в союзнические отношения с Россией, которые будут напоминать миру пакт Молотова — Риббентропа. Но затем российская элита переживет испуг от успехов набирающего мощь китайского государства, которое будет претендовать на абсолютное господство в Азии и на Дальнем Востоке. Далее, согласно логике прогнозирования, основанной на анализе цивилизаций, где культура играет решающую роль, российско-китайские отношения станут резко ухудшаться. «Поскольку политика России, — пишет С. Хантингтон, — принимает антикитайский уклон, и она предпринимает шаги по усилению группировки войск в Сибири, многочисленные китайские поселенцы в Сибири начинают мешать действиям России. Затем Китай осуществляет военную интервенцию для защиты своих соотечественников и оккупирует Владивосток, долину Амура, занимает другие ключевые части Восточной Сибири. И когда в центральной Сибири разворачиваются боевые действия между российскими и китайскими войсками, происходят восстания в Монголии, над которой Китай раньше установил свой “протекторат”» [1, с. 519].

Нетрудно видеть, насколько долгосрочное стратегическое планирование такого рода предопределяет

важные политические решения США и насколько далеки они оказываются от реальности. При этом знакомство с текстом самой книги создает у читателя иллюзию твердой научной основы сделанных в ней прогнозов. Именно так вначале интеллектуалы, а затем и широкие читательские массы были в свое время приобщены к коммунистическим идеям — образ научности тщательно поддерживался самим К. Марксом и его адептами. Отсюда и высокая степень общественного доверия к книгам, написанным этим автором, как и ко всем другим книгам, созданным по правилам научности, то есть основанным на строгих принципах, фактах и доказательствах.

З. Бжезинский в написанном им предисловии к разбираемому в настоящей статье произведению прямо называет «Столкновение цивилизаций» великим предупреждением о событии 11 сентября, когда боевики «Аль-Каиды» атаковали башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Подтверждая свою убежденность в оценке труда Хантингтона как научного и новаторского, он называет его выражением настоящей политической мудрости. «Хантингтон предупреждал, — пишет З. Бжезинский, — что в современном политически пробудившемся мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас (так же, как атомное оружие, представляющее опасность для всего человечества) ориентации на межцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями» [1, с. 7].

Что же новаторского в интеллектуальном плане увидел в книге С. Хантингтона долго работавший с ним и близко знавший его автор предисловия? Что вызвало резонанс такой силы, с которой, как отмечают авторы российского резюме, предпосланного книге, не может сравниться ни одна публикация второй половины XX в.? Это можно понять из названия другой книги, созданной коллективом американских ученых, редакторами и авторами которой выступили С. Лоуренс и С. Хантингтон. Посвященный экономическому развитию и социальным изменениям сборник называется «Культура имеет значение». Он знаменует собой поворот американской интеллектуальной элиты в подходе к стратегическому планированию.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: ЭКОНОМИКА

Авторы сборника прямо пишут, что поворот к темам культуры и цивилизационной идентичности вызван неудачами прежних теоретических моделей, лежащих в основе управления социальными процессами

незападных стран — теориями модернизации 50-х и 60-х гг. Первоначально эти теории разрабатывались совместно с военными, ведь именно военным администрациям пришлось действовать в условиях глобального краха колониальных систем вроде британской или французской. Затем инициатива перешла к экономистам, потому что после наведения элементарного порядка в послевоенных обществах и в обществах, освободившихся от колониальной зависимости, всегда встают задачи восстановления прежних экономических отношений, разрушенных войной или национальным освободительным движением, а также налаживания новых международных экономических связей.

Одна из первых фундаментальных работ, создававших основу для национального проектирования и стратегического планирования после второй мировой войны, на которой основывалась обновленная теория социальных изменений, — концепция стадий экономического роста У. Ростоу. Эта концепция послужила прообразом всех последующих попыток объяснить способность того или иного общества к проведению успешной модернизации. Сам автор отмечал, что его работа относится к области истории экономики, хотя с первых же страниц понятно, что это исторический анализ, обращенный в настоящее и в значительной степени в будущее. И все рассуждения формируются именно так, как и должна выстраиваться логика стратегического планирования. У. Ростоу осознает, что, следуя своей задаче, ему приходится делать чересчур широкие обобщения. Да и как иначе, если ему приходится изучать явления разных исторических периодов так, как будто они происходят в параллели друг с другом и синхронны. «Но любой анализ, — пишет У. Ростоу, — претендующий на то, чтобы привести в одну систему, скажем, Великобританию XVIII в. и Россию эпохи Хрущева, Японию Мэйдзи и Канаду периода строительства железных дорог до 1914 г., Соединенные Штаты времен Александра Гамильтона и Китай Мао Цзедунa, Германию Бисмарка и Египет Насера, будет, естественно, ограниченным» [2, с. 11].

Осуществляемый с точки зрения историка-экономиста анализ социальных изменений и тесно связанных с экономикой политических преобразований приводит автора к необходимости обновления модели поэтапного развития, характерной для историков и философов XIX в. Так возникает концепция следующих друг за другом стадий хозяйственного роста, где вслед за длительной стадией сельскохозяйственного производства наступает стадия рождения индустриальной экономики. Между

этими стадиями выделяются переходные состояния созревания соответствующих предпосылок для индустриализации, среди которых развитие науки, разложение традиционных обществ в процессе роста рынков и торговли, политические сдвиги. Затем наступает стадия подъема. «Силы экономического прогресса, — отмечает У. Ростоу, — которые ранее привели к отдельным трещинам и потрясениям в традиционном обществе, широко распространяются и побеждают старые силы. Рост общества становится нормальным явлением. Развитие в порядке сложных процентов становится постоянной органической функцией всех составных частей общества» [2, с. 20].

Стадия подъема сменяется стадией быстрого созревания: резко возрастает объем инвестиций — их доля может колебаться от 10 до 20% национального дохода. Именно тогда наступает век массового потребления — индустриальное общество оформляется окончательно. Книга У. Ростоу на английском языке впервые напечатана в 1960 г. и знаменовала собой наступление периода, когда под проекты модернизации подводилась серьезная теоретическая база.

Кстати, одним из создателей таких проектов был и сам С. Хантингтон, писавший в конце 60-х о роли политических и экономических элит в модернизации африканских, латиноамериканских или азиатских экономик. Тогда главным предметом анализа становились оценки коррумпированности этих элит и их готовности к сотрудничеству с властями США в проведении рыночных реформ и создании демократических институтов по американскому образцу. В послевоенный период американский истеблишмент осознал огромные возможности, открывавшиеся перед ним в деле преобразования незападных обществ по своему образцу и, что само собой разумеется, в собственных интересах.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ

Очень успешными признавались модернизация Японии, Южной Кореи и других так называемых азиатских тигров, но при этом предпринимаемые США усилия по преобразованию стран в других регионах мира были не столь успешны, а иногда и просто провальны. Между тем специалистами из Гарварда, участвовавшими в стратегическом планировании модернизаций стран третьего мира, все равно обсуждались темы политики и экономики, коррумпированности элит и их зависимости от внешних агентов. И, рассматривая вопрос о власти, способной успешно проводить экономические реформы, они допускали в случае вакуума

легитимности власти замену такой легитимности личными качествами лидера или военной силой. Но необходимость создания этой властью политических, правовых и экономических институтов казалась тогда основной целью стратегического планирования. «Идет ли речь о господствующих элитах, — писал С. Хантингтон, — соревнующихся между собой и организующих массы в рамках существующей политической системы, или об элитах, противостоящих власти и организующих массы с целью разрушения системы, — в любом случае в модернизирующемся мире будущее за тем, кто организует будущую политику» [3, с. 480].

Именно тогда определяется важное для теорий модернизации содержание понятия личности, готовой к жизни в преобразованном мире. С. Хантингтон полагает, что для успешной модернизации в обществе должны выработаться ценности индивидуализма и установки на независимость от чужого мнения при принятии решений относительно выбора судьбы. Индивиды должны максимально психологически приспособиться к изменениям, позитивно воспринимать все новое, верить в силу рационального мышления, а также в неограниченные возможности науки и медицины. Кроме того, человек, готовый к современности, должен, по мнению С. Хантингтона, стремиться к самоутверждению, он должен быть честолюбив, интересоваться политикой и т.п. [4, с. 54]. И всему этому африканцев и азиатов должны были научить американские учителя, предварительно подготовив к современности элиты модернизирующихся стран.

Цепь неудач и просчетов заставила ведущих аналитиков и проектировщиков США подвергнуть критическому пересмотру базовые установки стратегического планирования. Оказались востребованы труды историка и исследователя цивилизаций А. Тойнби, писавшего о причинах расцвета и гибели цивилизаций. Несмотря на очевидную популярность теорий социальной модернизации, их эффективность может быть поставлена под сомнение — реальное развитие стран редко подчинялось планам, созданным на основе подобных теорий. Тем более что самая первая модернизация — развитие европейских стран в Новое время, продолжающееся уже не одно столетие, — по преимуществу опиралась не на планы или проекты.

Нет сомнения в том, что источником изменений западноевропейских обществ становились новые идеалы и ценности. Вот почему встал вопрос о том, что вначале изменению должно подвергнуться сознание людей, их убеждения и традиции, а затем

уж появляется возможность изменять институты и структуры социума, принимать новые законы и т.п. Все это нашло отражение в книге «Культура имеет значение», в которой разбирается роль культурных факторов в успехе или неуспехе модернизации развивающихся стран и их обществ в середине XX в.

Авторы сборника едины во мнении, что стремительность изменений в мире, где рушились империи и на их месте возникали независимые государства, диктовала необходимость быстро принимать решения о помощи этим государствам не только технологической и экономической, но и управленческой. Это выразилось в том, что предоставление той самой технологической и экономической помощи обуславливалось движением, которое американская элита оценила бы как модернизацию. Господствующим стало убеждение, что политический, экономический и культурный порядки, воцарившиеся в США, — наилучшие и подходят для всех остальных государств и народов. Западные ценности, такие как рынок и демократия, представлялись универсальными и буквально навязывались везде, где это только было возможно. При этом игнорировался тот факт, что их определение и интерпретация укоренены в культуре североамериканского государства и его истории. Именно поэтому синонимом термина «модернизация» стал термин «вестернизация», хотя этот второй термин и имеет совершенно иное значение, чем первый.

Но по мере того, как обнаруживалось все более неудач в таком простом перенесении установок и доктрин в разные части света, отличающиеся культурно или цивилизационно, становилась все более отчетливой необходимость поиска иных путей преобразования, истоки которых уходили бы в культуру и историю этих регионов. «Со временем, — писал С. Хантингтон, — исследуя особенности модернизации, политической демократизации, военной стратегии, поведения этнических групп, а также конфигурацию международных альянсов и конфликтов, специалисты стали все более активно обращаться к культурным факторам» [5, с. 10]. Между тем и в странах, где модернизация началась столетия назад, происходили изменения столь сложные и многообразные, что для их объяснения и прогнозирования понадобилось изучить само понятие современности и, конечно же, совокупность явлений, с ним связанных. Так теории модернизации начинают уступать место теориям модерна или теориям современности.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Стратегическое планирование на уровне государства невозможно без способности прогнозирования и моделирования развития всех его регионов и основных межрегиональных объединений, и всего мира в целом. Это особенно актуально в условиях активного формирования глобального миропорядка, который вряд ли можно назвать порядком, но и управляемым хаосом социальная, политическая, экономическая и демографическая динамика не является. Идет активный переход от однополярного мира, сложившегося после крушения СССР и всей системы социализма, к многополярному. Как никогда остро ощущается нехватка теоретической базы, адекватной задачам объяснения происходящего и прогнозирования будущего, хотя активные действия мировых игроков свидетельствуют об их стремлении вмешиваться в сложившиеся порядки и управлять происходящими изменениями.

Как отмечают В.И. Пантин и В.В. Лапкин, все попытки научно обоснованного построения модели, объясняющей и прогнозирующей изменения мирового порядка, за последние годы носили частичный и фрагментарный характер. Это в равной мере относится как к российской, так и к мировой политологии. Авторы объясняют это недостаточной разработанностью теорий мирового порядка и баланса сил, представленных в трудах Г. Моргентау, Г. Киссинджера, М. Каплан, К. Уолтца и других представителей неореалистической школы. В данных теориях мировая динамика трактуется как линейный, однонаправленный и исключительно поступательный процесс, в то время как в действительности мы наблюдаем его многовекторность и волнообразный характер. «В целом существующие теории мирового порядка и баланса сил, — пишут В.И. Пантин и В.В. Лапкин, — имеют сравнительно низкий прогностический потенциал, на их основании крайне сложно делать верные среднесрочные и особенно долгосрочные прогнозы изменения миропорядка, поскольку эти теории, как правило, не учитывают множество факторов, приводящих к нелинейной динамике глобальных политических и экономических изменений» [6, с. 27].

Сложившаяся в области политической теории ситуация во многом объясняется тотальным доминированием в исследовательском сообществе идей и текстов американских авторов, выдвигающих в качестве очевидного и несомненного тезис-допущение о мировом лидерстве возглавляемых США стран Запада, об их технологическом, экономическом и поли-

тическом преимуществе, а также о моральном и ценностном превосходстве. Именно эта точка зрения проводится, например, в работах З. Бжезинского [7] и Д. Фридмана [8], что и становится главной причиной указанной теоретической «однобокости». Это, по сути, приводит к навязыванию всем остальным странам и их элитам предельно удобного инструмента объяснения и прогнозирования глобальных процессов и явлений, а также наиболее простого пути стратегического планирования.

Альтернатива неореалистической и американоцентричной традиции стратегического планирования, а также прогнозирования и проектирования, предлагаемая В.И. Пантиним и В.В. Лапкиным, просматривается уже на уровне названия статьи. В центре внимания авторов и в основании имеющей фундаментальное значение прогностики оказываются такие нелинейные явления, как «дестабилизация» и «изменение мирового порядка». Обсуждаются сценарии, которые могли бы помочь предсказать возможные кризисы и имеющие существенное значение трансформации сложившихся в мире отношений, систем и структур. Попытка прогноза, предлагаемого в статье, также основывается на изучении прошлого и на утверждении неких закономерностей, которые, как в классических работах К. Маркса, О. Конта и У. Ростоу, носят стадийный характер. При этом предлагаемая В.И. Пантиним и В.В. Лапкиным модель социальных изменений исходит из теории циклов, хорошо зарекомендовавшей себя в экономике. Авторы видят свою задачу «в определении наиболее важных точек поворота в мировом развитии в переходный период 2020–2040-х гг. на основе структурно-эволюционного подхода, структурного подобия циклов эволюции мировой политической и экономической системы» [6, с. 31].

Основой составления сценариев изменения мирового порядка в статье объявляются циклы эволюции мировой системы, которых авторы насчитали три. В каждом из них, в свою очередь, выделяются по две фазы — фаза технологической революции и фаза революции мирового рынка. Первый цикл охватывает период с 1789 по 1873 гг., второй с 1897 по 1969 гг., а третий — с 1981 по 2041 гг. Анализ приводит авторов к необходимости спрогнозировать целый ряд кризисов, а также указать на вызовы и угрозы, связанные с этим. Среди наиболее существенных выделяются межэтнические конфликты, отрицательная демография, имущественное расслоение, ценностные расколы, недостаточно устойчивая экономика, информационно-психологические войны, ведущиеся странами Северной Америки и Западной Европы.

ПАРАДИГМА БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ

Стратегическое планирование в Российской Федерации все еще находится в стадии формирования — только сейчас встал вопрос об определении научной основы для этого. Такое планирование должно носить системный характер, а его принципы должны быть выстроены в отдельную, специально для этого созданную парадигму, которую можно было бы назвать парадигмой больших вызовов. Главным импульсом, породившим обсуждение названной темы, стал выход в свет «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹. В документе определены источники больших вызовов Российской Федерации как комплексы внешних и внутренних (по отношению к области науки и технологий) факторов. «“Большие вызовы”, — отмечают авторы Стратегии, — создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления, но одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив научно-технологического развития Российской Федерации»². Таким образом, все проблемы, требующие для решения чего-то большего, чем ресурсы, должны пониматься как факторы, способные изменить как объект управления, так и его субъект.

«В настоящее время, — пишут Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, В.И. Пантин, Д.С. Чернавский, — в Российской Федерации создается система стратегического планирования, в рамках которой должны быть объединены процессы стратегического целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [9, с. 47].

Это очень важная мысль, потому что вопрос о стратегическом планировании дополнен обозначением проблемы обеспечения национальной безопасности и переведен тем самым из предметного пространства социально-экономического планирования в сферу междисциплинарного и комплексного анализа. Определена и нормативно-правовая база национального стратегического

¹ Стратегия утверждена Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102416645>

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642.

планирования — в настоящее время ее составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, иные нормативно-правовые и законодательные акты Российской Федерации в сфере стратегического планирования.

Среди наиболее актуальных тем в разработке теоретической основы стратегического планирования — тема соединения в междисциплинарном анализе вопросов политики, экономики, этнологии и демографии. Дж.А. Голдстоун, Л.Е. Гринин, В.В. Устюжанин и А.В. Коротаев отмечают ряд тенденций в развитии различных регионов мира, где, по их мнению, возможны социальные обострения и революционные выступления. Во-первых, утверждают они, это связано с ростом экстремистских настроений в странах и областях с преимущественно мусульманским населением. Вторым значимым фактором они называют обострение национально-освободительной борьбы в ряде регионов за создание национальных государств. Затем следуют упоминания о кризисе демократии и падении темпов экономического роста. Но наиболее вероятной причиной роста революционных настроений может оказаться демографическая ситуация. «Те регионы мира, — пишут Дж.А. Голдстоун, Л.Е. Гринин, В.В. Устюжанин и А.В. Коротаев, — которые застряли на ранних стадиях демографического перехода, с высокими темпами роста населения и молодым населением (а это в основном Африка южнее Сахары, а также Ирак, Сирия, Йемен, Пакистан и некоторые страны Центральной Америки), будут склонны к революциям в ближайшие десятилетия, особенно если экономическое неравенство будет обостряться» [10].

Казалось бы, прогнозирование социальной нестабильности не содержит в себе ничего нового, точно так же, как и ее проектирование и даже конструирование. Однако прежде этим занимались представители специальных служб и сами прогнозы не публиковались в открытой печати. Более того, прогнозирование роста международной напряженности было уделом дипломатических служб, попытки предугадать тайные действия правительства недружественного государства или происки спецслужб противника являлись уделом разведки и контрразведки. Сегодня в сверхсвязанном глобализованном мире это сделать значительно труднее потому, что управляемость процессами существенно снизилась, а на международную арену все более

зримо выходят игроки нового типа — транснациональные корпорации и бюрократические аппараты всевозможных наднациональных организаций.

В большинстве случаев стратегическим планированием, или стратегированием, называют планирование экономического или социально-экономического развития. Но даже на уровне экономического развития необходимо учитывать национальные, формационные и цивилизационные особенности. Так, принятая в СССР система пятилетних планов успешно использовалась в послевоенных Японии и Южной Корее, твердо вставших на путь капиталистического развития. Этого нельзя сказать о системе стратегического планирования в США, Канаде или Великобритании, которые можно считать децентрализованными. Между тем этим системам присуще долгосрочное планирование, носящее стратегический характер — оно не зависит от меняющихся каждые четыре, шесть или восемь лет президентов.

Но сторонники государственного планирования все же считают наиболее эффективным централизованное планирование. «Четкость и афористичность формулировок целей, — пишут Юйшань Ван и И.В. Новикова, — долгосрочность стратегий и единство государственного аппарата, науки и общества в их достижении являются отличительными чертами китайской системы стратегического планирования» [11, с. 299]. Особенно ценно здесь понимание, что научный подход и стремление к четкости формулировок не исключают афористичности. Авторы стратегии осознают, что от того, насколько афористичным будет понимание целей, настолько близки они станут всему китайскому обществу, в то время как российская манера изложения стратегических задач оказывается близка лишь сравнительно узкому кругу управленцев и представителям так называемой академической среды.

Российские исследователи, изучающие опыт КНР по стратегическому планированию, убеждены, что нам есть чему поучиться у китайских товарищей в их умении выстраивать стратегию национального развития. В основе их работы действительно лежит принцип комплексности и методология междисциплинарности, а для работы привлекаются специалисты самого разного профиля. «Если у нас авторами стратегии концепции развития до 2020 г. называют Минэкономразвития, — пишет К.Г. Муратшина, — то в Китае были привлечены кроме указанных экономистов (своих китайских) историки, политологи и социологи, спецслужбы, для чего были созданы десятки институтов» [12, с. 87]. Все это позволило авторам расчетов и планов учесть не

только экономические детерминанты социальной и политической динамики, но и оценить реальные перспективы коллективного целеполагания, его возможности и границы.

В связи с вышесказанным не может не возникнуть вопрос о том, связана ли эффективность анализа нынешней ситуации и определения перспектив ее последующего развития в национальном масштабе с выбором между американской децентрализованной системой и китайской централизованной? Представляется, что ответ может быть найден в словах Юйшань Ван и И.В. Новиковой, указывающих на то, что, несмотря на «децентрализованный» характер стратегического планирования в США, оно является и долгосрочным, и эффективным, и не зависит от сменяющих друг друга президентов, даже если прежний и приходящий ему на смену президенты принадлежат разным партиям. Как же может такое происходить в условиях децентрализации? Видимо, под децентрализацией понимается особый тип организации работы аналитических центров и отдельных аналитиков, где координация усилий доминирует над субординацией. Но говорить о независимости этих центров друг от друга — это одно, а говорить о независимости их от некоего координирующего их усилия центра — совсем другое.

Американский опыт заслуживает пристального внимания хотя бы потому, что роль и влияние США в современном мире, несмотря на ослабление, все еще достаточно велика. Немало тех, кто считает, что организация стратегического планирования — одна из причин успехов США в XX в. Немалую роль эта организация играет и сегодня. В.С. Чикальдина и С.И. Грачев даже называют американские «фабрики мысли» или «мозговые тресты» (от англ. think tanks), характерные для Соединённых Штатов, Великобритании и других стран англосферы, ключом к пониманию феномена Трампа, победившего на выборах президента в США. «Нужно понимать, — утверждают В.С. Чикальдина и С.И. Грачев, — что современные «фабрики мысли» не просто сотрудничают с высшей школой, но являются полноценными автономными институтами, которые занимаются разработкой определенных идеологических концепций и моделей, а также механизмов их имплементации» [13, с. 35].

По мнению авторов, глобализация, локализация и фрагментация мира создают настолько хорошие условия для функционирования «свободной сети» фабрик мысли, что для них наступает «золотой век». Возникают даже мозговые центры нового типа, в которых информационно-прогностический

потенциал дополняется возможностью активного участия в политическом процессе и оперативно-го вмешательства в деятельность тех или иных политических акторов. Г.Б. Кочетков, В.Б. Супян также подчеркивают роль науки в стратегическом планировании, осуществляемом фабриками мысли, и успешность привлечения к этому ведущих американских ученых. Но при этом аналитико-прогностические структуры этого типа выполняют не только функцию выработки планов и программ, на которые должны ориентироваться руководители разного уровня в проведении государственной или корпоративной политики. «Современные «мозговые центры» США, — замечают Г.Б. Кочетков, В.Б. Супян, — это сложное общественно-политическое явление, которое нельзя оценить однозначно. Необходимо подчеркнуть, что при всей своей внутренней идеологической противоречивости независимые исследовательские центры выполняют важную общественную функцию — с одной стороны, они являются одним из сегментов американской науки и производят научную продукцию, а с другой — играют важную политическую роль, отражая различные направления социально-политической мысли» [14, с. 66].

Что имеют в виду авторы, говоря о политической роли мозговых центров, вполне понятно — делаемые ими анализы, прогнозы и оценки не могут не оказывать влияние на умы людей, их настроения, тревоги и надежды. Между тем в приведенной цитате косвенно говорится и о другом — центры оказываются модераторами, организующими диалог общества и государства, народа и власти, политических партий и их партийного истеблишмента. Но есть и многочисленные недостатки такой формы организации стратегического проектирования, наиболее очевидным из которых является та самая политическая ангажированность, о которой косвенно упоминали авторы, когда отмечали способность think tanks оперативно вмешиваться в политические процессы и влиять на мнение рядовых граждан США, а также других обществ и их правительств. Сотрудники данных структур могут действовать и как исследователи, и как политические лоббисты, и как публицисты, и как журналисты — они проводят исследования, взаимодействуют с чиновниками разного уровня, пишут книги и статьи. Но при этом их деятельность не регулируется ни юридическими нормами, ни морально-этическими кодексами, в то время как деятельность ученых, политических лоббистов и журналистов достаточно жестко регламентирована.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что стратегическое планирование в современной России, как и во всем остальном мире, превращается в важнейший элемент жизни современного общества. Благодаря превращению стратегического планирования в социальный институт решаются важнейшие политические, экономические и духовно-нравственные задачи, стоящие перед обществом и государством в сложном и многополярном мире. Выработка единой стратегии, опирающейся на научно-технический прогресс, с одной стороны, и на духовные скрепы — с другой, оказывается мощной интегрирующей силой, сообщающей единство социальному и культурному многообразию. Значимость стратегического планирования на национальном уровне состоит в том, что оно является сформулированным коллективным целеполаганием.

Второй важный вывод строится на том, что на смену парадигме устойчивого развития приходит новая парадигма, где понятие «большие вызовы» играет ключевую роль. Это понятие рождается

в рамках исторической и культурологической науки, но его последующая эволюция показывает мощный конвергентный потенциал данного концепта и выстраиваемого на его основе концептуального каркаса. Парадигма больших вызовов оказывается необходима для объяснения и прогнозирования событий в сфере политики и экономики, государственного строительства и обеспечения национальной безопасности. Во многом это связано с завершением победоносного шествия европейской цивилизации и, прежде всего, его завершающей фазы, которую именуют Pax Americana. Переход от сложившейся по итогам второй мировой и холодной войн, американской гегемонии к многополярному миру завершает череду линейной модели социального и политического развития, актуализируя переход от концептуальных схем формационного типа к цивилизационным моделям и сценариям развития. Но при этом парадигма больших вызовов все еще находится в стадии концептуальной проработки, а также в выявлении и описании ее философских оснований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ; 2023. 571 с.
2. Росту У.У. Стадии экономического роста. Пер. с англ. Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер; 1961. 236 с.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс Традиция; 2004. 480 с.
4. Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ. *Социологические исследования*. 1995;(3):34-46.
5. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Сборник статей. Харрисон Л., С. Хантингтон С., ред. Пер. с англ. Москва: Московская школа политических исследований; 2002. 315 с.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Основные сценарии дестабилизации и изменения мирового порядка. *История и современность*. 2024;(1):27-57. DOI: 10.30884/iis/2024.01.02
7. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Москва: Международные отношения; 2010. 262 с.
8. Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2009. 288 p.
9. Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Пантин В.И., Чернавский Д.С. Угрозы развитию России и задачи стратегического планирования. *Экономические стратегии*. 2015;7(132):46-59. URL: <https://www.elibrary.ru/uygcgv>
10. Голдстоун Д.А., Гринин Л.Е., Устюжанин В.В., Коротаев А.В. Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *Полис. Политические исследования*. 2023;(4):54-71. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.05
11. Ван Ю., Новикова И.В. Стратегическое планирование экономического развития Китая. *Стратегирование: теория и практика*. 2022;(3):293-303. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-293-303
12. Муратшина К.Г. «Китай-2050»: специфика формирования стратегии. *Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*. 2010;(3):85-92. URL: <https://www.elibrary.ru/mvkhop>
13. Чикальдина В.С., Грачёв С.И. Американские консервативные «фабрики мысли» («thinktanks») как генераторы «трампиетской» парадигмы. *Общество: политика, экономика, право*. 2023;(3):34-38. DOI: 10.24158/рер.2023.3.4
14. Кочетков Г.Б., Супян В.Б. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики. *Проблемы прогнозирования*. 2010;(5):52-67.

REFERENCES

1. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow: AST; 2023. 571 p. (In Russ.)
2. Rostow W. W. *The Stages of economic growth*. Transl. from Eng. New York: Frederick A. Praeger Publishing House; 1961. 236 p. (In Russ.).
3. Huntington S. *Political order in Changing societies*. Moscow: Progress Tradition; 2004. 480 p. (In Russ.).
4. Rukavishnikov V. O. Sociological aspects of modernization of Russia and other post-communist societies. *Sociological research*. 1995;(3):34-46. (In Russ.).
5. Culture matters. How values contribute to social progress. Collection of articles. Harrison L., Huntington S., eds. Transl. from Eng. Moscow: Moscow School of Political Studies; 2002. 315 p. (In Russ.).
6. Pantin V.I., Lapkin V.V. Main scenarios of destabilization and changes in the world order. *History and modernity*. (1):27-57. (In Russ.). DOI: 10.30884/iis/2024.01.02
7. Brzezinski Z. *Choice. World domination or global leadership*. Moscow: International Relations; 2010. 262 p. (In Russ.).
8. Friedman G. *The next 100 years: A forecast for the 21st century*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2009. 288 p.
9. Grinin L.E., Malkov S. Yu., Pantin V.I., Chernavsky D.S. Threats to the development of Russia and the tasks of strategic planning. *Economic strategies*. 2015;(7):46-59. (In Russ.).
10. Goldstone J. A., Grinin L. E., Ustyuzhanin V. V., Korotaev A. V. Revolutionary events of the 21st century: A preliminary quantitative analysis. *Polis. Political Studies*. 2023;(4):54-71. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05> (In Russ.).
11. Van Yu., Novikova I. V. Strategic planning of China's economic development. *Strategizing: Theory and practice*. 2022;(3):293-303. (In Russ.). DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-3-293-303
12. Muratshina K. G. "China-2050": The specifics of strategy formation. *Proceedings of the Ural State University. Series 3: Social Sciences*. 2010;(3):85-92. URL: <https://www.elibrary.ru/mykhop> (In Russ.).
13. Chikaldina V. S., Grachev S. I. American conservative "thought factories" as generators of the "Trumpist" paradigm. *Society: politics, economics, law*. 2023;(3):34-38. (In Russ.). DOI: 10.24158/pep.2023.3.4
14. Kochetkov G. B., Supyan V. B. "Think tanks" in the USA: Science as a tool of real policy. *Forecasting problems*. 2010;(5):52-67. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Владимирович Пржиленский — кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Igor V. Przhilenskiy — Cand. Sci. (Socio.), Assoc. Prof. of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-6385-3762>

yesdreamer@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-40-49

УДК 338.48.012.212(045)

Сравнение методов кластерного анализа для оценки туристической привлекательности регионов

С.М. Кулешов, Д.С. Ткачева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В данной статье проведено сравнение методов кластерного анализа, применяемых для оценки туристической привлекательности территорий. Актуальность исследования обусловлена растущей ролью туристской отрасли в региональном развитии Российской Федерации и необходимостью совершенствования методов оценки конкурентоспособности туристских кластеров. Современные подходы к анализу туристической привлекательности территорий разнообразны, но их эффективность и универсальность остаются предметом дискуссий. В связи с этим важно выявить наиболее релевантные методики и определить возможности их интеграции в комплексные системы оценки. **Цель исследования** заключается в определении сильных и слабых сторон различных методов кластерного анализа, выявлении наиболее эффективных подходов для оценки туристической привлекательности, а также разработке рекомендаций по созданию интегрированной методики, объединяющей лучшие элементы существующих подходов. **Методология исследования** основана на аналитическом и сравнительном подходах, включающих анализ существующих методик, их классификацию, а также выявление закономерностей в оценке туристических территорий. В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнительный, классификационный кейс-стади для определения наиболее успешных решений. **Ключевые слова:** туристическая привлекательность; кластерный подход; регион; конкурентоспособность; кластерный анализ; методы оценки

Для цитирования: Кулешов С.М., Ткачева Д.С. Сравнение методов кластерного анализа для оценки туристической привлекательности регионов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):40-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-40-49

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Comparison of Cluster Analysis Methods for Assessing the Tourist Attractiveness of Regions

S.M. Kuleshov, D.S. Tkacheva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article is devoted to a comparative analysis of cluster analysis methods used to assess the tourist attractiveness of territories. The relevance of the study is due to the growing role of the tourism industry in regional development and the need to improve the methods for assessing the competitiveness of tourist clusters. Modern approaches to the analysis of the tourist attractiveness of territories are diverse, but their effectiveness and versatility remain a subject of debate. In this regard, it is important to identify the most relevant methods and determine the possibilities of their integration into complex assessment systems. The purpose of the study is to determine the strengths and weaknesses of various cluster analysis methods, identify the most effective approaches to assessing tourist attractiveness, and develop recommendations for creating an integrated methodology that combines the best elements of existing approaches. The research methodology is based on analytical and comparative approaches, including an analysis of existing methods, their classification, and the identification of patterns in the assessment of tourist territories. The work uses methods of analysis and synthesis, comparative and classification methods, as well as a case study method to determine the most successful solutions.

Keywords: tourist attractiveness; cluster approach; region; competitiveness; cluster analysis; assessment methods

For citation: Kuleshov S.M., Tkacheva D.S. Comparison of cluster analysis methods for assessing the tourist attractiveness of regions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):40-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-40-49

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью туристической индустрии в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации, что требует применения современных аналитических подходов для оценки их туристической привлекательности. Одним из наиболее эффективных инструментов пространственного анализа туристического потенциала регионов является кластерный анализ, позволяющий идентифицировать внутренние закономерности развития отрасли, выявлять основные драйверы роста и прогнозировать дальнейшие тенденции [1, с. 251].

Современные методологические подходы к развитию туристической отрасли акцентируют внимание на стратегических и тактических аспектах кластеризации, что обусловлено ее потенциалом в формировании устойчивых межотраслевых связей, обеспечении инвестиционной привлекательности территорий и повышении качества предоставляемых туристических услуг. Кластерный подход позволяет интегрировать предприятия туристической сферы в рамках единого экономического пространства, что способствует повышению их конкурентоспособности, сокращению транзакционных издержек и расширению возможностей для инновационного развития [2, с. 35].

Формирование туристских кластеров играет ключевую роль в повышении туристической привлекательности регионов, так как способствует комплексному развитию туристической инфраструктуры, оптимальному использованию природно-рекреационных ресурсов и созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности [3, с. 77].

Сравнение и оценка методов кластерного анализа является актуальной научной задачей, поскольку различные алгоритмы по-разному классифицируют объекты, выявляют связи между ними и интерпретируют туристическую активность. В рамках данного исследования будет проведен анализ методов оценки кластерного подхода в контексте оценки туристической привлекательности регионов России. Сравнительный анализ современных методик оценки позволяет не только структурировать имеющиеся данные, но и вырабатывать рекомендации для повышения эффективности региональной туристической политики [2, с. 35].

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью со-

вершенствования методологии оценки туристической привлекательности регионов на основе кластерного анализа. Проведение сравнительного анализа различных методов кластеризации позволит выявить наиболее релевантные подходы к группировке регионов по степени туристической развитости, что, в свою очередь, создаст основу для принятия управленческих решений, направленных на повышение конкурентоспособности российской туристической отрасли.

МЕТОДЫ

В ходе работы использовался комплекс методов, направленных на систематизацию и оценку существующих методик оценки туристских кластеров. Основу исследования составили анализ и синтез, позволившие детально изучить различные методики, выделить их ключевые элементы и выявить закономерности путем объединения полученной информации.

Для выявления различий и определения сильных и слабых сторон методик применялся сравнительный метод, основанный на сопоставлении подходов по ключевым критериям, таким как цель оценки, используемые показатели, методы расчета, гибкость и практическая применимость. Важную роль сыграл классификационный метод, позволивший структурировать методики и выделить четыре основные группы. Кроме того, в работе использовался метод кейс-стади. На его основе выявлены наиболее эффективные подходы к оценке туристских кластеров и обоснована целесообразность их комбинирования. Завершающим этапом исследования стал метод обобщения, на основе которого были сформулированы выводы и предложено объединение наиболее удачных решений в рамках комплексной методики.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В России туристическая отрасль находится на одном из начальных этапов развития, поэтому государство активно поддерживает инициативы создания новых крупных туристических кластеров. Формируются и утверждаются государственные программы развития туризма. Так, концепцией Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» стало развитие Дальнего Востока¹. Планируется создание трех туристско-рекреационных кластеров: «Приморье»

¹ URL: <http://government.ru/docs/32585/>

в Приморском крае, «Амур» — в Хабаровском, «Камчатка-Сахалин» на территории Камчатского края и Сахалинской области. На строительство и реконструкцию объектов инфраструктуры будущих кластеров выделены средства из федерального бюджета.

Для России понятие «туристический кластер» считается относительно новым. Как показывает карта кластеров России (база данных в регионах России, разработанная специалистами Российской кластерной обсерватории ИСИЭЗ НИУ ВШЭ), всего на территории России на 2025 г. действует восемь туристических кластеров²: в Мурманской области (год создания — 2015); Новгородской (2014); Вологодской (2014); Смоленской (2017); ТРК «Рязанский» (2011); Орловской (2016); Туристической отрасли (2017); ТРК «Северная мозаика» (2011).

Все вышеперечисленные кластеры новые, находятся в состоянии начального уровня организационного развития. Концепцией Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»³ определено 23 перспективных региона и сформировано 40 туристско-рекреационных и автотуристских кластеров, которые должны быть реализованы. Многие из них находятся пока на этапе строительства необходимой инфраструктуры. Концепцией Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)»⁴ определены 15 перспективных укрупненных инвестиционных проектов, привлекающих туристов и обладающих высоким потенциалом расширения туристского предложения по пяти приоритетным видам туризма: оздоровительный, культурно-познавательный, активный, круизный, экологический. Количество проектов по созданию туристических кластеров на территории страны неуклонно растет. Исследователи предлагают различные подходы к оценке туристической привлекательности территорий, включая экономические, социальные, культурные и экологические факторы. Важно учитывать комплексный характер туристической индустрии, в которой взаимодействуют много-

численные субъекты, включая государственные структуры, бизнес и местное население. Поэтому методики оценки должны охватывать широкий спектр параметров и обеспечивать объективность результатов.

Кластерный подход в оценке туристической привлекательности получил широкое распространение благодаря своей способности выявлять взаимосвязи между различными элементами туристической системы. Он позволяет учитывать не только индивидуальные характеристики территорий, но и их место в региональной и глобальной туристической сети.

ОПИСАНИЕ МЕТОДИК

В рамках данного исследования проведен анализ научных трудов, посвященных разработке и апробации методик оценки туристической привлекательности территорий с применением кластерного подхода. В частности, проанализированы исследования группы ученых, разработавших и апробировавших методики оценки туристической привлекательности разных территорий. Прежде всего стоит подробнее рассмотреть предложенные методики.

Первая методика оценки туристской инвестиционной привлекательности Арктических регионов России в рамках кластерного подхода была предложена А. А. Курочкиной, Ю. Е. Семенов и Е. Н. Островской [4]. Методика включает несколько групп факторов, определяющих инвестиционную привлекательность региона. Первая группа основывается на аттрактивной ценности региона и включает показатели, характеризующие уникальность региона для туризма: наличие природных и культурных достопримечательностей, ресурсы для событийного, этнографического, гастрономического, экстремального и других видов туризма, состояние природной среды. Вторая группа основывается на управлении и экологии. Здесь оценивается уровень поддержки туризма со стороны местных властей, наличие стратегий развития, инвестиционная активность, экологические риски, программы мониторинга и адаптации к изменению климата. В третьей группе анализируются социальные показатели: демографические и социально-экономические (численность населения, уровень безработицы, средняя заработная плата, наличие образовательных учреждений, уровень преступности и социальной напряженности). Еще одна группа включает коммунально-энергетическую

² URL: <https://map.cluster.hse.ru/>

³ URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/93033/>

⁴ Проект постановления Правительства РФ «Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56662025/?ysclid=mb6hdfzt60308962031>

сферу и транспорт. В ней оценивается развитие инфраструктуры: наличие транспортных узлов (аэропорты, порты, автомобильные дороги), доступность энергоресурсов, состояние коммунальных услуг.

Вторая методика разработана М. Ю. Абаковым и О. О. Васильевым [5]. Ученые в рамках исследования эффективности взаимодействия предприятий в туристских кластерах предложили *методику оценки уровня кооперации между участниками кластера*. В отличие от других методик, которые часто фокусируются на отдельных аспектах туристской привлекательности (например, природные ресурсы или инфраструктура), данная методика уделяет особое внимание взаимодействию между предприятиями внутри кластера.

Методика включает следующие основные этапы оценки. Первый этап направлен на определение границ, структуры и характеристик кластера. На этом этапе анализируются географические границы кластера, его каркас, населенные пункты, центры туристских потоков и опорные пункты. Также рассматривается структура кластера, включая территориальные и исторические ресурсы, комплекс компаний, связанных с туризмом, инфраструктуру, образовательные и финансовые учреждения, а также государственные структуры. На втором этапе определяется состояние и степень развитости кластера. Оценивается широта и насыщенность предложения туристских услуг, разнообразие ценовых предложений, развитость секторов общественного питания и гостиничного, транспортная инфраструктура, ресурсная составляющая и аттракции туристической дестинации.

Следующая методика оценки конкурентоспособности регионального туристского кластера на основе модели М. Портера и системы накопления стоимости разработана Е. А. Нигай и Ю. С. Лебединской [6]. Эта методика направлена на комплексную оценку конкурентоспособности туристского кластера региона, учитывая взаимодействие различных субъектов внутри кластера и их вклад в общую конкурентоспособность.

Методика использует «ромб конкурентоспособности» М. Портера, включающий четыре ключевых атрибута: условия для факторов производства, состояние спроса, родственные и поддерживающие отрасли и стратегию, структуру, соперничество. В первый атрибут входят человеческие и природные ресурсы, капитал, научно-информационный потенциал, инфраструктура. Во второй — характеристики спроса на туристские услуги,

включая объем туристического потока, темпы его роста и удовлетворенность потребителей. Состав третьего атрибута — наличие и развитость отраслей, связанных с туризмом (гостиничный бизнес, транспорт, общественное питание и т.д.). Состав последнего атрибута включает уровень конкуренции между субъектами кластера, их стратегии и организационную структуру.

Следующая методика отличается от предыдущих, поскольку в ее основе лежит *программно-целевой метод*. Методика, предложенная А. С. Лапиным [7], направлена на оценку туристической привлекательности территории через призму кластерного подхода, учитывая региональные ресурсы, инвестиционную привлекательность и эффективность реализации кластерных инициатив. Методика предполагает использование системы индикативных показателей для оценки результатов выполнения программ развития туристических кластеров. Программно-целевой метод позволяет определить стратегические цели развития кластера, разработать регионально ориентированные программы, оценить его потенциал и влияние на экономику, а также сформировать систему индикаторов для измерения эффективности реализуемых инициатив.

Индикаторы (показатели), заложенные в основу системы оценки туристической привлекательности территории и эффективности реализации кластерных инициатив:

- экономические — вклад туристического кластера в валовую добавленную стоимость региона, объем привлеченных инвестиций, рентабельность кластерных проектов;
- социальные — уровень занятости в туристической отрасли, качество туристических услуг, удовлетворенность туристов;
- инфраструктурные — развитие транспортной и туристической инфраструктуры, количество новых туристических маршрутов, уровень цифровизации отрасли;
- экологические — сохранение природных ресурсов и экологическая устойчивость туристической деятельности.

В рамках нашего исследования данная методика может быть полезна для анализа туристической привлекательности территории, особенно в контексте реализации государственных программ. Однако для более точной оценки рекомендуется дополнять ее другими подходами, учитывающими локальные особенности и динамику туристического рынка.

Следующая методика разработана Л. В. Евграфовой, А. Б. Грачевым и И. М. Глойдманом [8]. Ученые предлагают методику оценки функциональной эффективности туристско-рекреационных кластеров в регионах России. Методика основана на пяти ключевых показателях стратегического развития внутреннего туризма: 1) доля средств из федерального бюджета в общей сумме капитальных вложений; 2) прирост туристического потока (количество туристов); 3) привлечение денежных средств от бизнеса (инвестиции); 4) создание новых рабочих мест в сфере туризма и смежных отраслях; 5) создание новых объектов туристической инфраструктуры.

Авторы используют данные по 35 туристско-рекреационным кластерам в различных регионах России. Для каждого кластера собираются данные по пяти указанным показателям. Для приведения показателей к единой системе измерений используется шкалирование. Каждый показатель оценивается по пятибалльной шкале (от 1 до 5), где 1 балл соответствует минимальному значению, а 5 баллов — максимальному. Каждый показатель имеет свой вес в зависимости от его значимости для развития региона. Наиболее значимым показателем является доля средств из федерального бюджета (вес равен 3), остальные показатели (прирост туристического потока, создание рабочих мест, создание объектов инфраструктуры) имеют вес равный 2, а привлечение денежных средств от бизнеса — вес равный 1.

М. Якименко и группа ученых [9] разработали *методику оценки* туристического потенциала туристических кластеров, основанную на *когнитивном подходе*. В методике выделены девять групп факторов, влияющих на туристский потенциал территории. В каждом блоке присутствуют качественные и количественные индикаторы, оцениваемые с учетом внутренней специфики региона. Перечислим эти группы.

1. Инфраструктурный потенциал включает количество объектов инфраструктуры (гостиницы, санатории, рестораны, транспортные узлы) и уровень развития кооперации между предприятиями туристической отрасли.

2. Туристические ресурсы охватывают природно-климатические ресурсы, объекты культурного наследия, доступ к финансовым ресурсам и уровень частных инвестиций.

3. Система управления туризмом определяется маркетингом туристических территорий, наличием региональной стратегии развития туризма

и уровнем координации между субъектами туристической сферы.

4. Нормативно-правовая база включает эффективность государственного регулирования и привлекательность региона для инвестиций в туристический сектор.

5. Экономика туризма оценивается через вклад туризма в ВРП, конкуренцию между туристическими регионами, уровень инфляции и инвестиционную привлекательность региона.

6. Географическое положение и геополитика характеризуются близостью к основным рынкам туристов и уровнем безопасности в регионе.

7. Туристический спрос определяется внутренним и внешним туристическим потоком.

8. Экологическая ситуация связана с загрязнением воды и воздуха, а также состоянием природной среды.

9. Кооперация выражается во взаимодействии между предприятиями туристической сферы и совместных проектах по развитию туристического продукта.

Следующую методику оценки эффективности формирования и развития туристских кластеров Севастополя и Крыма разработала Р. Р. Тимиргалева [10]. *Методика оценки основана на комплексном подходе* и включает четыре вида эффективности: экономическую, социальную, технологическую, экологическую. В каждом блоке выделены конкретные показатели, формирующие систему оценки эффективности кластеров.

Экономическая эффективность характеризует прибыльность и конкурентоспособность кластера через вклад в ВРП региона, рост объема туруслуг, количество занятых в отрасли, уровень инвестиций и объем экспорта туристических услуг. Социальная — оценивает влияние на регион, учитывая создание новых рабочих мест, удовлетворенность местного населения и количество обученных специалистов. Технологическая — отражает уровень развития инфраструктуры и технологий, включая капитальные вложения, внедрение современных управленческих решений и доступ к цифровым сервисам. Экологическая — анализирует влияние на окружающую среду, учитывая уровень загрязнения, меры по снижению нагрузки на экосистемы и внедрение зеленых технологий.

Методика прикладная и ориентирована на оценку реальных результатов функционирования кластера. Основной упор сделан на экономику и не учитывает сложные взаимосвязи между факторами, что делает ее менее гибкой при адапта-

ции к регионам с разной структурой туризма. Но в целом методика подходит для оперативного анализа эффективности кластеров и принятия решений на региональном уровне.

Еще одна методика оценки показателей эффективности туристических кластеров была разработана А.А. Зариповой и С.А. Каримовой [11]. Методика основана на применении сбалансированной системы показателей для оценки эффективности туристических кластеров. В отличие от предыдущих методик, здесь используется подход, направленный на достижение баланса интересов участников кластера и региональных властей.

Методика оценки туристического кластера основана на четырех ключевых проекциях, каждая из которых охватывает важные аспекты его функционирования. Такой подход позволяет всесторонне анализировать влияние кластера на экономику региона, социальную сферу, уровень технологического развития и степень взаимодействия между участниками.

Таким образом, в отечественной научной среде превалирует комплексный подход к оценке, включающий экономические, социальные, инфраструктурные, экологические и технологические критерии. Ученые рассматривают инвестиционную привлекательность регионов, уровень кооперации между предприятиями в туристских кластерах, конкурентоспособность туристских кластеров и функциональную эффективность их развития. Особенно стоит отметить использование когнитивного моделирования и сбалансированной системы показателей, которые позволяют анализировать не только текущее состояние, но и выявлять взаимосвязь между различными факторами.

Проанализированные методики оценки можно сгруппировать по четырем основным направлениям: оценка инвестиционной привлекательности, анализ конкурентоспособности туристских кластеров, оценка эффективности взаимодействия участников кластера, мониторинг влияния кластеров на социально-экономическое развитие региона. В ходе проведенного анализа также стоит выделить критерии сравнения всех рассмотренных методик, к которым относятся:

1) *цель оценки* (на что направлена методика: инвестиционная привлекательность, конкурентоспособность, эффективность взаимодействия и т.д.);

2) *используемые показатели* (экономические, социальные, инфраструктурные, экологические, технологические);

3) *методы оценки* (экспертный анализ, индексный метод, шкалирование, когнитивное моделирование);

4) *гибкость методики* (возможность адаптации к разным регионам и условиям);

5) *практическая применимость* (сложность сбора данных, необходимость экспертных оценок, использование прогностического инструментария).

Сравнительный анализ методик с учетом данных критериев представлен в *таблице*.

Для удобства анализа нами введены балльные показатели:

Гибкость методики:

0 — жестко привязана к конкретным условиям, трудно адаптируется;

1 — имеет ограниченную гибкость, требует значительных доработок под разные регионы;

2 — универсальна, легко адаптируется к разным условиям.

Применимость методики:

0 — трудно применима на практике, требует сложных расчетов или больших объемов данных;

1 — применима в отдельных случаях, но есть сложности со сбором данных или субъективность оценки;

2 — удобна в использовании, может применяться в различных условиях.

Исходя из получившегося результата (см. *таблицу*) понятно, что проанализированные методики дополняют друг друга, охватывая различные аспекты оценки туристских кластеров: инвестиционную привлекательность, конкурентоспособность, кооперацию и социально-экономическое влияние. Поэтому эффективнее всего разработать комплексную методику оценки, объединяющую все сильные стороны рассмотренных методик.

По мнению авторов, наиболее эффективным будет объединение разработок А. А. Курочкиной, Ю. Е. Семеновой, Е. Н. Островской, Е. А. Нигай, Ю. С. Лебединской и А.А. Зариповой, С.А. Каримовой. Методика А.А. Курочкиной охватывает инвестиционную привлекательность региона, что важно для привлечения внешнего финансирования и стратегического планирования. Подход Е.А. Нигай и Ю.С. Лебединской основан на модели конкурентоспособности М. Портера, что позволяет оценивать позиции региона на туристическом рынке и выявлять конкурентные преимущества. В свою очередь, методика А.А. Зариповой и С.А. Каримовой использует сбалансированную систему показателей, включая

Сравнительный анализ методик оценки туристских кластеров /
Comparative analysis of methods for assessing tourism clusters

Группа методик / A group of frameworks	Авторы / Author's	Показатели / Indicator's	Методы / Method's	Гибкость / Flexibility	Применимость / Applicability
Оценка инвестиционной привлекательности	А.А. Курочкина, Ю.Е. Семенова, Е.Н. Островская	Экономика, соцсфера, инфраструктура, экология	Индексный метод, экспертные оценки	2	1
Анализ конкурентоспособности туристских кластеров	Е.А. Нигай, Ю.С. Лебединская	Экономика, инфраструктура, соцсфера, конкуренция	Индексный метод	1	1
	М. Якименко	Инфраструктура, ресурсы, экономика, экология, кооперация	Когнитивное моделирование, экспертные оценки	2	0
Оценка взаимодействия участников кластера	М.Ю. Абаков, О.О. Васильев	Границы кластера, насыщенность услуг, инфраструктура, инновации	Экспертный анализ, шкалирование	1	1
	А.А. Зарипова, С.А. Каримова	Экономика, занятость, кооперация, инновации	Индексный метод, когнитивное моделирование	2	1
Мониторинг влияния кластеров	А.С. Лапин	Экономика, соцсфера, инфраструктура, экология	Индикаторы	2	1
	Л.В. Евграфова, А.Б. Грачев, И.М. Глойдман	Господдержка, турпоток, инвестиции, рабочие места, инфраструктура	Шкалирование, агрегированный индекс	1	2
	Р.Р. Тимиргалеева	ВРП, занятость, инновации, экология	Многокритериальная оценка	1	1

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

кооперацию участников кластера, что критично для его устойчивого развития.

Таким образом, объединение этих трех методик позволит создать комплексную систему оценки, учитывающую инвестиционные, конкурентные и управленческие факторы, что обеспечит более объективный и практико-ориентированный анализ туристских кластеров.

ВЫВОДЫ

В ходе проведенного исследования проанализированы различные методики оценки туристских кластеров, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах их функционирования. Анализ показал, что существующие методики можно условно разделить на четыре основные группы: оценка инвестиционной привлекательности, анализ конкурентоспособности, оценка эффективности взаимодействия участников и мониторинг влияния кластеров на социально-экономическое развитие региона.

Методики, основанные на инвестиционной привлекательности (А.А. Курочкина, Ю.Е. Семенова, Е.Н. Островская), позволяют определить перспективность региона для инвесторов, но не учитывают кооперационные и конкурентные процессы внутри кластеров. Подходы, направленные на анализ конкурентоспособности (Е.А. Нигай, Ю.С. Лебединская), дают возможность оценить положение региона на туристическом рынке, но

не всегда включают социальные и экологические факторы. Методики, ориентированные на кооперацию участников (М.Ю. Абаков, О.О. Васильев; А.А. Зарипова, С.А. Каримова), важны для понимания внутреннего взаимодействия в кластере, но могут упускать макроэкономические аспекты. Наконец, методики мониторинга влияния кластеров (А.С. Лапин, Л.В. Евграфова, А.Б. Грачев, И.М. Глойдман, Р.Р. Тимиргалеева) полезны для оценки эффективности государственной поддержки, но часто недостаточно гибки для применения в условиях рыночной экономики.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что ни одна из рассмотренных методик не является универсальной, каждая из них имеет сильные и слабые стороны. Оптимальное решение — разработка комплексной методики, объединяющей преимущества нескольких подходов. Наиболее перспективным представляется объединение методик А.А. Курочкиной (инвестиционная привлекательность), Е.А. Нигай и Ю.С. Лебединской (конкурентоспособность) и А.А. Зариповой, С.А. Каримовой (взаимодействие участников кластера). Такой синтез позволит создать комплексную систему оценки, учитывающую инвестиционные, конкурентные и управленческие параметры, что обеспечит более объективный анализ туристских кластеров и повысит эффективность стратегического планирования в сфере туризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богомолова Е.С., Ламбрехт В.В. Повышение туристской привлекательности российских регионов на основе кластеризации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2024;32(2):251–265. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-2-251-265
2. Домбровская В.Е. Возможности применения кластерного анализа в исследованиях туризма. *Экономические и социальные проблемы России*. 2023;4(56):35–47. DOI: 10.31249/espr/2023/04.03
3. Добрынина Я.С., Окольнішнікова І.Ю. Кластеризация как инструмент маркетингового управления и развития регионального туризма: постановка проблемы. *Экономический вестник ИПУ РАН*. 2020;1:72–82. DOI: 10.25728/econbull.2020.1.7-dobrynina
4. Курочкина А.А., Семенова Ю.Е., Островская Е.Н. Методические подходы к оценке туристской инвестиционной привлекательности Арктических регионов России. *Экономика и управление*. 2023;29(1):19–26. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-1-19-26
5. Абакова М.Ю., Васильева О.О. Методические аспекты оценки эффективности межфирменного взаимодействия в туристском кластере. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020;1–2:5–11. DOI: 10.17513/vaael.975
6. Нигай Е.А., Лебединская Ю.С. Комплексный подход к оценке конкурентоспособности регионального туристского кластера на основе модели М. Портера и системы накопления стоимости. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020;2(31): 255–258. DOI: 10.26140/anie-2020-0902-0059
7. Лапин А.С. Развитие туристско-рекреационных кластеров на основе программно-целевых методов управления. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2024;2:42–49. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-2-42-49

8. Евграфова Л. В., Грачев А. Б., Глойдман И. М. Оценка функциональной эффективности туристско-рекреационных кластеров в регионах России. *Образование и право*. 2020;11:367–375. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11159
9. Yakimenko M. et al. Elaboration of the system of indicators for the territorial tourist potential evaluation based on the cluster approach to tourism development. *Revista. ESPACIOS*. 2018;39(36):31. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n36/a18v39n36p31.pdf>
10. Тимиргалеева Р. Р. Эффективность формирования и развития туристских кластеров Севастополя и Крыма. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2023;3(47):230–234. URL: <https://elibrary.ru/twtxcr>
11. Зарипова А. А., Каримова С. А. Разработка сбалансированной системы показателей эффективности деятельности туристических кластеров. Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам XVI международной научно-практической конференции «Современный менеджмент: проблемы и перспективы». 2021:343–348. URL: <https://elibrary.ru/ywqtig>

REFERENCES

1. Bogomolova E. S., Lambrekht V. V. Increasing the tourist attractiveness of Russian regions based on clustering. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2024;32(2):251–265. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-2-251-265
2. Dombrovskaya V. E. Possibilities of applying cluster analysis in tourism studies. *Economic and social problems of Russia*. 2023;4(56):35–47. (In Russ.). DOI: 10.31249/espr/2023/04.03
3. Dobrynina Ya. S., Okolnishnikova I. Yu. Clustering as a tool for marketing management and development of regional tourism: Problem statement. *Economic Bulletin of the Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences*. 2020;1:72–82. (In Russ.). DOI: 10.25728/econbull.2020.1.7-dobrynina
4. Kurochkina A. A., Semenova Yu. E., Ostrovskaya E. N. Methodological approaches to assessing the tourist investment attractiveness of the Arctic regions of Russia. *Economy and Management*. 2023;29(1):19–26. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2023-1-19-26
5. Ababkova M. Yu., Vasilyeva O. O. Methodological aspects of assessing the effectiveness of interfirm interaction in the tourism cluster. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;1–2:5–11. (In Russ.). DOI: 10.17513/vaael.975
6. Nigai E. A., Lebedinskaya Yu. S. An integrated approach to assessing the competitiveness of a regional tourism cluster based on M. Porter's model and the value accumulation system. *Azimuth of scientific research: Economics and management*. 2020;2(31):255–258. (In Russ.). DOI: 10.26140/anie-2020-0902-0059
7. Lapin A. S. Development of tourism and recreational clusters based on program-targeted management methods. *State and municipal administration. Scientific notes*. 2024;2:42–49. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-2-42-49
8. Evgrafova L. V., Grachev A. B., Gloydman I. M. Assessment of the functional efficiency of tourism and recreational clusters in the regions of Russia. *Education and Law*. 2020;11:367–375. (In Russ.). DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11159
9. Yakimenko M. et al. Elaboration of the system of indicators for the territorial tourist potential evaluation based on the cluster approach to tourism development. *Revista. ESPACIOS*. 2018;39(36):31. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n36/a18v39n36p31.pdf>
10. Timirgaleeva R. R. Efficiency of formation and development of tourism clusters of Sevastopol and Crimea. *Natural Sciences and Humanities*. 2023;3(47):230–234. URL: <https://elibrary.ru/twtxcr> (In Russ.).
11. Zaripova A. A., Karimova S. A. Development of a balanced system of indicators for the performance of tourism clusters. Modern Management: Problems and Prospects: Collection of articles based on the results of the XVI International Scientific and Practical Conference “Modern Management: Problems and Prospects”. 2021:343–348. URL: <https://elibrary.ru/ywqtig> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Михайлович Кулешов — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey M. Kuleshov — Cand. Sci (Social), Assoc. Prof. at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0408-5999>

smkuleshov@fa.ru

Дарья Сергеевна Ткачева — магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Dar'ya S. Tkacheva — Magistant, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-8835-6656>

dartkach@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.05.2025; принята к публикации 23.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.05.2025; accepted for publication on 23.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Риски цифровой политики

М.Е. Левченко

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цифровизация политических процессов создает новые риски, оказывающие влияние как на стабильность политических институтов и управление, так и на граждан, и общественное мнение. Интернет стал огромным хранилищем различных данных, среди которых персональные сведения миллионов пользователей. К сожалению, такая информационная насыщенность оборачивается серьезной проблемой: регулярные утечки персональных данных делают граждан легкой мишенью для манипуляций, ставя под угрозу их цифровую и реальную безопасность. Киберугрозы, направленные на политические институты, могут привести к манипулированию результатами выборов, несанкционированному доступу к конфиденциальной информации и подрыву общественного доверия к демократическим процессам. В статье раскрыты подходы к исследованию рисков в области цифровой политики, проанализированы типологии рисков, произведен обзор основных цифровых рисков и угроз (доминируют кибератаки, несанкционированный доступ к данным), фейковых новостей и дезинформации. Сформулирована взаимосвязь между видами рисков в общем, цифровыми рисками в частности, примерами рисков, возможными негативными политическими последствиями, а именно подрывом целостности избирательной системы, эрозией демократии, компрометацией правительственных учреждений и ростом дипломатической напряженности. Правительствам и компаниям нужно поддерживать непрерывный процесс мониторинга и внедрять новые практики и технологии по минимизации цифровых рисков, а гражданам быть ответственнее при работе с персональными данными. Предметом дальнейших обсуждений в данной области может стать исследование общественного мнения граждан в вопросе доверия к государственным структурам в условиях цифровизации социальных, экономических и политических процессов.

Ключевые слова: цифровая политика; цифровой риск; утечки информации; политические последствия; цифровизация; кибератака; манипулирование избирателями

Для цитирования: Левченко М.Е. Риски цифровой политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):50-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-50-55

Risks of Digital Policy

M.E. Levchenko

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

ABSTRACT

The digitalization of political processes creates new risks that can affect both the stability of political institutions and governance, as well as citizens and public opinion. The Internet has become a huge repository of various data, including personal information of millions of users. Unfortunately, such information saturation turns into a serious problem: regular leaks of personal data make citizens an easy target for manipulation, threatening their digital and real security. Cyber threats aimed at political institutions can lead to manipulation of election results, unauthorized access to confidential information and the undermining of public trust in democratic processes. The article reveals approaches to the study of risks in the field of digital policy, analyzes risk typologies, provides an overview of the main digital risks and threats, among which cyber attacks, unauthorized access to data, fake news and disinformation dominate. The relationship between the types of risks in general, digital risks in particular, examples of risks, possible negative political consequences are formulated, namely undermining the integrity of the electoral system, eroding democracy, compromising state institutions and increasing diplomatic tensions. Governments and companies need to maintain a continuous process of monitoring and implementing new practices and technologies to minimize digital risks, and citizens need to be more responsible when working with personal data. The subject of further discussions in this area may be a study of public opinion on the issue of trust in government agencies in the context of digitalization of social, economic and political processes.

Keywords: digital politics; digital risk; information leaks; political consequences; digitalization; cyberattack; voter manipulation

For citation: Levchenko M.E. Risks of digital policy. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):50-55. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-50-55

ВВЕДЕНИЕ

В непрерывном процессе цифровизации всех сфер жизни вопросы безопасности в области цифровой политики приобретают первостепенное значение. Вместе с новыми возможностями и преимуществами цифровые технологии несут в себе и значительные риски, и, как следствие, негативные последствия при их наступлении.

Интернет — глобальное хранилище различных данных, включая персональные сведения миллионов пользователей. К сожалению, такая информационная насыщенность оборачивается серьезной проблемой: регулярные утечки персональных данных делают граждан легкой мишенью для мошеннических манипуляций, ставя под угрозу их цифровую и реальную безопасность.

Киберугрозы, направленные на политические институты, могут привести к манипулированию результатами выборов, несанкционированному доступу к конфиденциальной информации и подрыву общественного доверия к демократическим процессам.

Цель настоящей статьи — исследование влияния цифровых рисков на политическую сферу. Задачи исследования: раскрыть подходы к исследованию рисков в области цифровой политики; соотнести цифровые риски и возможные политические последствия при их наступлении.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Цифровизация — мировая тенденция сбора, накопления и обработки информации — позволяет решать многие задачи быстрее, удобнее, эффективнее, и национальные правительства поддерживают данный процесс на всех уровнях общества и отраслях экономики. Однако внедрение цифровых технологий влечет за собой появление уязвимостей и, как следствие, рисков, которые необходимо вовремя предотвращать. Несмотря на то, что процесс цифровизации этапов избирательного процесса начался относительно давно, внедрение новых технологий требует постоянной адаптации существующих методов управления рисками и исследования данной области научным сообществом.

Связь между демократией и избирателями, а также негативную тенденцию в применении цифровых медиа-платформ в политических целях отмечает исследователь Х. Унвер [1]. Такие ученые, как И. Линьков, Б.Д. Трамп, К. Пуансатте-Джонс, М. Флорин анализируют стратегии управления цифровизацией и подчеркивают, что правительства

различных стран до сих пор не пришли к единому мнению в данном вопросе [2]. Исследования Е. Треге выявили использование цифровых инструментов партиями Мексики для саботажа, незаконного сбора данных и угроз активистам. Исследователь относит цифровые технологии к области высокого риска [3].

Цифровая политика — это совокупность действий, направленных на регулирование процессов цифровой трансформации общества и цифровизации, включая управление данными, обеспечение кибербезопасности, развитие цифровой экономики, защиту прав пользователей, а также использование цифровых технологий для разработки политических решений и коммуникации. Так, например, В.К. Левашов и О.В. Гребняк отмечают трансформационный потенциал цифрового управления в Российской Федерации [4, с. 80], а в Уругвае цифровая политика является инструментом «повышения эффективности управления результативностью государственной деятельности» [5, с. 59].

Развитие цифровой политики тесно связано с внедрением инновационных технологий, что создает не только новые возможности, но и определенные угрозы. В этом контексте важно учитывать понятие «цифровой риск».

Отечественные исследователи А.И. Рудской, А.И. Боровиков, П.И. Романов и О.В. Колосова описывают данный термин как негативные последствия, связанные с внедрением новых технологий [6], а зарубежные — Ф. Курти, Д. Герлах, С. Казинник — как риск потерь в результате цифровых инцидентов, вызванных как внутренними, так и внешними факторами, включая третьих лиц [7].

Е.В. Янченко описывает «цифровой риск» как «термин, охватывающий все цифровые возможности, обусловливаемый ИКТ, автоматизацией обработки данных, автоматизацией решений» и отмечает, что «к цифровым рискам приводит использование цифровых технологий» [8, с. 2247].

Испанский исследователь Х. Фернандес делает вывод, что цифровые риски — это угроза не только для кибербезопасности. Он отмечает, что «под цифровыми рисками понимаются все преобразования, вызванные цифровизацией, которые могут угрожать основным аспектам нашей текущей жизни в экономическом, политическом или социальном плане» [9, с. 4].

Основываясь на представленном обзоре источников, можно сделать вывод, что цифровые риски — это угрозы и негативные последствия, возникающие из-за внедрения и использования цифровых технологий. Влияние цифровых рисков распро-

страняется не только на кибербезопасность, но и на экономические, политические и социальные аспекты жизни.

ЦИФРОВЫЕ РИСКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СФЕРУ

Цифровизация политических процессов создает новые риски, которые могут повлиять как на стабильность политических институтов и управление, так и на граждан и общественное мнение. С одной стороны, цифровые риски для политики должны обладать соответствующей спецификой, но с другой стороны, правильным будет рассмотреть риски, свойственные обычным организациям, и на их основе сформулировать область рисков для политической сферы.

Так, Е. В. Янченко выделяет наиболее важными «следующие виды рисков и угроз в деятельности организации: стратегические, технологические, операционные, сторонние, нормативные, кибернетические, риски устойчивости, утечки данных, конфиденциальности» [8, с. 2248]. А. В. Тимченко считает, что преобладающим цифровым риском является «недостаточный уровень оценки возможных угроз со стороны системы государственного управления, и как следствие — недостаточную динамику их отражения в текущей повестке государственной политики» [10, с. 103].

Кибератаки — одна из главных угроз для правительства: политические партии, избирательные системы — основные мишени для хакеров, чья основная цель — конфиденциальные данные или дестабилизация работы информационных систем. К. Ф. Азубуике отмечает, что спуфинг в большинстве своем поддерживается государствами [11], а по мнению Р. Шендлера, нападения хакеров влекут значительные социальные риски и снижение доверия к правительству [12].

Другой способ влияния на политику — дезинформация, направленная в первую очередь на граждан и избирателей, основная цель которой — распространение ложной или вводящей в заблуждение информации через медиа. Исследование¹ Оксфордского университета в 2019 г. показало, что количество стран, где организованы кампании по манипулированию социальными сетями, выросло с 28 до 70 за период 2017–2019 гг.

¹ Bradshaw S., Howard P.N. The global disinformation order: 2019 global inventory of organised social media manipulation // Oxford: University of Oxford, 2019. URL: <https://demtech.oii.ox.ac.uk/wp-content/uploads/sites/12/2019/09/CyberTroop-Report19.pdf>

Проблема влияния на избирательный процесс ярко выражается в публикациях профильных специалистов. В докладе² спецпрокурора Р. Мюллера о российском вмешательстве в выборы президента США в 2016 г. не доказано влияние России на избирательный процесс США, а доклад³ А. Манойло, посвященный вмешательству США в избирательный процесс России, содержит весомые аргументы (описаны конкретные механизмы давления) это подтверждающие.

Т. Л. Каминская отмечает, что «наибольшую эффективность в плане влияния на ценности общества и коммуникативное поведение в социуме» оказывает распространение через социальные сети, мессенджеры и блоги адаптированной для аудитории платформы информации. Эффект такой коммуникации может привести к «переходу из цифрового активизма в оффлайн в виде протестных митингов и флэшмобов» [13, с. 100]. Если учитывать данное предположение, то распространение фейковой информации может нанести вред как государству, так и простым гражданам, которые не будут знать реальных целей протестной акции.

В процессе цифровизации повышается риск несанкционированного доступа к персональным данным. Отечественный исследователь А. С. Селюк отмечает, что в 2022 г. в России зафиксировано рекордное количество утечки персональной информации, а также приводит статистику преступлений с использованием цифровых технологий, исходя из которой наблюдается «низкая степень раскрываемости таких преступлений» [14].

Несмотря на подобные инциденты, согласно аналитическому отчету⁴ Экспертно-Аналитического центра InfoWatch доля России в мировом распределении утечек сократилась почти в два раза (с 10,8 до 5,7%), а более трети всех утечек в мире произошли в США.

На основе рассмотренных рисков автором настоящей статьи приводится соотношение цифровых рисков и наступление возможных полити-

² Mueller R. S. III. Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election, Volumes I and II (Redacted Version of April 18, 2019). Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 2019. 449 с.

³ Манойло А. В. Вторжение. Вмешательство США в выборы в Российской Федерации в ходе президентских кампаний 1996–2018 гг. Доклад. 2018. 40 с.

⁴ Аналитический отчет: исследование утечек информации в мире за 2022–2023 гг. 2024. 23 с. URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/issledovaniye-utechek-informatsii-v-mire-za-2022-2023-gody.pdf>

ческих последствий (см. таблицу). Виды рисков и ключевые области управления основаны на типологии Е. В. Янченко, но автор добавил этический и социальный виды риска.

ВЫВОДЫ

С каждым годом количество новых технологий и угроз в области цифровой политики будет возрастать. Правительствам и компаниям нужно под-

Таблица / Table

Влияние цифровых рисков на политические последствия / Impact of Digital Risks on Policy Implications

Вид риска / Type of risk [8, с. 2248]	Цифровой риск / Digital risk	Пример / Example	Политические последствия / Political implications	Область управления / Management area
Кибернетические (киберпространство)	Кибератака на избирательную систему	Взлом демократического национального комитета США (2016). Взлом предвыборной кампании Э. Макрона (2017)	Подрыв целостности избирательных систем. Эрозия демократии. Дипломатическая напряженность	«Укрепление платформы, сетевой архитектуры; безопасность приложений; управление уязвимостями и мониторинг безопасности»
Утечка данных	Нарушения конфиденциальности данных	Утечки данных в РФ (2022). Cambridge Analytica (2018)	Внедрение более строгих законов о защите данных. Общественный резонанс. Нагрузка на правоохранительную систему	«Обеспечение защиты данных в цифровой экосистеме на различных этапах жизненного цикла; области управления фокусом будут касаться классификации, хранения, обработки, шифрования данных и т.д.»
	Кибершпионаж	Атака на SolarWinds (2020)	Компрометация правительственных учреждений	
Этические / социальные риски	Кампании по дезинформации	Вмешательство в выборы США (2016). Референдум по Brexit (2016)	Манипулирование поведением избирателей. Поляризация общества. Сомнение избирателей в легитимности результатов выборов	Мониторинг СМИ, сотрудничество с платформами, аутентификация контента, разработка плана реагирования на кризисные ситуации
	Дипфейки	Использование дипфейков в политических кампаниях	Ущерб репутации. Дезинформация избирателей	

Источник / Source: составлено автором / complied by the author.

держивать непрерывность процесса мониторинга и совершенствовать технологии по минимизации цифровых рисков, а гражданам быть внимательнее с хранением и размещением персональных данных.

В статье раскрыты подходы к исследованию рисков в области цифровой политики, проанализированы типологии рисков, произведен обзор основных цифровых рисков и угроз, среди которых доминируют кибератаки, несанкционированный доступ к данным, фейковые новости и дезинформация.

Проведенное исследование помогло выявить взаимозависимость между видами рисков в об-

щем и цифровыми рисками в частности, проанализировать примеры рисков и возможные от них негативные политические последствия (подрыв целостности избирательной системы, эрозию демократии, компрометацию правительственных учреждений и рост дипломатической напряженности).

Предметом дальнейших обсуждений в данной области может стать исследование общественного мнения граждан в вопросе доверия к государственным структурам в условиях цифровизации социальных, экономических и политических процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Unver H.A. Digital challenges to democracy: Politics of automation, attention, and engagement. *Journal of International Affairs*. 2017;71(1);127-146. URL: <https://www.jstor.org/stable/26494368>
2. Linkov I., Trump B.D., Poinssatte-Jones K., Florin M.-V. Governance strategies for a sustainable digital world. *Sustainability*. 2018;10(2);1-13. DOI: 10.3390/su10020440
3. Treré E. The dark side of digital politics: Understanding the algorithmic manufacturing of consent and the hindering of online dissidence. *IDS Bulletin*. 2016;47(1);127-138. DOI: 10.19088/1968-2016.111
4. Левашов В.К., Гребняк О.В. Цифровая культура российского общества и государства. *Социологические исследования*. 2020;5;79-89. DOI: 10.31857/S 013216250009401-4
5. Неверов К.А. Интероперабельность как рекурсивный процесс: цифровая платформа Уругвая. *Латинская Америка*. 2021;4;56-68. DOI: 10.31857/S 0044748X0013483-0
6. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Колосова О.В. Пути снижения рисков при построении в России цифровой экономики. Образовательный аспект. *Высшее образование в России*. 2019;28(2);9-22. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-2-9-22
7. Curti F., Gerlach J., Kazinnik S. Cyber risk definition and classification for financial risk management. *Journal of Operational Risk*. 2023;18(2);28-37. DOI: 10.21314/JOP.2022.036
8. Янченко Е.В. Риски организации в условиях цифровизации экономики. *Креативная экономика*. 2022;16(6);2239-2256. DOI: 10.18334/ce.16.6.114838
9. Fernández J.V. The risk of digitalization: Transforming government into a digital Leviathan. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2023;30(1)3-13. DOI: 10.2979/gls.2023.a886160
10. Тимченко А.В. Риски и угрозы тотальной цифровизации: возможности и потенциал управляемости. *Российский журнал правовых исследований*. 2022;9(1);99-106. DOI: 10.17816/Rjls99747
11. Azubuike C.F. Cyber security and international conflicts: an analysis of state-sponsored cyber attacks. *Nnamdi Azikiwe Journal of Political Science*. 2023;8(3);101-114. URL: <https://najops.org.ng/index.php/najops/article/view/70>
12. Shandler R., Gomez M.A. The hidden threat of cyber-attacks: Undermining public confidence in government. *Journal of Information Technology & Politics*. 2023;20(4);359-374. DOI: 10.1080/19331681.2022.2112796
13. Каминская Т.Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2);96-101. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101
14. Селюк А.С. Защита персональных данных в цифровом пространстве. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. 2023;2(102);110-119. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.110-119

REFERENCES

1. Unver H.A. Digital challenges to democracy: Politics of automation, attention, and engagement. *Journal of International Affairs*. 2017;71(1);127-146. URL: <https://www.jstor.org/stable/26494368>
2. Linkov I, Trump B.D, Poinssatte-Jones K, Florin M. V. Governance strategies for a sustainable digital world. *Sustainability*. 2018;10(2);1-13. DOI: 10.3390/su10020440

3. Treré E. The dark side of digital politics: Understanding the algorithmic manufacturing of consent and the hindering of online dissidence. *IDS Bulletin*. 2016;47(1);127-138. DOI: 10.19088/1968-2016.111
4. Levashov V.K., Grebnyak O.V. Digital culture of Russian society and state. *Sociological Studies*. 2020;5;79-89. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 013216250009401-4
5. Neverov K.A. Interoperability as a recursive process: Uruguay's digital platform. *Latin America*. 2021;4;56-68. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 0044748X0013483-0
6. Rudskoy, A.I., Borovkov, A.I., Romanov, P.I., Kolosova, O.V. Ways to reduce risks when building the digital economy in Russia. Educational aspect. *Higher Education in Russia*. 2018;28(2);9-22. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-2-9-22
7. Curti F., Gerlach J., Kazinnik S. Cyber risk definition and classification for financial risk management. *Journal of Operational Risk*. 2023;18(2):28-37. DOI: 10.21314/JOP.2022.036
8. Yanchenko E.V. Riski organizatsii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: Enterprise's risks amidst digitalization. *Creative economy*. 2022;16(6):2239-2256. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.16.6.114838
9. Fernández J.V. The risk of digitalization: Transforming government into a digital Leviathan. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2023;30(1):3-13. DOI: 10.2979/gls.2023.a886160
10. Timchenko A.V. Risks and threats of total digitalization: Opportunity and manageability level. *Russian journal of legal studies*. 2022;9(1):99-106. (In Russ.). DOI: 10.17816/Rjls99747
11. Azubuike C.F. Cyber security and international conflicts: an analysis of state-sponsored cyber attacks. *Nnamdi Azikiwe Journal of Political Science*. 2023;8(3):101-114. URL: <https://najops.org.ng/index.php/najops/article/view/70>
12. Shandler R., Gomez M.A. The hidden threat of cyber-attacks — undermining public confidence in government. *Journal of Information Technology & Politics*. 2023;20(4):359-374. DOI: 10.1080/19331681.2022.2112796
13. Kaminskaya T.L. Responsibility for media content and the problem of censoring the communication space of Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):96-101 (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-96-101
14. Selyuk A.S. Protection of personal data in the digital space. *Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2023;(2):110-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.110-119

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Михаил Евгеньевич Левченко — аспирант, научная специальность «Политические институты, процессы, технологии», Липецкий государственный технический университет, Липецк, Российская Федерация
Mikhail E. Levchenko — postgraduate student, scientific speciality “Political Institutions, Processes, Technologies”, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0002-5782-9939>
 lme@asp48.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 24.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Стратегия создания и дистрибуция новостного контента на примере успешных Telegram-каналов

М.К. Быкова^а, Т.Л. Каминская^{а,б}

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^б Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгород Великий, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Тема исследования. Авторы рассматривают мессенджер Telegram как площадку дистрибуции новостного контента. Взрывной рост Telegram как коммуникационно-новостной платформы пришелся на 2022 г. в связи с кардинальными изменениями в мировом дискурсе и трансформацией российского медиаполя, и сегодня рост подписчиков продолжается. Тема исследования в связи с этим представляется актуальной. Благодаря оперативности, лаконичности и интерактивности новые Telegram-медиа успешно конкурируют с традиционными СМИ, создавая востребованный эксклюзивный контент. **Методическая база.** Контент- и дискурс-анализ помогли авторам выявить стратегии создания и дистрибуции новостного контента крупнейших Telegram-каналов категории «Новости и СМИ». Выбор материала исследования обусловлен тем, что в 2023 г. они вошли в топ-3 новостных Telegram-каналов по цитируемости в российских СМИ. **Результаты исследования** показали, что новые новостные медиа в мессенджере имеют свои особенности, и их работу можно выделить в отдельное современное направление – Telegram-журналистику. Можно прогнозировать, что, поскольку мессенджер является стремительно растущей площадкой, инструменты платформы позволят более активно развивать журналистику в Telegram. В статье выделены стратегии, позволяющие успешно конкурировать за читателя с традиционными СМИ: оперативность подачи новостного контента; проработка авторских эксклюзивных тем и текущей повестки; визуальное сопровождение информационных сообщений; активное использование аудитории как источника информации. **Результат исследования** – схема создания новостного контента в мессенджере, которую можно использовать как алгоритм дистрибуции контента.

Ключевые слова: Telegram; новые медиа; журналистика; новостной контент; дистрибуция; Telegram-журналистика; аудитория медиа

Для цитирования: Быкова М.К., Каминская Т.Л. Стратегия создания и дистрибуция новостного контента на примере успешных Telegram-каналов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):56-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-56-66

ORIGINAL PAPER

Strategy of News Content Creation on the Example of Successful Telegram Channels

M.K. Bykova^a, T.L. Kaminskaya^{a,b}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

^b Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ABSTRACT

In the article, the authors consider the Telegram messenger as a platform for the distribution of news content. The explosive growth of Telegram as a communication and news platform occurred in 2022 due to drastic changes in world discourse, which is why the topic has been little studied from a scientific point of view. Due to its efficiency, conciseness and interactivity, new Telegram media successfully compete with traditional media, creating in-demand exclusive content. Through content analysis and discourse analysis, the authors have identified strategies for creating and distributing news content from the largest Telegram channels in the News and Media category. The choice of channels is due to the fact that in 2023 they entered the top 3 Telegram news channels by citation in the Russian media. The results of the study showed that new news media in the messenger have their own characteristics, and their work can be separated into a separate modern direction – Telegram journalism. Since messenger is a rapidly growing platform, future platform tools will allow for more active development of journalism in Telegram. The article highlights strategies that make it possible

to win competition in the struggle for the reader from traditional media, which include: the promptness of presenting news content; elaboration of author's exclusive topics and the current agenda; visual accompaniment of information messages; active use of the audience as sources of information. The result of the research was a scheme for creating news content in the messenger, which can be used as a content distribution algorithm.

Keywords: Telegram; new media; journalism; news content; newsletter; Telegram journalism; media audience

For citation: Bykova M.K., Kaminskaya T.L. Strategy of news content creation on the example of successful Telegram channels. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025; 15(2):56-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-56-66

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня Telegram не просто мессенджер для коммуникаций, а зона для обмена информацией акторов и мультимедийная площадка массового распространения контента, постепенно вытесняющая классические СМИ. В 2015 г. разработчики Telegram представили мировому сообществу функцию создания публичных каналов, позволяющую одному пользователю или группе лиц организовать платформу для анонимной передачи информации широкой аудитории [1]. Сегодня Telegram-канал — удобный инструмент, осуществляющий коммуникацию «one to many» и напоминающий новостную ленту, подобную сайтам онлайн-СМИ [2]. Первыми на рынок Telegram-каналов зашли традиционные масс-медиа: согласно данным исследования 2017 г., тогда они не имели четкой контентной стратегии [3]. Сейчас рынок Telegram-каналов наполнен новыми медиа, зародившимися внутри площадки, составляющими традиционным СМИ достойную конкуренцию.

По данным Mediascope за 2023 г., Telegram занимает четвертое место среди российских интернет-ресурсов по объему дневной аудитории, уступая лишь мессенджеру WhatsApp и поисковым системам Yandex и Google. 68% россиян хотя бы раз в месяц посещают эту площадку. А более 80% пользователей Telegram читают публичные каналы, а не только обмениваются сообщениями¹. Наибольший интерес к мессенджеру как к платформе информационного контента возник в 2022 г., когда российское медиаполе изменилось и у людей возникла психологическая потребность в новостях с целью пассивного контроля ситуации: пользователи были вынуждены обращаться в Telegram. Платформа позволяет оперативно доставлять новостные нарративы для широкой аудитории, что обеспечивает быструю передачу информации буквально в режиме реального времени [4].

Еще одной особенностью мессенджера Telegram как платформы для передачи новостной информации является широкий выбор источников. Пользователь может самостоятельно выбрать несколько

каналов, удовлетворяющих его потребность в зависимости от политических взглядов и сферы интересов. В теории использования и удовлетворения подтверждается, что человек выбирает информационный канал исходя из личностных характеристик и коммуникативного поведения [5]. Он может действовать на основе проактивной мотивации, чтобы получить в новостном канале определенную информацию, или на основе пассивной. При этом опасность новостных Telegram-каналов кроется в «информационном пузыре», поскольку пользователи могут читать лишь ресурсы, соотносящиеся с их точкой зрения. Основой этого феномена является «эхо-камера» — термин, введенный в 2009 г. К.Р. Санстейном [6]. Эффект прослеживается в тех ситуациях, когда убеждения человека подкрепляются повторением внутри закрытой системы, например, в определенном Telegram-канале, который читает пользователь.

Новостные каналы в мессенджере отличаются лаконичностью и мультимедийностью информационных сообщений. Один из ключевых сегментов целевой аудитории Telegram — молодежь, обладающая клиповым мышлением и часто испытывающая трудности с концентрацией внимания на объемных и сложных материалах. Новые медиа в мессенджере предлагают разные способы подачи контента: в коротких текстах, видео, аудио и интерактивах, что позволяет сосредоточить внимание и подогреть интерес у аудитории к новостным каналам в Telegram.

Способы репрезентации информации в Telegram привлекли внимание лингвистов. Так, О.В. Магировская и А.А. Струзик, выявив шесть базовых моделей сочетания кодов в репрезентации информации в мессенджере, отмечают, что «ведущим компонентом информативности выступает вербальный код; визуальный компонент обеспечивает наивысшую степень как быстроты восприятия информации, так и ее эстетичности; аудио- и видеокomпоненты обладают потенциалом интимизации; ссылки реализуют интертекстуальность интернет-текста и, как следствие, повышают степень информативности». Взаимодействие внутри площадки формирует сетевые структуры, влияющие на распространение информации, согласно теории сетевого общества [7].

¹ Аудитория Telegram: исследование Mediascope. Mediascope. URL.: <https://mediascope.net/news/1601603/>

Пользователи могут делиться контентом из каналов в Telegram, что способствует вирусному распространению новостей и «подогревает» конкуренцию на рынке новых медиа в мессенджере [8, с. 92].

Еще одна причина популярности Telegram-каналов — площадка может обходить ограничения, например, наложенные на традиционные СМИ; это позволяет пользователям быстрее получать новостной шок-контент. В мессенджере присутствуют фото и видео с откровенными сценами и насилием, вызывающие сильные эмоции у аудитории. В связи с этим Telegram становится удобной платформой для публикации недобросовестного контента, дезинформации, поскольку новостные каналы в нем не модерируются внешними наблюдателями. Редакции новых медиа в мессенджере могут не проверять публикуемую информацию на достоверность, из-за чего возникает угроза распространения фейков и в дальнейшем дестабилизация общества. Один из периодов взрывного роста Telegram пришелся на 2018 г., когда Таганский районный суд Москвы удовлетворил иск Роскомнадзора о блокировке мессенджера². Это подстегнуло массовый интерес к площадке в рамках эффекта Стрейзанда, когда попытки цензурирования приводят к обратному результату [9].

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно данным сервиса TgStat, в мессенджере Telegram представлено 56,3 тыс. каналов раздела «Новости и СМИ»³. В их число входят как зарегистрированные средства массовой информации, так и новые медиа. Важно подчеркнуть, что большая часть лицензированных СМИ имеет менее миллиона подписчиков в мессенджере. Например, на канал агентства ТАСС подписаны 477 тысяч человек, а на издание «Комсомольская правда» — 274 тысячи. На лидирующие позиции выбиваются новые медиа: на фоне острой конкуренции и борьбы за внимание пользователя они вынуждены придумывать новые стратегии создания и дистрибуции контента, что у них успешно получается. Так, по данным сервиса «Медиалогия», лидирующие позиции в рейтинге Telegram-каналов по цитируемости в российских СМИ в 2023 г. заняли новые медиа — SHOT, Mash и Baza. При этом в ТОП-15 Telegram-каналов по цитируемости в российских СМИ вошло лишь одно зарегистрированное из-

дание Readovka. Большая часть представленных каналов принадлежит пресс-службам ведомств и чиновникам.

В табл. 1 представлен рейтинг Telegram-каналов по цитируемости в российских СМИ по итогам 2023 г.

Таблица 1/ Table 1

Рейтинг Telegram-каналов по цитируемости в российских СМИ по итогам 2023 г. / Ranking of Telegram channels by citations in Russian media by 2023

Название / Title	Цитируемость (кол-во) / Citation rate
Мэр Москвы Сергей Собянин	79 459
SHOT	76 035
Mash	71 049
Baza	64 253
Настоящий Гладков	34 074
112	23 191
МЧС России	21 746
Kadyrov 95	19 641
AV Богомаз	16 926
Readovka	15 573
PaZVoжаев	15 527
Дмитрий Медведев	14 704
Аксенов 82	14 539
Минобороны РФ	13 944
Следком	12 672

Источник / Source: система мониторинга СМИ Медиалогия / Medialogy media monitoring system.

Чтобы исследовать феномен новостных медиа в мессенджере Telegram и выявить особенности создания и дистрибуции их контента, авторы провели анализ трех успешных каналов — SHOT, Mash и Baza.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ: СОЗДАНИЕ И ДИСТРИБУЦИЯ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА

Telegram-каналы Mash, SHOT и Baza специализируются на общественно-политических новостях. Редакции не только отрабатывают новостную оперативную повестку, но и разрабатывают собственные темы для дистрибуции, что придает им ценность на

² URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/04/2018/5acf58259a794753111bfbd5

³ URL: <https://tgstat.ru/news>

рынке новых медиа. Они конкурируют за внимание читателей и цитируемость в СМИ.

В табл. 2 представлен сравнительный анализ названных Telegram-каналов, сделанный на основе данных TgStat.

Из трех рассматриваемых Telegram-каналов самым первым был создан Mash, дата его основания — 11.04.2017. Стоит отметить, что его создали профессиональные журналисты — выходцы из редакции федерального издания LIFE, что, несомненно, отразилось на принципах работы нового медиа. За последний год количество подписчиков Mash выросло на 46,7%, перешагнув отметку в 3 млн. По данным сервиса TGStat, индекс цитирования канала на платформе Telegram составил 12,461.

Вторым по дате создания является канал SHOT (09.06.2017), текущее количество подписчиков — более 1,2 млн человек. Новое медиа также входит в News Media Holding, которому принадлежит СМИ LIFE. По итогам 2023 г. Telegram-канал занял первую строчку в рейтинге Медиалогии по индексу цитирования в российских средствах массовой информации с отметкой 76,035, обогнав Mash. Baza создана в 2018 г. бывшими журналистами Mash. За последний год работы Telegram-канал показал наибольший прирост подписчиков — 48%, сейчас у медиа более 1,6 млн читателей. По индексу цитирования на площадке мессенджера он занимает вторую строчку, а по индексу цитирования в российских СМИ — третью в сравнении с Mash и SHOT.

Для оценки стратегий дистрибуции и проведения количественного и качественного контент-анализа новостных Telegram-каналов авторы взяли период с 16 по 29 сентября 2024. С помощью раздела «Новости» в поисковом агрегаторе «Дзен

новости» выбраны все публикации федеральных и региональных СМИ, где упоминаются Mash, SHOT и Baza в качестве источника информации. Критерий исследования — количество упоминаний в СМИ, поскольку крупные Telegram-каналы, уже имеющие более миллиона читателей, больше стремятся к повышению индекса цитируемости, а не к росту подписчиков. При проведении контент-анализа использовались методы сравнения, математико-статистического анализа полученных результатов с применением описательной статистики и ранжирования.

За выбранный период наибольшее количество упоминаний в СМИ было у нового медиа Baza — 199, на втором месте — SHOT с показателем 192, на третьем — Mash (186). Анализ содержания информационных сообщений, процитированных в средствах массовой информации, показал, что наибольшее количество цитат даются Telegram-каналам по двум направлениям: отработка оперативной повестки и разработка авторских тем (рис. 1).

Отработка оперативной повестки

Исходя из диаграммы можно сделать вывод, что наиболее эффективно отрабатывает оперативную повестку Telegram-канал SHOT — в сумме за выбранный период 74 упоминания по ведущим темам в информационном пространстве. За это время произошло несколько скандальных и вызвавших отклик аудитории событий: нападение в челябинской школе; стрельба возле офиса Wildberries; взрыв на АЗС в Дагестане; крушение вертолета в Архангельской области; смертельное отравление детей в Красноярском крае; солдат-срочник сбежал из парка «Патриот»; смерть актера Мадянова и др.

Таблица 2/ Table 2

Анализ Telegram-каналов Mash, SHOT и Baza / Analysing the Telegram channels Mash, SHOT and Baza

Название, дата создания / Name, date of creation	Кол-во подписчиков / Number of subscribers		Прирост, % / Growth, %	Средний охват одного поста / Average coverage of one post	Индекс цитирования / The citation index	
	01.10.2023	01.10.2024			Telegram за 2023 г.	СМИ за 2023 г.
Mash (11.04.2017)	2 092 903	3 070 338	46,7	1 067 369	12 461	71 049
SHOT (09.06.2017)	819 343	1 195 338	45,8	391 940	8 591	76 035
Baza (13.09.2018)	1 073 081	1 588 674	48	555 222	9 835	64 253

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

Упоминания Telegram-каналов в СМИ

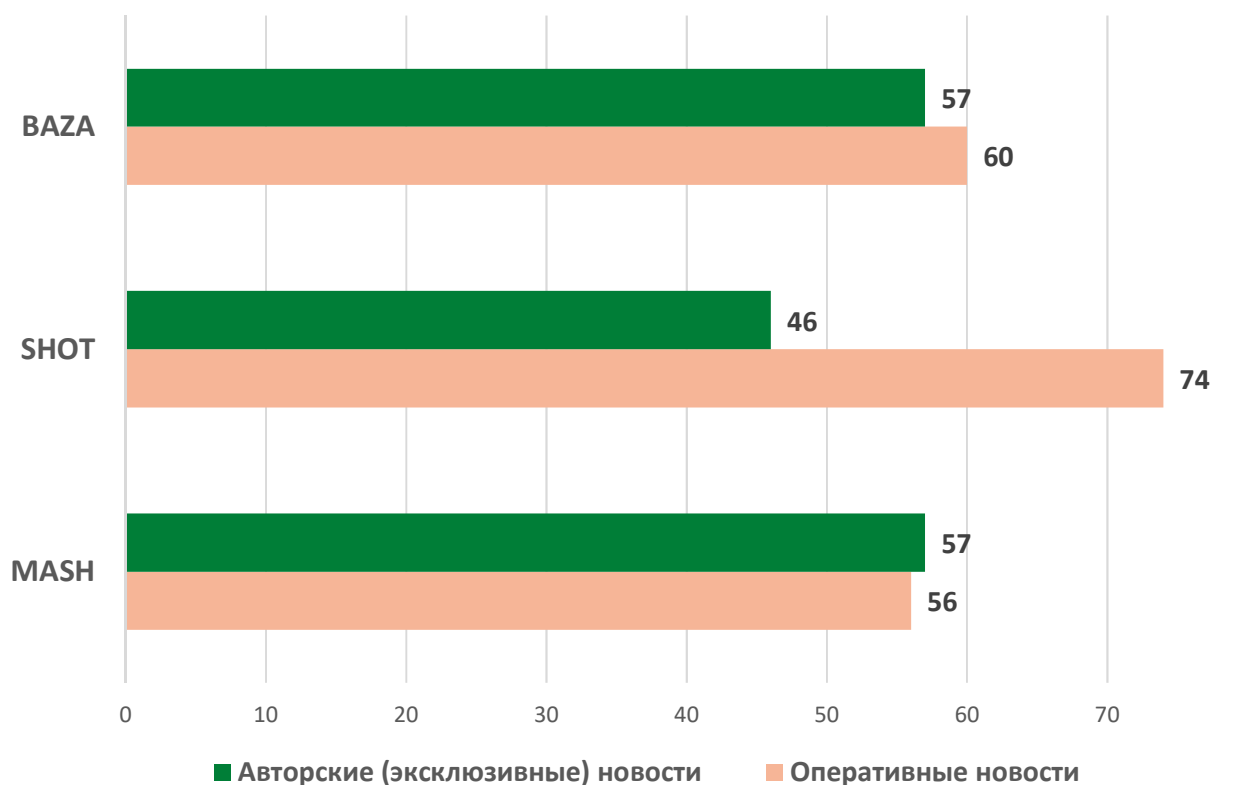

Рис 1 / Fig 1. Сравнение Telegram-каналов по упоминаниям в СМИ / Контент-анализ за период 16.09.24–29.09.24 / Comparison of Telegram channels by media mentions / Content analysis for the period 16.09.24–29.09.24

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

SHOT опубликовал больше всего эксклюзивных данных по темам «Скандал в Госдуме» (11 упоминаний в СМИ) и «Смертельное отравление детей под Красноярском» — (10 упоминаний). При работе с этим инфоповодом редакция одна из первых обнародовала подробности инцидента, ссылаясь на беседу со следственным комитетом и инсайдерскую информацию, полученную от очевидцев и близких семьи. В дальнейшем на эти данные от SHOT ссылались российские СМИ и другие Telegram-каналы (рис. 2).

В инфоповоде «Взрыв на АЗС в Дагестане» наибольшее количество упоминаний собрали материалы медиа Mash (16). Рассматривая стратегию дистрибуции контента по этой теме, можно сделать вывод, что Telegram-канал получил значительное количество упоминаний благодаря оперативной публикации достоверных фактов. Редакция буквально каждую минуту давала отчет по ситуации, прикрепляя кадры с места событий и рассказывая о количестве раненых. В своей работе журналисты ссылались на инсайдерскую информацию от опе-

ративных служб и министерств региона, а также от очевидцев событий. Редакция Mash раньше других опубликовала списки погибших и пострадавших, которые в дальнейшем использовали другие СМИ. Учитывая, что в Telegram-канале регулярно публиковались фото и видео с места, редакция могла использовать помощь стрингера или внештатного корреспондента.

Как уже было сказано ранее, наибольшее количество упоминаний и цитирований в российских СМИ Telegram-каналы получают благодаря разработке эксклюзивных новостных тем. Лидером в этом направлении является Mash, чаще других исследуемых авторами каналов публикующий эксклюзивные новости, дающие цитаты в средствах массовой информации. Так, например, авторской темой, набравшей 11 упоминаний в российских СМИ, является «Взрыв телефона у москвича во время кибератаки Израиля». Эта новость впервые опубликована в Mash, затем резонансную тему подхватили другие Telegram-каналы и СМИ. Инфоповод мог поступить от читателя, поскольку

ку редакция принимает входящие запросы от подписчиков, в том числе выплачивает им вознаграждение за предоставленную информацию. Помимо этого, эксклюзивной темой, разработанной редакцией, стала новость «Мия Бойка снизила гонорар за корпоративы с 5 до 2,2 млн

рублей после скандала с девочкой-квадробером». Журналисты Mash могли самостоятельно создать этот резонансный инфоповод, запросив у артиста райдер и сравнив его с предыдущим. Такая стратегия создания вирусных материалов приносит журналистам большое количество цитирований

Топ-9 инфоповодов с цитатами SHOT в российских СМИ

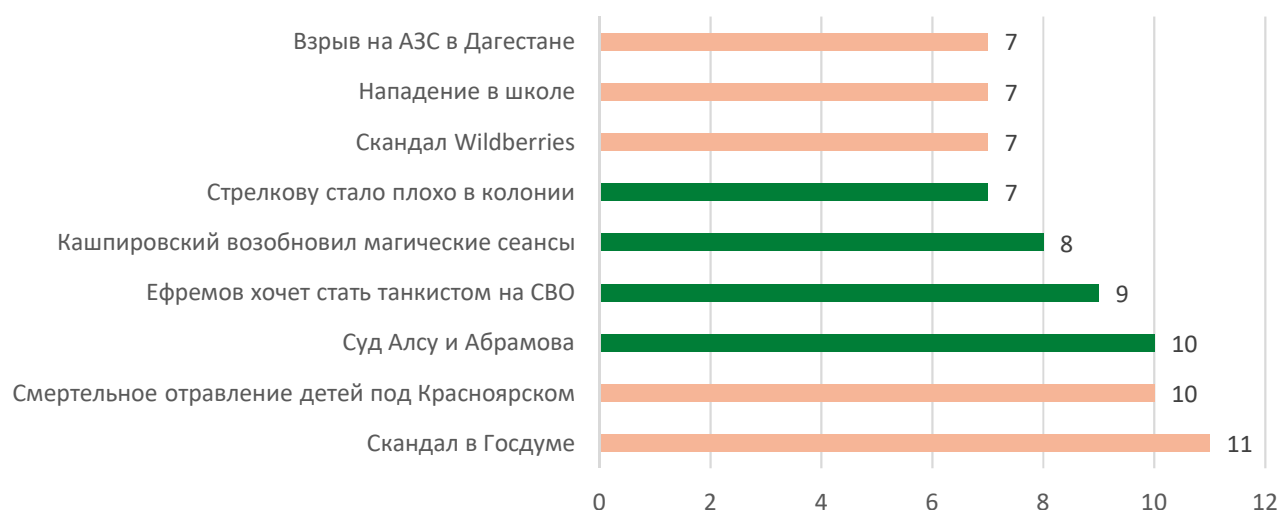

Рис. 2 / Fig 2. Контент-анализ Telegram-канала SHOT за период 16.09.24–29.09.24 /
Content analysis of SHOT Telegram channel for the period 16.09.24–29.09.24

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

Топ-9 инфоповодов с цитатами MASH в российских СМИ

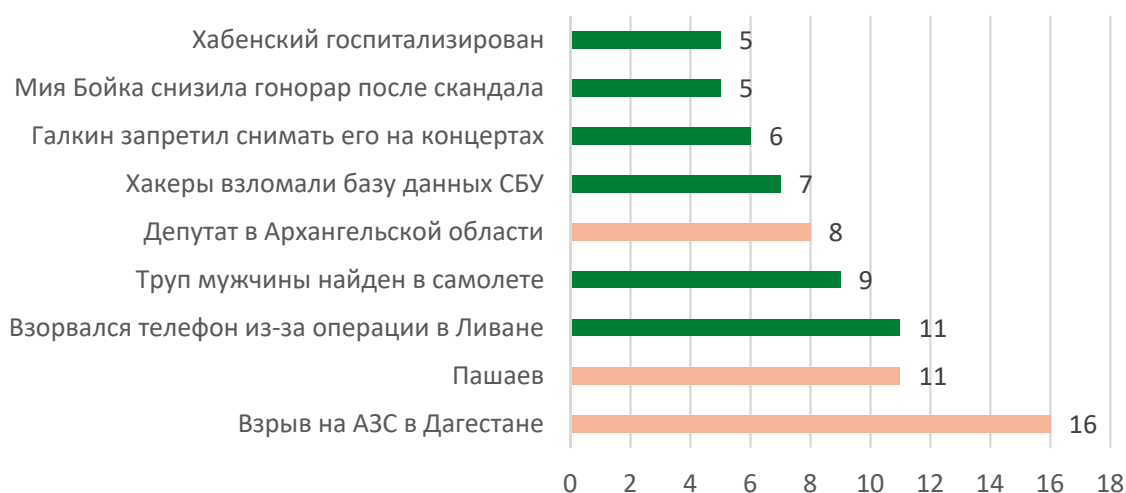

Рис. 3 / Fig 3. Контент-анализ Telegram-канала Mash за период 16.09.24–29.09.24 /
Content analysis of Telegram-channel Mash for the period 16.09.24–29.09.24

Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

и упоминаний, поскольку фактура для новости была разработана ими самостоятельно (рис. 3).

Сравнив качественные и количественные показатели Telegram-каналов в области цитируемости в СМИ, можно сделать вывод, что все три медиа действуют по двум стратегическим направлениям: отработка текущей повестки и разработка авторских тем. В первом случае они выделяются на фоне других медиа и СМИ за счет найденной эксклюзивной информации: это могут быть подробности события или фото/видео с места. К подробностям инфоповода можно отнести:

1. *Обстоятельства и уточнения события*

Инфоповод: Массовое отравление семьи в Красноярском крае. Эксклюзив SHOT: «Дихлофос «Варан» мог стать причиной отравления семьи в Красноярском крае».

2. *Статистические данные (например, количество погибших)*

Инфоповод: Взрыв на АЗС в Дагестане. Эксклюзив Mash: «По нашим данным, четверо из 10 пострадавших доставлены в больницу с колото-резаными ранами (в них попало стекло)».

3. *Участники события*

Инфоповод: Срочник сбежал из парка «Патриот».

Эксклюзив Ваза: Первое фото срочника, сбежавшего со стрельбищ в Подмосковье.

Кадры с места событий успешные Telegram-каналы получают тремя способами: от очевидцев, от стрингеров и собственных корреспондентов. Такой метод получения фото/видеоматериалов организован на платной или безвозмездной основе в зависимости от позиции редакции.

Разработка авторских тем

Вторая стратегия, выявленная в ходе качественного контент-анализа Telegram-каналов, это разработка авторских тем. Исследование новых медиа показало, что наибольшее количество цитат в СМИ с использованием этой стратегии дают два направления: ситуации на рынке и медийные личности.

В первом случае журналисты Telegram-каналов обращаются к участникам рынка, экспертам, пресс-службам или реестрам, чтобы получить необходимую информацию. В дальнейшем они анализируют ее и превращают в новость. Способы экспертной коммуникации в мессенджере были рассмотрены нами ранее [10]. Широко распространены ссылки на официальные источники

информации, как, например, в публикации SHOT: «Росаккредитация приостановила сертификаты соответствия на часть школьной формы и другой продукции для детей из магазинов «Детский мир», «Рандеву», «Кари» и «Happy Baby»». При создании новости редакция основывалась на едином реестре сертификатов соответствия от Росаккредитации. Изучив ее, журналисты выяснили, у каких брендов приостановили документы, а также собрали подборку этих товаров.

Во втором случае редакции успешных Telegram-каналов разрабатывают новости по медийным личностям, их можно поделить на три категории: личная жизнь, финансы и судебные разбирательства. При сборе фактуры для будущего инфоповода журналисты медиа обращаются к соцсетям звезд, близким источникам, картотекам арбитражных дел и дел общей юрисдикции. А также проверяют личности по налогам, штрафам и долгам через специальные системы, например СПАРК-Интерфакс. Большая база данных юридических лиц помогает оперативно получить информацию о финансовом состоянии и истории личностей, а также провести сравнительный анализ компаний.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ НОВОСТНОГО КОНТЕНТА

Важный аспект, на который обращают внимание читатели при выборе Telegram-канала, — это коммуникативные и стилистические приемы подачи контента. Авторы провели дискурс-анализ Telegram-каналов SHOT, Mash и Ваза для выявления особенности новостных сообщений в успешных новых медиа.

Анализируемые в исследовании Telegram-каналы активно используют мемы и юмор, что позволяет им выделиться на фоне других Telegram-каналов и СМИ и привлечь внимание рядовых читателей. Запоминающееся визуальное сопровождение новостных сообщений улучшает восприятие информации. Мемы — это потенциально вирусный контент, позволяющий быстро распространить информацию среди широкой аудитории. Лидером по использованию сатиры является Mash. Как минимум одно информационное сообщение в 1-2 дня сопровождается визуальным юмористическим контентом. Например, в эксклюзивной новости «Увеличение груди подорожает в России на 10-17% к концу года» редакция добавила мем на тему «0 дней без новостей о подорожании». А во время ин-

формационного всплеска вокруг задержания основателя Telegram новости с мемами и ироническими надписями выходили в течение всего дня. Например, редакторы проводили аналогию между ситуацией вокруг Павла Дурова и хруста французской булки, а также использовали язвительные картинки, например, миллиардер за решеткой на фоне Эйфелевой башни.

Обязательная эмоциональная окраска новостей, выявленная в ходе дискурс-анализа, является особенностью Telegram-каналов и применяется лишь в уместных случаях. Например, канал SHOT преподносит инфоповод с избиением пенсионерки в Ульяновске следующим образом: «Избивший бабушку ублюдок возле магазина в Ульяновске... По данным SHOT, ранее неадекват били несколько раз...». Слова «ублюдок» и «неадекват» относятся к просторечной, даже бранной, лексике и имеют высокую степень эмоциональной окраски, показывающей отношение к герою публикации. Подобные приемы способны сформировать связь с читателями, с аналогичным личностным отношением к ситуации, как и у редакторов канала.

Помимо этого, редакторы новых медиа, в отличие от традиционных СМИ, используют просторечные слова, короткие предложения и разговорный стиль речи, это упрощает восприятие пользователей. В Telegram-канале Mash можно часто встретить упрощенные выражения, такие как «телега», «немноШк», «г-о-о-о-о-л» и прочее. Подобные стилистические приемы помогают привлекать целевую аудиторию, поскольку новости подаются живо, кратко и не отнимают много времени для чтения у пользователя. Например, Telegram-канал SHOT представил информацию о причине задержания Эльмана Пашаева в двух коротких предложениях: «Эльман Пашаев подозревается в мошенничестве на сумму более 45 млн рублей. Именно столько, по версии следствия, Блиновский передал, чтобы освободить жену». Из-за того, что одним из ведущих целевых сегментов аудитории в Telegram является молодежь, новые медиа стараются соответствовать ее форме коммуникации, используя в работе сленг и жаргонизмы — «хайп», «зумеры», «тиктоки», «рилсы» и так далее. Это позволяет привлекать новую аудиторию в виде представителей молодого поколения, а также удерживать их внимание.

Дискурс-анализ исследуемых Telegram-каналов показал, что их коммуникативной особенностью является интерактивность — площадка позволяет

проводить опросы и собирать реакции пользователей в виде поставленных эмодзи. Так новые медиа коммуницируют с аудиторией и используют ее мнения на различные события. При этом такую возможность из исследуемых Telegram-каналов использует только SHOT: его редакторы регулярно опрашивают свою аудиторию, это позволяет не только сформировать связь с читателями, но и повысить показатель вовлеченности (ER). Помимо этого, к коммуникативным особенностям можно отнести лаконичность и оперативность — новые медиа выигрывают у традиционных СМИ благодаря скорости передачи информационного сообщения. Платформа Telegram позволяет оперативно доставлять новостные нарративы, чем и пользуются каналы в мессенджере. В своей работе редакции новых медиа руководствуются профессиональной журналистской этикой: указывают источники информации, отмечают материал водяным знаком, добавляют экспертизу в информационные сообщения, проводят фактчекинг и актуализируют новости. Такой подход схож с деятельностью традиционных СМИ. Подытожив, можно отметить, что к коммуникативно-стилистическим особенностям новостных медиа в Telegram можно отнести: сленг и жаргонизмы, юмор и иронию, эмоциональный окрас, мемы; актуальность, контекстуальность, интерактивность, лаконичность и фактическую точность.

ВЫВОДЫ

Таким образом, стратегию создания новостного контента в Telegram можно объединить в целую систему, представив ее в виде схемы (рис. 4). В своей работе редакции новых медиа основываются на принципах традиционной журналистики и приносят в нее свои техники, приемы и инструменты, которые можно реализовать на площадке Telegram. Благодаря этому они способны составить достойную конкуренцию традиционным СМИ и сформировать новое востребованное ответвление — Telegram-журналистику.

Созданный авторами в виде схемы прикладной алгоритм действий, выявленный авторами в ходе исследования, позволит начинающим журналистам новых медиа создавать эффективный новостной контент, который будет привлекать новых подписчиков и давать цитируемость в СМИ. Такая методика поможет повысить показатели новостных Telegram-каналов по следующим параметрам: индекс цитируемости, количество подписчиков, ER (вовлеченность) и охваты.

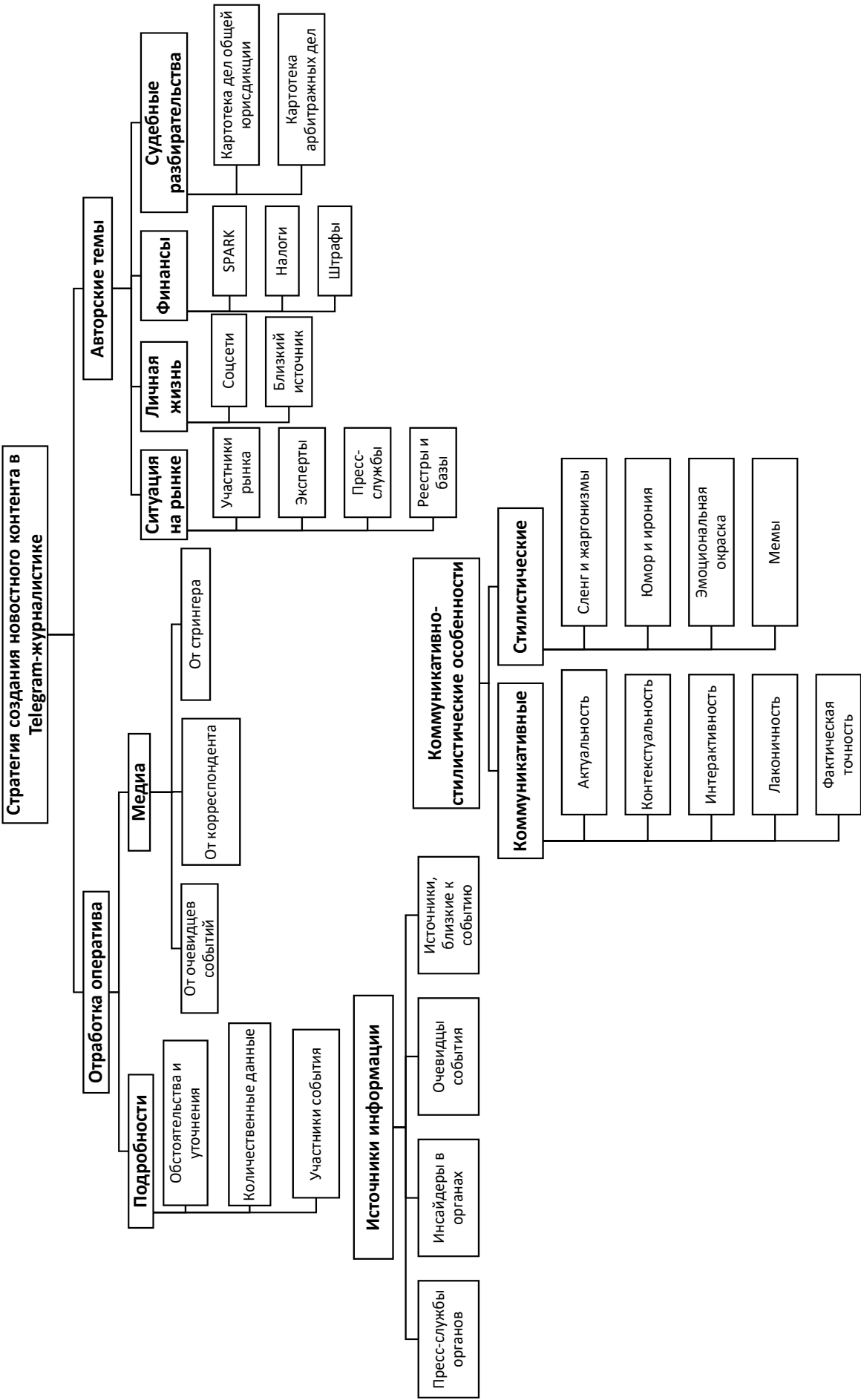

Рис. 4 / Fig. 4. Схема стратегии создания новостного контента в Telegram-журналистике / Scheme of strategy for creating news content in Telegram journalism
Источник / Source: составлено авторами по материалам исследования / compiled by the authors based on research materials.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Олешкевич В.В. Телеграм-журналистика: информационные проекты в мессенджерах как новые массмедиа. *Меди@льманах*. 2022;5(112):74-84. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2022.7484
2. Nobari D.A., Sarraf M.H.K.M., Neshati M., Daneshvar E.F. (2021). Characteristics of viral messages on Telegram; The world's largest hybrid public and private messenger. *Expert Systems with Applications*. 2020;168(3):114303. DOI: 10.1016/j.eswa.2020.114303
3. Соколова Д.В. Стратегии дистрибуции новостного контента в мессенджере Telegram. *Меди@льманах*. 2020;4(99):111-121. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.111121
4. Сулаквелидзе Н.М. Особенности медиатекста в мессенджере Telegram. В: Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы. 2019:241-247. URL: <https://elibrary.ru/xstpvb>
5. McQuail, Denis. Mass communication theory: An introduction. London: Sage Publications; 2010:420-430.
6. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. *Princeton University Press*. 2009.
7. Castells M. Communication Power. USA: *Oxford University Press*; 2009.
8. Магировская О.В., Струзик А.А. Поликодовая репрезентация информации в мессенджере Telegram. *Terra Linguistica*. 2024;15(2):92-101. DOI: 10.18721/JHSS.15209
9. Шпаковский А.П. Новые медиа как фактор управления политическими процессами в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(2):100-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-100-108
10. Каминская Т.Л. Коммуникативные роли политических экспертов в медийной повестке информационного противостояния. *Коммуникативные исследования*. 2023;10(2):303-316. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).303-316

REFERENCES

1. Oleshkevich V.V. Telegram journalism: Information projects in messengers as new mass media 2022;5(112):74-84. (In Russ.). DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2022.7484
2. Nobari D.A., Sarraf M.H.K.M., Neshati M., Daneshvar E.F. (2021). Characteristics of viral messages on Telegram; The world's largest hybrid public and private messenger. *Expert Systems with Applications*. 2020;168(3):114303. DOI:10.1016/j.eswa.2020.114303
3. Sokolova D.V. Strategies for the distribution of news content in the Telegram messenger. *Media@lmanakh*. 2020;4(99);111-121. (In Russ.). DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.111121
4. Sulakvelidze N.M. Features of the media text in the Telegram messenger. In: Crisis twentieth century: Paradoxes of the revolutionary code and the fate of literature. 2019:241-247 URL: <https://elibrary.ru/xstpvb> (In Russ.).
5. McQuail Denis. Mass communication theory: an introduction. London: Sage Publications; 2010:420-430.
6. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. *Princeton University Press*. 2009.
7. Castells M. Communication Power. USA: *Oxford University Press*. 2009.
8. Magirovskaya O.V., Struzik A.A. Polikodovaya reprezentaciya informacii v messendzhere Telegram. *Terra Linguistica*. 2024;15(2):92-101. (In Russ.). DOI: 10.18721/JHSS.15209
9. Shpakovsky A.P. New media as a factor in managing political processes in Russia. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(2):100-108. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-100-108
10. Kaminskaya T.L. Communicative roles of political experts in the media of information confrontation. *Communication Studies*. 2023;10(2):303-316. (In Russ.). DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).303-316

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Мария Константиновна Быкова — студентка факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Maria K. Bykova — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0006-1954-8991>
 mashaplagin31@gmail.com

Татьяна Леонидовна Каминская — доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Новгород Великий, Российская Федерация

Tatiana L. Kaminskaya — Dr. Sci. (Phil.), Assoc. Prof., Prof., Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Head of the Department of Journalism, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

tlkam1@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-67-75

УДК 1(091)(045)

Диалектика генезиса и структуры экзистенциализма

Т.М. Махаматов^а, Д.А. Пулатова^б, А.А. Мухамедов^б

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^б Университет «Альфраганус», Ташкент, Республика Узбекистан

АННОТАЦИЯ

В данной статье выполнено исследование диалектики генезиса экзистенциализма. Проводится концептуальный анализ произведений А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора как предшественников экзистенциализма, подготовивших базу его теоретических предпосылок. Рассмотрено влияние творчества Ф. Достоевского на формирование их философских взглядов. Авторами статьи выдвигается идея, что экзистенциализм как целостное философское учение формировался из синтеза самостоятельных, но отражающих отдельные и существенные стороны экзистенции человека концепций М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и А. Камю. Каждый из упомянутых теоретиков является одним из основоположников данного философского учения и течения, но создавал лишь отдельную составную часть экзистенциализма. Авторы статьи доказывают, что только центральные понятия и концепции трудов Хайдеггера, Ясперса, Сартра и Камю в логической взаимосвязи и взаимодополнении образуют целостный категориальный каркас экзистенциализма. Конкретные формы генезиса и формы проявления экзистенции индивида и процесс развития экзистенциализма раскрываются как в западной, так и в восточной художественной литературе, что свидетельствует о тесной взаимосвязи основных понятий и принципов экзистенциализма с этическими, эстетическими проблемами и аспектами философской антропологии. В заключении высказывается тезис, что в условиях формирования многополярного мироустройства возрастает актуальность дальнейшей разработки конкретных проявлений объективных и субъективных форм экзистенции и их динамика.

Ключевые слова: бытие; Шопенгауэр; Кьеркегор; Ницше; коммуникация; экзистенция в объективности; экзистенциализм как гуманизм; свобода; абсурд

Для цитирования: Махаматов Т.М., Пулатова Д.А., Мухамедов А.А. Диалектика генезиса и структуры экзистенциализма. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):67-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-67-75

ORIGINAL PAPER

Dialectics of the Genesis and Structure of Existentialism

T.M. Makhmatov^a, D.A. Pulatova^b, A.A. Mukhamedov^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

^b Alfraganus University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

ABSTRACT

This article analyzes the dialectics of the genesis of existentialism. A conceptual analysis of the works of A. Schopenhauer, F. Nietzsche, S. Kierkegaard, F. Dostoevsky is carried out as the precursors of existentialism, which prepared the theoretical prerequisites of existentialism. The study puts forward the idea that existentialism as an integral philosophical teaching was formed from the synthesis of independent, but reflecting separate and essential aspects of human existence, the concepts of M. Heidegger, K. Jaspers, J.-P. Sartre and A. Camus. Each of the mentioned authors is one of the founders of this philosophical doctrine and trend, but he created only a separate component of existentialism. The authors of the article prove the idea that only the central concepts and concepts of the works of Heidegger, Jaspers, Sartre and Camus form an integral categorical framework of existentialism in logical interrelation and complementarity. The specific forms of the genesis and manifestation of the individual's existence and the process of development of existentialism are revealed in both Western and Eastern fiction, which indicates the close relationship of the basic concepts and principles of existentialism with ethical, aesthetic problems and aspects of philosophical anthropology. In conclusion, the thesis is expressed that in the context of the formation of a multipolar world order, the relevance of further development of specific manifestations of objective and subjective forms of existence and their dynamics increases.

Keywords: being; Schopenhauer; Kierkegaard; Nietzsche; communication; existence in objectivity; existentialism as humanism; freedom; absurdity

For citation: Makhamatov T.M., Pulatova D.A., Mukhamedov A.A. *Dialectics of the genesis and structure of existentialism. Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University.* 2025;15(2):67-75. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-67-75

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время динамичный переход человечества из эпохи однополярного мироустройства к многополярному превращает экзистенциализм в актуальнейшее учение современности, объективно отражающее бурный и противоречивый, осознанный и трудноуправляемый самим субъектом внутренний мир человека: проблемы поиска индивидом самого себя, надежды и смысла своего существования в процессе нередкого столкновения с абсурдностью ограниченного во времени и пространстве окружающего его мира, борьба с экзистенциальным социальным пространством, со своим одиночеством, отчаянием и страхом смерти.

Актуальность представленного исследования определяется необходимостью выявления конкретного вклада М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и А. Камю в понятийный каркас фундамента этого учения, что требует более углубленного исследования различий их взглядов на экзистенцию человека, заключенных в их произведениях.

Факторы экзистенции, обнаруженные А. Шопенгауэром, С. Кьеркегором, Ф. Ницше и Ф. Достоевским, целенаправленно раскрытые, анализированные и исследованные как в художественной, так и философской форме выдающимися философами-экзистенциалистами, в настоящее время все сильнее и разнообразнее стали влиять на внутренний мир людей разного возраста, национальности и религии; в различных регионах нашей планеты все чаще стали возникать очаги экзистенциального социального пространства [1], что также требует изучения новых проявлений и динамики экзистенции.

Учения М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и А. Камю обычно рассматриваются как отражение целостной сущности экзистенциализма и завершенной системы. Несмотря на подробную и глубокую исследованность их трудов, считаем, что анализ логических этапов формирования экзистенциализма как относительно завершенной системы еще недостаточно проработан. Содержание основных произведений свидетельствует, что каждый из них формировал и разрабатывал существенные, но отдельные аспекты философии экзистенциализма, и, дополняя друг друга, они образовали целостный каркас этого учения.

Авторы в данной работе попытались преодолеть господствующий подход к творчеству вышеперечи-

сленных мыслителей, старались выявить конкретный вклад каждого из них в становление целостного экзистенциализма как философского учения.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

В Западной Европе по социально-экономическим и политическим причинам с 40-х гг. XIX в. одной из философских проблем становятся внутренние душевные противоречия и переживания, борьба с самим собой, страдания личности, стремление индивида понять и обрести себя, найти выход из угнетающей его душу и становящейся для него абсурдной реальности. Первым, но иррациональным осмыслением души человека выступает учение А. Шопенгауэра *о воле к жизни*. «Из исконности и безусловности воли объяснимо, — пишет А. Шопенгауэр, — что человек больше всего любит существование полное нужды, муки, страданий и страха, а к тому же еще скуки, которое с чисто объективной точки зрения он должен был бы ненавидеть, и что больше всего боится его конца, единственно для него достоверного» [2, с. 434]. По мысли философа, человек ссорится с самим собой, чтобы избавиться от мучений жизни, но его не зависящая от него воля объективная, как вещь в себе, вынуждает жить и продолжать род свой [2, с. 435].

Ф. Ницше и С. Кьеркегор, мышление которых, по словам К. Ясперса, «создает новую атмосферу» и одновременно выступает как *понятийная критика* абстрактного философского рационализма метафизической философии Гегеля [3, с. 13], обращают внимание на иные аспекты человеческого духа. Философские поиски Ницше и Кьеркегора являются *не иррациональной, но рациональной* критикой прежней метафизики и направлены на осмысление причин и особенностей болезненной и осознанной динамики внутреннего мира человеческой личности.

В исследованиях С. Кьеркегора отражаются *осознанные душевные страдания индивида*, мысли человека (как у Авраама в «Страхе и трепете» С. Кьеркегора) о своей вине перед Богом, его отчаяние, сознание об отверженности себя Богом [4, с. 29]. В трудах Ф. Ницше ведется поиск власти в самом себе не столько над другими, сколько над самим собой, над своим одиночеством и смертью [5, с. 580]. Этими мыслителями закладываются основы будущего философского течения — экзистенциализма. Все основоположники философии экзистенциализма считали Ницше и Кьер-

кегора предвестниками данного учения и опирались на экзистенциальные понятия в их трудах [3, 6–8]. Но мы считаем, что не следует отрицать и влияние А. Шопенгауэра — философа второй половины XIX в.

Современная британская исследовательница эволюции экзистенциализма Сара Бейквелл, соглашаясь с оценкой классиками философии экзистенциализма роли Ницше и Кьеркегора, отмечает, что эти мыслители открыли такую атмосферу бунта и разочарования в разуме своих современников, которая оказалась присуща и нынешним поколениям. Они раскрыли, что существование человека чаще всего выступает результатом трудного выбора, действия и самоутверждения. Какие-то полосы человеческой жизни сопровождаются муками и трудностями; чтобы преодолевать их, надо иметь, как писали Кьеркегор и Ницше, духовную силу в себе [9, с. 33; 10], но не ссылаться на некую иррациональную волю к жизни, например, как Шопенгауэр [2, с. 433–435].

Впервые термин «экзистенция» в научный оборот введен С. Кьеркегором, и им же были определены основная часть предметной области экзистенциализма и существенные особенности проявления экзистенции, что очень ярко выражается в его анализе духовной борьбы Авраама в «Страхе и трепете» и «Заключительном ненаучном послесловии к “Философским крохам”» [4; 11, с. 281–304]. Кьеркегор посредством слова «экзистенция» смог раскрыть бесконечную глубину и драматизм человеческой души, что слово это, по словам К. Ясперса, превратилось в философское понятие, которое еще не было «недоступно никакому определенному знанию...» [3, с. 40].

Другой немаловажной философской основой рождения экзистенциализма стала феноменология Э. Гуссерля, где проводится идея о полной определенности содержания сознания познающего индивида интенциональностью его сознания, т.е. *его направленностью на вещи-вне-себя*. «Но если интенциональность упускается из виду, — вопрошает Э. Гуссерль, — то, как же тогда может быть всерьез исследована душевная жизнь, которая целиком и полностью есть жизнь сознательная...» [12, с. 122]. Согласно Гуссерлю, сознание человека следует анализировать и понимать в его неразрывном диалектическом единстве с реальным состоянием бытия индивида как «вот-бытие» — *Dasein* — как непосредственное существование индивида, как его конкретный «жизненный мир» во времени и пространстве. Отмечая близость учения Эдмунда Гуссерля к экзистенциализму, А. Камю писал, что феноменология не объясняет мир, но скорее всего описывает переживания субъекта,

его абсурдное мышление. Для феноменологии Гуссерля «нет Истины, есть только истины» [6, с. 251].

Влияние романов Ф.М. Достоевского на формирование экзистенциализма и конкретизацию его понятий носит художественно-образный характер, что помогает понять суть экзистенциализма. Как пишет А. Камю: «... в романах Достоевского вопросы ставятся с такой силой, что допустимыми оказываются только крайние решения: *ли бо* обманчиво, *ли бо* вечно. Если бы Достоевский довольствовался исследованием этого вопроса, он был бы философом. Но он показывает следствия этих умственных игр для человеческой жизни, на то он и художник. Из этих следствий он выбирает самое радикальное, которое в “Дневнике писателя” названо логическим самоубийством» [6, с. 295].

Но все же мы считаем, что по сравнению с влиянием творчества Ф.М. Достоевского на зарождение экзистенциализма роль теоретико-философских трудов Гуссерля здесь была более абстрактной.

В своей сущности, на наш взгляд, феноменология и экзистенциализм являются философией человеческого бытия, исследующей, как в произведениях Ф.М. Достоевского, беспокойную душу индивида, ищущего себя и смысл своей жизни через призму душевных коллизий и проблем; философией, призывающей индивида формировать свою сущность, борясь с самим собой и окружающей реальностью за себя, за свою жизнь. Гуманизм экзистенциализма заключается, как справедливо подчеркивал Сартр, прежде всего, в видении в самом себе главной причины своих бед и своих успехов.

Экзистенциализм как философское течение является *диалектическим синтезом* понятий и принципов экзистенции человека, превращенных создателями системы экзистенциализма М. Хайдеггером, К. Ясперсом, Ж.-П. Сартром, А. Камю в центральный объект и предмет философских исследований. Нашей главной философской гипотезой идентифицируется тезис, что *учение ни одного из них в отдельности не может претендовать на исчерпывающую целостную систему экзистенциальной философии*. Каждый из вышеперечисленных представителей экзистенциализма вносил свой *отдельный, отличный от других*, существенный вклад в становление экзистенциализма как оригинального философского течения; *диалектическое единство основных категорий и принципов их учений и представляет целостный концептуальный каркас экзистенциализма*.

Однако следует признать, что экзистенциализм своим публичным оформлением в философское течение прежде всего обязан Ж.-П. Сартру, его выступле-

ниям (в первую очередь, выступлению 28 октября 1945 г.) и книге «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946), созданной на основе этого выступления. Превращение феноменологии в философию экзистенциализма, по словам Сары Бейквелл, — «гениальное открытие Сартра» [9, с. 14].

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МЫСЛИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Исторически и логически началом образования экзистенциализма как самостоятельного философского течения следует рассматривать известное произведение «Бытие и время» (1928) немецкого философа М. Хайдеггера (1889–1976). Хотя М. Хайдеггер не считал себя экзистенциалистом, но содержание его вышеназванного ключевого труда посвящено, во-первых, философскому анализу человека в его конкретном «вот-бытии» — *Dasein*, находящегося во временном потоке и воспринимающего, понимающего окружающий мир через призму осмысления своего конкретного и *временного* бытия и использующего свое окружение как для себя-бытия и для заботы о себе. «Сущее, анализ которого стоит как задача, — пишет Хайдеггер, — это всегда мы сами. Бытие этого сущего всегда мое. ... Бытие, о котором для этого сущего идет дело в его бытии, всегда мое» [13, с. 28]. В таком рассмотрении человек превращается в центральное бытие, как сущее, наиболее ярко выражающее свою временность, он выступает ядром окружающего мира, являющегося для индивида средством, по словам Хайдеггера, «для меня-бытием».

Во-вторых. Хайдеггером широко использует термин «экзистенция» в его разнообразных смыслах, но его содержание означает, прежде всего, *способ* существования человека в конечном времени, как временное «*присутствие*» сущего. «Онтологическая аналитика этого сущего, — как пишет Хайдеггер, — всегда уже требует принятия во внимание экзистенциальности. ... Для титула *existentia* мы всегда употребляем выражение наличие, а экзистенцию как бытийное отводим только присутствию» [13, с. 28].

Учение о бытии М. Хайдеггера с экзистенциализмом объединяет содержание центрального понятия *Dasein* в его «Бытие и времени», которое раскрывается с помощью таких понятий философии экзистенциализма, как *страх*, *брошенность*, осознание человеком *временности* своего бытия, и *смерть*, сквозь которых *Dasein* проходит и реализует себя. Например, Хайдеггер пишет, что «присутствие способно, будучи тем более по существу событием с другими, иметь опыт смерти» [13, с. 121].

М. Хайдеггером эти понятия рассматриваются, по его словам, вне и «до всякой психологии, антропологии и уж подавно биологии»; они раскрывают экзистенциальную сущность бытия индивида. Исходя из содержания основного произведения немецкого мыслителя, его можно по праву отнести в число родоначальников раннего экзистенциализма, как утверждал Сартр, атеистического направления.

Однако экзистенциализм М. Хайдеггера не тождествен экзистенциализму Сартра, так как они раскрывают *разные аспекты* экзистенции человека. В экзистенциализме Хайдеггера, выступающем как *первоначальное определение объекта* экзистенциального исследования, еще не рассматривается выбор человека как формирование сущности своей личности, как форма реализации индивидом своей свободы, не исследуется *динамика* проблемности конкретного существования личности индивида, нет анализа понимания индивидом абсурдности бытия-в-мире и его интеллектуального протеста против абсурдности внешнего индивиду мира. Эти положения встречаются позже не только в философских трудах, но и художественных произведениях Сартра и Камю.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА КАРЛА ЯСПЕРСА

Старший современник М. Хайдеггера немецкий философ К. Ясперс (1883–1969) внес огромный вклад в становление, расширение и дальнейшую эволюцию философии экзистенциализма, введя в нее ряд важнейших экзистенциальных понятий. Ядро экзистенциалистской концепции К. Ясперса изложено во 2-й книге его «Философии» «*Просветление экзистенции*» (1932) и лекциях «*Разум и экзистенция*», изданных позже, в 1935 г., отдельной книгой.

Вклад К. Ясперса в экзистенциализм заключается, во-первых, в его тезисе о противоречивости обнаружения экзистенции, поскольку она, экзистенция человека, имеет место в субъективном мире индивида. Ее обнаружение и исследование требуют применения методов психологии. Однако в то же время экзистенция, согласно К. Ясперсу, представляет собой также *неотъемлемую основу* существования человеческого индивида. Он пишет: «из возможности экзистенции я живу; лишь в ее осуществлении я бываю самим собой» [14, с. 3–4]. Согласно немецкому мыслителю, экзистенция не является иррациональной, но она осознается и осознанно переживается, она «есть процесс самопонимания» [14, с. 14].

Второй вклад К. Ясперса в экзистенциализм заключается в раскрытии им *объективности* и со-

циальности рождения экзистенции индивида. Согласно Ясперсу, основанием экзистенции служит коммуникация, т.е. взаимоотношение индивида как социального существа с другими индивидами, в процессе которого порой формируется его неудовлетворенность самим собой, своим окружением, т.е. происходит осознание человеком своего одиночества, будучи в коллективе. Он считает, что «сколько бы коммуникация ни отменяла одиночества, в ней растет новое одиночество, которое не может исчезнуть...» [14, с. 65].

К. Ясперс, как и М. Хайдеггер, считает, что каждый индивид в своей жизнедеятельности проходит через необходимый ему ряд ситуаций. Следовательно, существование человека правильно будет рассматривать как его бытие в ситуациях, следующих друг за другом. Он пишет, что индивид никогда не может «выйти за пределы некоторой ситуации, не вступая в другую ситуацию» [14, с. 205]. Конечной ситуацией для него выступает неизбежная смерть.

Третий важнейший вклад К. Ясперса в экзистенциализм — выделение *субъективной и объективной форм экзистенции*, что остается малоисследованной проблемой в современных философских анализах экзистенциализма [15]. Ясперс утверждает, что экзистенция имеет как объективную, так и субъективную формы своего осуществления. «Она ищет объективного как формы и облика жизни». Субъективная экзистенция осуществляет и проявляет себя только в объективном, сохраняя свою субъективную сущность. Таким образом, как утверждает Ясперс, «экзистенция является себе как особенная *тотальность* объективности и субъективности» [14, с. 343].

Экзистенциализм К. Ясперса более конкретен и более содержателен, чем у М. Хайдеггера. В нем выдвинуты новые категории экзистенциализма, чего не было у Хайдеггера. Однако у Ясперса же отсутствует диалектика противоречия Бытия и существования человека-индивида, *Dasein*, т.е. его «вот-бытие», что раскрыл Хайдеггер. В то же время, категории экзистенциализма Ясперса не встречаются у Сартра и Камю, хотя у них обоих в неявной форме содержатся мысли о роли коммуникации в формировании экзистенции человека, об объективной экзистенции, как, например, в зале суда в «Постороннем» А. Камю [16, с. 69–74]. Однако у Ясперса, как и у Хайдеггера, нет той экзистенциальной драматичности, проблемы свободы выбора и борьбы индивида против абсурдности окружающего мира, за преодоление человеком своей экзистенции, что имеют место у Ж.-П. Сартра и особенно А. Камю.

ЖАН-ПОЛЬ САРТР И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Экзистенциализм получил публичное оформление как самостоятельное философское течение именно благодаря французскому мыслителю, писателю и журналисту Ж.-П. Сартру (1905–1980). После С. Кьеркегора он первым раскрыл драматичность, динамичность экзистенции индивида и ее обусловленность борьбой человека против косности, мещанства, лицемерия буржуазного образа жизни западного общества. Динамичность экзистенции, необходимость выбора как реализации индивидом своей свободы и понимание своей ответственности определяется Сартром в его утверждении, что Бога нет. Следовательно, человек сам должен определять свою судьбу своим выбором и отвечать за него. Экзистенция же как *тошнота* у главного героя романа «Тошнота» проявляется как выражение его критического отношения, что отражает протест Сартра против застойности буржуазного образа жизни [17]. По этой же причине он отказался от Нобелевской премии, считая ее признаком буржуазности.

Основные положения своего экзистенциализма сначала Сартр излагает в романах «Тошнота» (1938), «Стена» (1939), затем в философских трудах «Бытие и ничто» (1943), «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946) и других работах. Экзистенциализм французского мыслителя представляет собой учение, показывающее, что человеческая жизнь приобретает смысл благодаря осмысленному личному выбору и самостоятельной активности субъекта, что по Сартру означает *субъективность* [18, с. 320]. Сущность человека определяется не внешним миром, не системой общественных отношений, как считают марксисты, но самим человеком, его самостоятельным действием, основанным на свободном выборе своих действий. Таков смысл *первого принципа экзистенциализма Сартра* и его утверждения, что «существование предшествует сущности» [18, с. 323].

Вторым принципом экзистенциализма Сартра выступает личная и осознанная активность каждого индивида как субъекта, что им обозначается как *субъективизм*. Субъективизм Сартра еще означает, что «человек не может выйти за пределы человеческой субъективности» [18, с. 324].

Сартр как представитель атеистического экзистенциализма исходит из тезиса об отсутствии бога и делает вывод, что человек предоставлен сам себе, сам выбирает свое бытие и определяет свою судьбу. Человек одинок, утверждает Сартр за Ясперсом, — и, следовательно, он осужден быть свободным, что означает, согласно экзистенциализму французского

философа, что каждый человек будет принимать во внимание лишь то, что зависит от его воли, или ту сумму вероятностей, которые делают возможным его действие.

Экзистенциализм Сартра определяет человека по его *осмысленным* делам и учит, что «судьба человека полагается в нем самом». Он пишет, что «в исходной точке не может быть никакой другой истины, кроме “Я мыслю, следовательно, существую”». Это абсолютная истина сознания, постигающего самое себя» [18, с. 335]. Однако это не пассивное и созерцательное мышление, но мышление *действующего* субъекта, выбирающего свою мораль как протест существующему общественному строю [18, с. 339]. Согласно философу, экзистенциалистский гуманизм напоминает человеку, что *именно он* — главный и единственный законодатель и вершитель своей судьбы. «Реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, которой может быть освобождение или еще какое-нибудь конкретное самоосуществление» [18, с. 343].

У Ж.-П. Сартра не найдено конкретного ответа на вопрос — в борьбе с чем и с кем, и с какими усилиями и жертвами индивид формирует свою сущность и реализует свободу свою, которая у французского экзистенциалиста близка к анархии. То есть у Сартра слабо и неявно выражена социальная сторона экзистенции. Эту задачу решает А. Камю, экзистенциальные мысли которого как бы достраивают здание экзистенциализма, придают ему некую концептуально-логическую целостность и конкретность.

АЛЬБЕР КАМЮ И ЗАВЕРШЕНИЕ ЗДАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Основные экзистенциальные мысли А. Камю (1913–1960) изложены в его философских трудах «Миф о Сизифе» (1942) и «Бунтующий человек» (1951) и художественных произведениях «Посторонний» (1942), «Чума» (1943), за которые он получил Нобелевскую премию. Выходец из колониального французского Алжира Камю, переехав в Париж, вскоре познакомится с Сартром, Симоной де Бовуар и другими экзистенциалистами, что в определенной степени определило его философию.

Одна из главных категорий экзистенциализма Камю — категория *абсурда*, отражающая состояние, с которым каждый человек каждый день вынужден сталкиваться и должен выбрать, как еще писал А. Шопенгауэр, один из двух вариантов своего бытия: мучительную, полную страданий жизнь или самоубийство. Две другие взаимосвязанные категории экзистенциализма Камю *бунт* и *судьба* — раскры-

ваются и развиваются в его работе «Миф о Сизифе» с подзаголовком «Эссе об абсурде». В этих категориях А. Камю обосновывает необходимость борьбы против абсурда бытия и за жизнь, что наиболее ясно отражает гуманистический смысл экзистенциализма в целом и оригинальность концепции экзистенциализма Камю в частности.

Согласно Камю, «чувство абсурда» обнаруживается «в наш век повсюду», что демонстрирует жизнь и судьба Мерсо — главного героя романа «Посторонний» [16]. Абсурд не только вездесущ, но и многообразен: он есть в самом человеке, не нашедшем себя, что превращает его в *абсурдного человека*; есть в окружающей социальной среде, во взаимоотношениях с другими людьми — близкими, посторонними; он, абсурд, проявляется также в невозможности понять другого и объясниться с ним.

Человек, в сущности, всегда и везде находится в одиночестве, как монада Лейбница, что заметили все экзистенциалисты от Хайдеггера до Камю. Превосходящее господство одиночества усиливает бессмысленность и абсурдность в человеческой жизни. «Собственно говоря, чувство абсурдности, — пишет Камю, — и есть этот разлад между человеком и его жизнью, актером и декорациями» [6, с. 225]. Абсурд в самом человеке и вокруг него вырастает, если человек себя еще не нашел, когда он не хочет, или не может, или же не знает, что он еще себя не нашел. У него не определены цели, он не знает свою надежду и смысл своего существования, или же с надеждами покончено. Рождение абсурда, согласно Камю, «происходит как раз при встрече эффективного, но ограниченного разума с постоянно возрождающимся иррациональным» [6, с. 247]. Абсурд выступает как пограничная ситуация между рациональным и иррациональным.

В отличие от других экзистенциалистов, Камю четко и ясно предлагает пути и способы преодоления индивидом своей экзистенции, абсурда в себе и в окружении, ставящих человека перед дилеммой жизни и смерти, суицида. Вопрос о смысле жизни Камю считает самым неотложным вопросом. «Как на него ответить? — вопрошает он. — По-видимому, имеются всего два метода осмысления всех существенных проблем — а таковыми я считаю лишь те, которые грозят смертью или удесятерят страстное желание жить...» [6, с. 223]. Камю призывает абсурдного человека настойчиво бороться за свою жизнь, чтобы перебороть себя и свою абсурдность, и абсурдность жизни. Кажущаяся бессмысленность жизни дает больше оснований, чтобы бороться за нее, принимать эту бессмысленность как испытание

судьбы. Борьбу свою за жизнь *вопреки абсурду* следует принимать как проявление полноты своего существования. «Следовательно, зная об абсурдности судьбы, можно жить ею только в том случае, если абсурд все время перед глазами, очевиден для сознания» [6, с. 259], ибо абсурд есть испытание человека судьбой.

Именно в процессе борьбы с абсурдом и осмысления сути абсурда, согласно Камю, человек может найти себя, приобрести смысл своей жизни и понять ее ценность, ибо абсурд есть испытание, своеобразная закалка человека. Преодолевая абсурд, выбирая не смерть, но страсть и бунт за жизнь, человек приобретает свободу. Только таким способом человек превращает «в правило жизни то, что было приглашением к смерти», и отвергает самоубийство [6, с. 267].

Свои мысли о сути и значении борьбы с абсурдом, о *способе преодоления экзистенции*, Камю раскрывает в «Мифе о Сизифе». Характеризуя Сизифа «пролетарием богов», он считает, что ясность мысли Сизифа превращает в победу то, что должно быть его мукой. Его презрение к мукам побеждает судьбу, назначенную ему богами. «Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение» — заключает Камю [6, с. 306]. Человек абсурдный в абсурдной обстановке должен брать пример у Сизифа и, глядя на свои муки, принимать их как испытание, которое он в силах преодолеть, к чему и призывает Камю: «Одной борьбы за вершину достаточно, — утверждает он, — чтобы заполнить сердце человека» [6, с. 308].

Основные категории экзистенциализма А. Камю совместно с основными понятиями учений М. Хайдеггера, К. Ясперса и Ж.-П. Сартра придают целостность, завершенность основного каркаса здания экзистенциализма, что, однако, не означает его закрытость и исчерпанность его проблем, требующих дальнейшей разработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Несмотря на глубину и чрезвычайно оригинальность мыслей Хайдеггера, Ясперса, Сартра и Камю, ни один из мыслителей не может претендовать на титул создателя *целостной* экзистенциальной философии. Но в то же время, без учета содержания основных понятий и принципов их трудов невозможно понять многогранную действительно гуманистическую сущность экзистенциализма и разрабатывать заключающиеся в трудах основоположников этого учения потенциальные исследовательские проблемы.

После классиков экзистенциализма, основные идеи которых были в общих чертах проанализированы выше, экзистенциализм не перестал эволюционировать. Их мысли послужили и до сих пор служат основой дальнейшего развития экзистенциализма. В настоящее время, опираясь не только на труды классиков экзистенциализма, но и на работы современных психологов и известных экзистенциальных зарубежных писателей С. Беккета, Г. Маркеса, российско-советских писателей А. Платонова, Ч. Айтматова, современных узбекских экзистенциальных писателей М. Исмаилий и У. Хамдама и других, уже ведутся исследования генезиса экзистенции у детей, экзистенциального социального пространства, проявлений экзистенции в объективности в ее диалектической взаимосвязи с экзистенцией в субъективности [19, 20].

Наше исследование приводит к выводу, что экзистенциализм Хайдеггера, Ясперса, Сартра и Камю и из него вырастающий современный экзистенциализм как гуманистическая философия нашего времени может приобретать свою конкретность и действенность, понимая, исследуя экзистенцию человека в ее разнообразных проявлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Makhamatov T., Ganiyev B., Pulatova D., Makhamatov T. Dialectics of existential space in educational societies. *XLinguae*. 2024;17(3):187-197. DOI: 10.18355/XL.2024.17.03.15
2. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Дополнение к первым четырем книгам. Пер. с нем. Москва: Академический проект; 2017.
3. Ясперс К. Разум и экзистенция. Пер. с нем. Москва: Издательство «Канон плюс», РООИ «Реабилитация»; 2023.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. Пер. с дат. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб; Издательство «Республика»; 1998.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Ессе Номо. По ту сторону добра и зла. Пер. с нем. Москва: Эксмо; 2015.
6. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. Сумерки богов. Пер. с фр. Москва: Политиздат; 1989. С. 222-318.
7. Хайдеггер М. Ницше и пустота. Пер. с нем. Москва: Родина; 2023.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Пер. с фр. Москва: Республика; 2004.
9. Бейквелл С. В кафе с экзистенциалистами. Свобода, бытие и абрикосовый коктейль. Пер. с англ. Москва: Эксмо; 2023.

10. Bolea Ş. What is existentialism? A revision of contemporary definitions. *Studia ubb. Philosophia*. 2014;59(2):63-72. URL: https://www.researchgate.net/publication/303959886_What_Is_Existentialism_A_Revision_of_Contemporary_Definitions
11. Кьеркегор С. Заключительное послесловие к «Философским крохам». Пер. с дат. Москва: Академический проект; 2021.
12. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Пер. с нем. Санкт-Петербург: Издательство «Владимир Даль»; 2004.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. Москва; 2007. URL: <http://yanko.lib.ru/gum.html>
14. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. Пер. с нем. Москва: Издательство «Канон плюс»; РООИ «Реабилитация»; 2021.
15. Махаматов Т.М., Ганиев Б.С. Дискурс об объективной и субъективной экзистенции. *Философия и общество*. 2023;3(108):51-67. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.03
16. Камю А. Сочинения. Пер. с фр. Москва: Прометей; 1989.
17. Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман. Пер. с фр. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2003.
18. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. Пер. с фр. Москва: Политиздат; 1989:319-344.
19. Махаматов Т.М. Диалектика экзистенциальной сущности индивида. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2023;23(1):80-90. DOI: 10.37482/2687-1505-V234
20. Махаматов Т.М. Диалектика экзистенции социального пространства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):75-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83

REFERENCES

1. Makhamatov T., Ganiyev B., Pulatova D., Makhamatov T. Dialectics of existential space in educational societies. *XLinguae*. 2024;17(3):187-197. DOI: 10.18355/XL.2024.17.03.15
2. Schopenhauer A. The world as will and representation. Supplement to the first four books. Transl. from Germ. Moscow: Academic Project; 2017. (In Russ.).
3. Jaspers K. Reason and existence. Transl. from Germ. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation"; 2023. (In Russ.).
4. Kierkegaard S. Fear and trembling. Transl. from Dan. Moscow: TERRA-Book Club; Publishing House «Republic»; 1998. (In Russ.).
5. F. Nietzsche That's what Zarathustra used to say. *Esse Homo. Beyond good and evil*. Transl. from Germ. Moscow: Eksmo; 2015. (In Russ.).
6. Camus A. The myth of Sisyphus. An essay on the absurd. *Twilight of the Gods*. Transl. from French. Moscow: Politizdat; 1989:222-318. (In Russ.).
7. Heidegger M. Nietzsche and emptiness. Transl. from Germ. Moscow: Rodina; 2023. (In Russ.).
8. Sartre J.-P. Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology. Transl. from French. Moscow: Republic; 2004. (In Russ.).
9. Bakewell S. In a cafe with existentialists. Freedom, being and apricot cocktail. Transl. from Eng. Moscow: Eksmo; 2023. (In Russ.).
10. Bolea Ş. What is existentialism? A revision of contemporary definitions. *Studia ubb. Philosophia*. 2014;59(2):63-72. URL: https://www.researchgate.net/publication/303959886_What_Is_Existentialism_A_Revision_of_Contemporary_Definitions
11. Kierkegaard S. The final afterword to "Philosophical Crumbs". Transl. from the date — 4th ed. Moscow: Academic Project; 2021. (In Russ.).
12. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Transl. from Germ. St. Petersburg: Publishing House "Vladimir Dahl"; 2004. 122 p. (In Russ.).
13. Heidegger M. Genesis and time. Transl. from Germ. 2007. URL: <http://yanko.lib.ru/gum.html> (In Russ.).
14. Jaspers K. Philosophy. The second book. Enlightenment of existence. Transl. from Germ. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation"; 2021. (In Russ.).
15. Makhamatov T.M., Ganiyev B.S. The discourse on objective and subjective existence. *Philosophy and society*. 2023;3(108):51-67. (In Russ.). DOI: 10.30884/jfio/2023.03.03
16. Camus A. Essays. Transl. from Fr. Moscow: Prometheus; 1989. (In Russ.).

17. Sartre J.-P. Nausea: A Novel. Trans. from French. St. Petersburg: ABC Classics; 2003. (In Russ.).
18. Sartre J.-P. Existentialism is humanism. Transl. from French. Moscow: Politizdat, 1989:319-344. (In Russ.).
19. Makhamatov T.M. Dialectics of the existential essence of the individual. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2023;23(1):80-90. (In Russ.). DOI: 10.37482/2687-1505-V234
20. Makhamatov T.M. Dialectics of the social space's existence. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):75-83. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Tahir M. Makhamatov — Dr. Sci. (Phil.), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

Makhamatov.tair@mail.ru

Дилдор Акмаловна Пулатова — кандидат философских наук, профессор кафедры «Общественные науки», Университет «Альфраганус», Ташкент, Республика Узбекистан

Dildor A. Pulatova — Cand. Sci. (Phil.), Prof. of the Department of Social Sciences, Alfraganus University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

<https://orcid.org/0000-0002-6551-1982>

falsafa2009@gmail.com

Асрор Асадович Мухамедов — доктор философских наук, доцент, декан факультета общественных наук, Университет «Альфраганус», Ташкент, Республика Узбекистан

Asror A. Mukhamedov — Dr. Sci. (Phil.), Assoc. Prof., Dean, Faculty of Social Sciences, Alfraganus University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

<https://orcid.org/0009-0007-9499-5828>

asrormukhamedov24@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Т.М. Махаматов — разработка общей концепции статьи, подготовка теоретической текстовой части.

Д.А. Пулатова — разработка части общей концепции, подготовка текста заключения.

А.А. Мухамедов — подготовка раздела экзистенциализма А. Камю, перевод иностранных источников.

Authors' declared contribution:

T.M. Makhamatov — development of the general concept of the article, preparation of the theoretical text part.

D.A. Pulatova — development of a part of the general concept, preparation of the text of the conclusion.

A.A. Mukhamedov — preparation of the section of existentialism by A. Camus, translation of foreign sources.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-76-82

УДК 327.7+327.8(045)

Развитие Форума Макао как платформы сотрудничества Китая и португалоговорящих государств

О.А. Филатов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Колониальное наследие остается одним из существенных факторов обострения противоречий и эскалаций конфликтов в мировой политике. Однако опыт Китая показывает, что исторически сложившиеся политические, экономические, культурные и другие особенности бывших владений западных империй можно использовать для реализации своих нынешних целей на глобальной арене. Примером тому служит диалоговая площадка Форум Макао, которая, основываясь на прошлом Макао (Аомэня) в составе Португальской империи, в наши дни выступает платформой для укрепления сотрудничества Китая и португалоговорящих стран мира, в своем абсолютном большинстве представляющих Глобальный Юг. Эффективно пользуясь сложившимися в колониальный период связями Макао и португалоговорящего пространства, Китай предлагает Форум Макао как одну из ряда платформ, отражающих форматы его многостороннего международного сотрудничества, которые могут лечь в основу формирующегося миропорядка. Основополагающую роль в данной работе имеет инициатива «Пояс и путь», для которой институционализация форума представляет важное значение. И в условиях подобного внешнего фона немаловажное стимулирующее значение для дальнейшего становления Форума Макао приобретает внутренняя интеграция в районе дельты реки Чжуцзян, включающая в себя провинцию Гуандун, САР Макао и Гонконг. Как итог, проводя анализ в рамках системного подхода и применяя историко-генетический метод, устанавливается, что, отвечая целям внешнеполитических устремлений КНР, диалоговая площадка в виде Форума Макао получает стимулы для поэтапной трансформации в полноценную международную организацию.

Ключевые слова: Форум Макао; САР Макао; Китай; португалоговорящие страны; Лузофония; «Один пояс — один путь»

Для цитирования: Филатов О.А. Развитие Форума Макао как платформы сотрудничества Китая и португалоговорящих государств. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):76-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-76-82

ORIGINAL PAPER

The Development of Forum Macao as a Platform for Cooperation Between China and Portuguese-Speaking States

O.A. Filatov

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The colonial legacy remains one of the significant factors of the aggravation of contradictions and escalation of conflicts in world politics. However, the case of China shows that historically established political, economic, cultural and other features of the former possessions of Western empires can be used to achieve their current goals on the global stage. An example of this is the Forum Macao — a dialogue platform, which, based on the past of Macao (Aomen) as a part of the Portuguese Empire, is currently used as a platform for strengthening cooperation between China and Portuguese-speaking countries of the world, whose vast majority represents the Global South. Effectively using the ties between Macao and Portuguese-speaking area which developed during the colonial period, China proposes its Forum Macao as one of a number of platforms that reflect China's own formats of multilateral international cooperation, which can form the basis of the emerging world order. The Belt and Road initiative plays a fundamental role in this work, which growth is essentially dependent on the institutionalization of such initiatives. And in the context of such an external background,

internal integration in the region of the Pearl River Delta, which includes Guangdong Province, special administrative regions of Macao and Hong Kong, is getting a stimulating factor for the further development of the Forum Macao. As a result, conducting this analysis within the framework of a systematic approach and applying the historical genetic method, it has been identified that, meeting the goals of the PRC's foreign policy aspirations, the dialogue platform in the form of the Forum Macao receives incentives for a phased transformation into a full-fledged international organization.

Keywords: Forum Macao; SAR Macau; China; Portuguese-speaking countries; Lusophonia; Belt and Road Initiative

For citation: Filatov O.A. The development of Forum Macao as a platform for cooperation between China and Portuguese-speaking states. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):76-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-76-82

ВВЕДЕНИЕ

Колониальное наследие Макао (Аомэня) оставило существенный след в его внутреннем развитии в качестве специального административного района (САР). В течение четверти века после воссоединения с Китаем Макао сохраняет особые черты, среди которых особо важно отметить собственное законодательство, основанное на европейском континентальном праве, установление упрощенных условий для ведения бизнеса, статус свободного порта с отдельным от материковой части Китая таможенным режимом, а также закрепленный в качестве одного из двух официальных языков португальский язык [1–3]. Логичным является тот факт, что в развиваемой единой агломерации района дельты реки Чжуцзян «Генеральным планом развития Большой бухты Гуандун-Гонконг-Макао» от 2019 г. за Аомэнем закреплена задача усиления значения как площадки для сотрудничества Китая и португалоговорящих стран мира¹.

Используя сложившуюся в полуколониальный период истории Китая специфику Макао, КНР предлагает сформировать собственный центр для многостороннего сотрудничества в современных реалиях². Глобальная инициатива «Пояс и путь», являясь примером стратегии, преодолевающей заложенный в колониализме европоцентризм, во многом основывается на значительном потенциале прилегающего к Южно-Китайскому морю района дельты Чжуцзян [4, 2]. Тем самым САР Макао вместе с САР Гонконг и провинцией Гуандун служат одним из центров формирования связей в новом миропорядке. В условиях подобной конфигурации португальское наследие Макао призвано способствовать выстраиванию более тесного сотрудничества со всеми государствами Лузофонии³. Учитывая тот факт, что, помимо Португалии (государства-члена ЕС), к числу португалоговорящих стран мира относятся Бразилия (государство — член МЕРКОСУР и БРИКС), Ангола, Гвинея-Бисау, Кабо-Вер-

де, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Экваториальная Гвинея (государства-члены Африканского союза) и Восточный Тимор (государство — наблюдатель АСЕАН), такая политика особо актуальна в стремлении к усилению роли Глобального Юга и построению многополярного мира.

СТАНОВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПЛАТФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И ПОРТУГАЛОГОВОРЯЩИХ СТРАН

Использование исторически сложившихся особенностей Аомэня послужило институциональному формированию платформы для организации сотрудничества КНР и стран Лузофонии. В 2003 г. создан Форум по экономическому и торговому сотрудничеству между Китаем и португалоговорящими странами, также называемый Форум Макао [5]⁴.

Долгое время платформа выполняла роль дискуссионного мероприятия. Однако с выдвижением инициативы «Один пояс — один путь» диалоговая площадка стала приобретать признаки международной организации. В настоящее время наравне с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Форумом сотрудничества Китай–Африка (FOCAC), Азиатско-Тихоокеанским экономическим сотрудничеством (АПЕС), Форумом сотрудничества Китая и арабских стран (CASC) и другими китайские источники отмечают Форум Макао как одну из важных площадок сотрудничества Китая и стран Глобального Юга, канал осуществления инициативы «Пояс и путь» [6]. Отечественные ученые также обращают внимание на ускорение и углубление интеграционных процессов кооперации среди новых полюсов силы, выражающихся в расширении форматов совместной работы в рамках как уже существующих институтов, так и создании дополнительных, более узких, площадок. В таком виде находит себя и Форум Макао, деятельность которого сконцентрирована на отдельном страновом участке глобальной инициативы «Пояс и путь» [7, с. 90]. При этом отличительной чертой

¹ URL: https://www.bayarea.gov.hk/filemanager/en/share/pdf/Outline_Development_Plan.pdf

² URL: <https://research.hktdc.com/en/article/NDMwNTY1MDQ0>

³ Общепринятое название территории распространения португальского языка.

⁴ URL: <https://www.forumchinapl.org.mo/en/about/Macao-Platform>

Форума Макао служит использование исторического колониального наследия одного из регионов КНР в качестве базиса международного взаимодействия. Однако в настоящее время данная площадка недостаточно изучена в научном сообществе.

С приходом на пост Председателя КНР Си Цзиньпина и выдвижением инициативы «Пояс и путь» в 2013 г. структура форума значительно расширилась: создано три центра взаимодействия по отдельным направлениям: центр коммерческих и торговых услуг для малых и средних предприятий (поддержка инвесторов из португалоговорящих стран на территории КНР и САР Макао и соответствующая работа в отношении китайского бизнеса в государствах Лузофонии); центр распределения продуктов пищевой промышленности (сотрудничество предприятий пищевой промышленности, организация маркетинга по продвижению национальных кухонь стран-участниц форума); центр конгрессов и выставок для торгового и экономического сотрудничества (поддержка организации мероприятий) [6]. В том же году начал работу единый Фонд сотрудничества и развития Китая и португалоговорящих стран, общий объем инвестиций которого к 2023 г. достиг 4 млрд долл. США⁵.

Дальнейший шаг — создание в 2015 г. сайта платформы, предоставляющего подробную информацию о совместных проектах КНР и стран Лузофонии⁶. В 2016 г. впервые за историю существования платформы состоялось подписание «Меморандума о взаимопонимании по развитию сотрудничества в сфере производства — Форум Макао» — официального основополагающего документа, регламентирующего общие рамки развития сотрудничества КНР и португалоговорящих стран⁷ и фактически ставшего первым шагом к формированию устава объединения стран в перспективе. В это же время была запущена Федерация предпринимателей Китая и португалоговорящих государств, позволяющая на институциональном уровне установить контакты между бизнесами⁸.

После вступления в 2017 г. Сан-Томе и Принсипи⁹ и Экваториальной Гвинеи в 2022 г.¹⁰ к его

участникам относятся все государства мира, где португальский язык имеет официальный статус, и Китай.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОРУМА МАКАО

Сегодня деятельность Форума координирует секретариат, формируемый по итогам проходящей каждые три года конференции министров Форума Макао. Помимо генерального секретаря введены посты трех заместителей, а также трех координаторов исполнительной работы, на которые выдвигаются по одному представителю от Китая, САР Макао и португалоговорящих стран. Также на постоянной основе функционируют представительства всех стран-участниц¹¹.

Сегодня деятельность Форума по экономическому и торговому сотрудничеству между Китаем и португалоговорящими странами охватывает три ключевых направления: экономическое, научно-образовательное и культурно-туристическое.

Анализируя взаимодействие стран-участниц платформы, можно отметить, что большинство инвестиционных проектов носят двусторонний характер. Кроме того, основным направлением развития стран служат инвестиции Китая в экономику и социальную сферу португалоговорящих партнеров. Наглядные примеры: финансирование Кабо-Верде в размере 26,3 млн евро на развитие сельского хозяйства, образования, энергетики¹²; выделение 1,5 млрд долл. на строительство социального жилья в Анголе¹³; организация профессиональной подготовки технического персонала, задействованного в агропромышленной сфере Сан-Томе и Принсипи¹⁴, и многое др. [2].

За исключением масштабных совместных проектов с Бразилией и Португалией, ввиду существенной разницы в уровнях экономического и социального развития стран-участниц сотрудничество в рамках Форума Макао во многом выражается и в односторонних инвестициях Китая, что позволяет укрепить не только финансовое, но и политическое присутствие Пекина. Таким образом реализуются достаточно традиционные задачи

⁵ URL: <https://www.forumchinaplp.org.mo/en/about/forum-introduction>

⁶ URL: https://www.platformchinaplp.mo/invest_search.php

⁷ URL: <https://www.forumchinaplp.org.mo/en/about/forum-introduction>

⁸ URL: <https://www.forumchinaplp.org.mo/en/about/forum-introduction>

⁹ URL: <https://macaonews.org/politics/sao-tome-and-principe-joins-forum-macau/>

¹⁰ URL: http://www.zlb.gov.cn/2022-04/10/c_1211635073.htm

¹¹ URL: <https://www.forumchinaplp.org.mo/en/about/forum-introduction>

¹² URL: https://www.forumchinaplp.org.mo/en/economic_trade/view/8591

¹³ URL: https://www.forumchinaplp.org.mo/en/economic_trade/view/8572

¹⁴ URL: https://www.forumchinaplp.org.mo/en/economic_trade/view/8545

стратегического усиления Поднебесной, которые прослеживаются в процессе развития инициативы «Пояс и путь», в инфраструктурных проектах и кредитовании в других странах мира [8].

В то же время за десятилетия работы форума получило развитие сотрудничество по научно-образовательному и культурно-туристическому направлениям. Однако «китаеццентричность» взаимодействия весьма заметна. С 2011 г. на территории Макао создан Центр профессиональной подготовки, занимающийся развитием компетенцией как по вопросам бизнеса, так и общественной работы [9, 10]. Осуществляется прием слушателей из всех португалоговорящих стран. Статистика, приведенная на официальном сайте, демонстрирует, что за более чем десятилетие функционирования данного канала в нем приняло участие почти 1,5 тыс. человек¹⁵. При этом наибольшее число слушателей прибывало из Кабо-Верде, Мозамбика и Португалии (более 250 человек из каждой страны). Показатели потоков из других стран либо незначительно превышают 100 человек, либо насчитывают несколько десятков человек. Данные цифры показывают непропорциональность вовлеченности государств Лузофонии в научно-образовательные обмены, низкую осведомленность и слабый интерес к подобной возможности. При этом данное направление взаимодействия на базе Форума Макао в настоящий момент ограничено деятельностью Центра профессиональной подготовки, что оставляет место для будущей более широкой работы. Несмотря на незначительные показатели развития данной работы, нельзя не отметить, что само существование практики привлечения кадров для обучения в Макао, на территории Китая, служит целям публичной дипломатии — влияния на зарубежную аудиторию и расширения глобальной сети связей.

Культурно-туристические обмены также институционально оформлены через отдельную площадку сотрудничества — «Недели культуры Китая и португалоязычных стран», созданные в 2008 г. и проводимые ежегодно с целью налаживания регулярного диалога между туристическими отраслями Китая и португалоязычных стран¹⁶. Мероприятия по обмену проходят в течение пяти дней, и каждый из этих дней посвящен культурному наследию стран Лузофонии и Китая, пред-

ставляя их разнообразие. Фестиваль объединяет культурные и творческие коллективы из девяти португалоязычных стран (регионов), включая Макао (Китай), Анголу, Бразилию, Кабо-Верде, Гвинею-Бисау, Экваториальную Гвинею, Мозамбик, Португалию, Сан-Томе и Принсипи и Восточный Тимор, представляя публике серию увлекательных программ: песни и танцы из Китая и португалоязычных стран, рынок изделий ручной работы, кулинарные мастер-классы, а также стенды с продукцией из португалоязычных стран и Макао. Гастротуризм выделен в отдельное направление, где гостям предлагают меню изысканных блюд, сочетающих в себе вкусы португалоязычных стран и Китая¹⁷.

Мероприятие также посвящено мультикультурной самобытности Аомэня и объединяет художников, певцов, танцоров из Макао, материковых провинций Китая и каждой из девяти португалоязычных стран¹⁸. Ежегодно в фестивале принимают участие около 40 экспонентов (музеи, отели, государственные учреждения). Таким образом, на фестивале представлены все страны-участницы Форума Макао.

Стоит упомянуть традиции, обычаи, песни, танцы, ремесла, выбираемые для представления Китая. Среди мероприятий, продемонстрированных в 2024 г., — мастер-класс по традиционной церемонии чаепития на ханьской кухне, изготовление фарфора ручной работы в Цзиндэчжэне, выступление Национального оркестра Радио Китая. Кроме того, для проведения дня кинопоказов отобраны фильмы: «Китайский белый дельфин» (“中华白海豚”) — о природе района дельты Чжуцзян и, в частности, о морских белых дельфинах; «Великий мост Гонконг-Чжухай-Макао» (“港珠澳大桥”), посвященный истории строительства самого большого моста в мире; «Шеф-повара кантонской кухни делятся опытом со всем миром» (“粵菜師傅 四海同享”) — кинохроника, подчеркивающая распространение кантонской кухни по всему миру и ее растущую популярность¹⁹. Китай использует культурно-туристическое взаимодействие на базе Форума Макао для продвижения своего национального бренда — применяя «мягкую силу».

¹⁷ URL: <https://semanacultural.forumchinaplp.org.mo/zh-hans/schedule/programa>

¹⁸ URL: <https://macaomagazine.net/forum-macao-faces-the-future/>

¹⁹ URL: <https://semanacultural.forumchinaplp.org.mo/zh-hans/schedule/programa>

¹⁵ URL: <https://www.forumchinaplp.org.mo/zh-hans/training>

¹⁶ URL: <https://semanacultural.forumchinaplp.org.mo/zh-hans/history>

ВЫВОДЫ

Сегодня Китай конвертирует колониальное наследие Макао в развитие связей со странами Лузофонии, поддерживает выстраивание институциональной основы для долгосрочного сотрудничества на базе Форума. По мере более активного проецирования глобальных устремлений КНР эта площадка активно развивается, имея возможности для поэтапной трансформации в полноценную международную организацию. При этом заметной чертой взаимодействия в рамках Форума Макао является его фактическая китаецентричность. Проекты в экономической, научно-образовательной и культурно-туристической сферах продвигают экономические, культурные и политические интересы Поднебесной, что позволяет не только связывать эволюцию Форума Макао (см. таблицу) с развитием инициативы «Пояс и путь», но и рассматривать работу по линии диалоговой площадки как часть глобальной стратегии КНР.

Сегодня китайские исследователи отмечают растущий потенциал Аомэня и его институциональной площадки сотрудничества со странами Лузофонии на фоне продвигаемой в последние годы экономической интеграции САР Макао, САР Гонконг и провинции Гуандун. Строительство трансграничной специальной экономической зоны в регионе, развитие новой логистической инфраструктуры способствуют постепенному снижению барьерности в районе реки Чжуцзян и фактически делают Макао одним из прямых проводников на рынок материкового Китая [11]. В таком случае тесное партнерство в рамках Форума Макао приобретает новое значение не только для португалоговорящих государств, но и многих других участвующих в «Поясе и пути» стран. При этом практическая реализация подобных позитивных ожиданий требует большего времени, а оценка полученных результатов — дальнейших исследований по обозначенной тематике.

Таблица / Table

**Институциональное преобразование Форума Макао /
Institutional transformation of the Macau Forum**

Год / Year	Событие / Event
2003	Создание Форума по экономическому и торговому сотрудничеству между Китаем и португалоговорящими странами (Форум Макао)
2004	Учреждение постоянного секретариата Форума Макао
2008	Запуск ежегодного фестиваля «Неделя культуры Китая и португалоязычных стран»
2011	Создание Центра профессиональной подготовки
2013	Образованы: • Фонд сотрудничества и развития Китая и португалоговорящих стран; • Центр коммерческих и торговых услуг для малых и средних предприятий; • Центр распределения продуктов пищевой промышленности; • Центр конгрессов и выставок для торгового и экономического сотрудничества
2015	Создание Портала информации о торгово-экономическом сотрудничестве и человеческих ресурсах Китая и португалоговорящих стран
2016	Принятие «Меморандума о взаимопонимании по развитию сотрудничества в сфере производства – Форум Макао»
2022	Официальное принятие в организацию последнего из португалоговорящих государств, не являвшихся членами

Источник / Source: Составлено автором / Compiled by the author.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках проекта № 25-00-05 («Национальные и региональные стратегии и институты кибербезопасности стран Восточной и Юго-Восточной Азии») Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared within the Project No. 25-00-05 (“National and International Cybersecurity Strategies and Institutions of East and Southeast Asian Countries”) of Program under the Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Costa C.M. et al. A Chinese Mission for Macao: To Build Bridges between China and the Portuguese-Speaking Countries. The Presence of China and the Chinese Diaspora in Portugal and Portuguese-Speaking Territories. 2021;19:109.
2. Marrafa P.A.C.S. The Chinese Discourse for Africa: The Importance of FOCAC and the Forum Macau on China's Regional Diplomacy. ISCTE, 2022.
3. Mendes C.A. Portugal, China and the Macau negotiations, 1986-1999. Hong Kong University Press; 2013.
4. Blaut J.M. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. Guilford Press, 2012. URL: <https://valeriaribeiroufabr.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/09/blaut-completo.pdf>
5. Zhang Jiang. Aomen zai dawanqu kuajing jinrong zhongxin jianshe zhong de jiyu [Macao's Opportunities in the Construction of a Cross-border Financial Center in the Greater Bay Area]. *Aomen yuekan* [Macao Monthly]. 2022; 309:31-34. (In Chinese).
6. Zhao Kejin, Cai Rui. Cong kaifa shi yuanzhu dao funeng shi yuanzhu [From Development Assistance to Empowerment Assistance]. *Tongji daxue xuebao (shehui kexue ban)* [Journal of Tongji University (Social Sciences Edition)]. 2024;35(2):23-35. (In Chinese).
7. Никипорец-Такигава Г.Ю., Ощепков Е.Р., Филатов О.А. и Хитева А.С. Национальные и региональные стратегии и институты кибербезопасности стран АСЕАН в контексте архитектуры кибербезопасности ЮВА. Проблемы информационной безопасности и их решение в странах Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона: коллективная монография. Институт востоковедения РАН. Москва: ИВ РАН; 2024:69-100. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1044081758.pdf>
8. Лю И., Авдокушин Е. Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 — Стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая. *Мир новой экономики*. 2019;13(1):67-76. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76
9. Wei Dan. Quanchihua shijie zhong de puyu guojia yu Zhongguo [Portuguese-speaking Countries and China in Globalized World]. *Shehui kexue wenxian chubanshe* [Social Science Literature Press]; 2014. (In Chinese).
10. Yu H. Cultural Exchanges between China and Portuguese-speaking Countries: Macao Platform. 2018 3rd International Conference on Modern Management, Education Technology, and Social Science (MMETSS 2018). Atlantis Press; 2018.
11. Jin Y., Yu J. The Construction Path of “Macao Platform” In the Context of “One Belt One Road”. 2nd International Conference on Financial Management. *Education and Social Science*. 2019. DOI: 10.1080/19388160.2022.2042449

REFERENCES

1. Costa C.M. et al. A Chinese Mission for Macao: To Build Bridges between China and the Portuguese-Speaking Countries. The Presence of China and the Chinese Diaspora in Portugal and Portuguese-Speaking Territories. 2021;19:109.
2. Marrafa P.A.C.S. The Chinese Discourse for Africa: The Importance of FOCAC and the Forum Macau on China's Regional Diplomacy. ISCTE, 2022.
3. Mendes C.A. Portugal, China and the Macau negotiations, 1986-1999. Hong Kong University Press; 2013.
4. Blaut J.M. The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. Guilford Press; 2012. URL: <https://valeriaribeiroufabr.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/09/blaut-completo.pdf>
5. Zhang Jiang. Aomen zai dawanqu kuajing jinrong zhongxin jianshe zhong de jiyu [Macao's Opportunities in the Construction of a Cross-border Financial Center in the Greater Bay Area]. *Aomen yuekan* [Macao Monthly]. 2022;309:31-34. (In Chinese).

6. Zhao Kejin, Cai Rui. Cong kaifa shi yuanzhu dao funeng shi yuanzhu [From Development Assistance to Empowerment Assistance]. *Tongji daxue xuebao (shehui kexue ban)* [Journal of Tongji University (Social Sciences Edition)]. 2024;35(2):23-35. (In Chinese).
7. Nikiporets-Takigawa G. Yu., Oschepkov Ye.R., Filatov O.A., Khiteva A.S. National and Regional Cybersecurity Strategies and Institutions of ASEAN Countries in the Context of the Southeast Asian Cybersecurity Architecture. Information Security Problems and Their Solution in the Countries of Southeast Asia and the South Pacific Region: A Collective Monograph. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2024:69-100. (In Russ.). URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1044081758.pdf>
8. Lyu I., Avdokushin E.F. The One Belt, One Road 2.0 Project — Strategy to Stimulate China's Global Expansion. *New Economy World*. 2019;13(1):67-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76
9. Wei Dan. Quanqiuhua shijie zhong de puyu guojia yu Zhongguo [Portuguese-speaking Countries and China in Globalized World]. *Shehui kexue wenxian chubanshe* [Social Science Literature Press]; 2014. (In Chinese).
10. Yu H. Cultural Exchanges between China and Portuguese-speaking Countries: Macao Platform. 2018 3rd International Conference on Modern Management, Education Technology, and Social Science (MMETSS 2018). Atlantis Press; 2018.
11. Jin Y., Yu J. The Construction Path of “Macao Platform” In the Context of “One Belt One Road”. *2nd International Conference on Financial Management, Education and Social Science*; 2019. DOI: 10.1080/19388160.2022.2042449

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Александрович Филатов — стажер-исследователь научно-учебной группы «АСЕАН+, БРИКС+, НАТО+: перспективы азиатской интеграции в новом мировом порядке», ассистент, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Oleg A. Filatov — Research Assistant of the Research and Study Group “ASEAN+, BRICS+, NATO+: Prospects for Asian Integration in the New World Order”, Assistant, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0004-9777-544X>
oafilatov@hse.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98
УДК 327.721.3+ 327.5(045)

Динамика приоритетов и геополитической конъюнктуры в системе национальных интересов России и Афганистана

Х. Рахматулла

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Установление движением «Талибан»* фактического контроля над территорией Афганистана в 2021 г. после вывода войск США определяет актуальность исследования проблематики внешней политики страны, от которой зависят ряд региональных и континентальных проектов, гарантии безопасности стратегически важного для Российской Федерации региона Центральной Азии. Рассматриваются предпосылки формирования национальных интересов Афганистана и Российской Федерации, их декларируемые приоритеты и реализация в рамках внешней политики. Исследование базируется на диалектическом подходе. При проведении исследования использованы системный, институциональный подходы и статистические методы — контент-анализа, качественного анализа тематических изданий, исторического исследования факторов и условий реализации внешней политики государств. В качестве источников информации использованы официальные документы, отражающие состав национальных интересов, заявления политических элит, публикации в периодических изданиях, данные систем национальных счетов, международных организаций. Полученные результаты констатируют сходства и различия в составе приоритетов внешней политики Российской Федерации и Афганистана в XXI в., стремление к суверенитету как базовый тренд проводимой странами политики. Показано, что для обеих стран стремление к суверенитету во внешней политике сопряжено с обострением противостояния с США и их странами-партнерами по военно-политическим и экономическим союзам. Проиллюстрированы различия в состоянии гарантий суверенитета между российской и афганской внешней политикой. Представлены аргументы в пользу безальтернативности апеллирования во внешней политике обеих стран к региональным и глобальным центрам силы для повышения своей легитимности, укрепления ресурсного потенциала и, в конечном счете, проведения независимой внутренней и внешней политики. Дальнейшие исследования выбранной проблематики во многом определяются накоплением эмпирических сведений о проводимой движением «Талибан» внешней политике, формальной декларации ее целей.

Ключевые слова: национальный интерес; суверенитет; гарантии суверенитета; геополитика; внешняя политика; Талибан; Центральная Азия; российско-афганские отношения

Для цитирования: Рахматулла Х. Динамика приоритетов и геополитической конъюнктуры в системе национальных интересов России и Афганистана. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):83-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98

ORIGINAL PAPER

Dynamics of Priorities and Geopolitical Situation in the System of National Interests of Russia and Afghanistan

H. Rahmatullah

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The establishment by the Taliban* of de facto control over the territory of Afghanistan in 2021 after the withdrawal of U.S. troops determines the relevance of the study on the foreign policy of the country, on which a number of regional and continental projects depend, guarantees of security of the strategically important for the Russian Federation region of Central Asia. The prerequisites for the formation of national interests of Afghanistan and the Russian Federation, their

* Признано в Российской Федерации террористической организацией / It is recognized as a terrorist organization in the Russian Federation.

declared priorities and implementation in the framework of foreign policy are considered. The study is based on a dialectical approach. The research used systematic, institutional approaches and statistical methods, methods of content analysis, qualitative analysis of thematic publications, methods of historical research of factors and conditions of implementation of foreign policy of states. Official documents reflecting the composition of national interests, statements of political elites, publications in periodicals, data of national accounts systems and international organizations were used as sources of information. The results obtained indicate similarities and differences in the composition of priorities of foreign policy of the Russian Federation and Afghanistan in the XXI century, the desire for sovereignty as the basic trend of the policy pursued by the countries. It is shown that for both countries the pursuit of sovereignty in foreign policy is associated with the aggravation of confrontation with the United States and its partner countries in military-political and economic alliances. The article illustrates the differences in the state of sovereignty guarantees between Russian and Afghan foreign policy. The author presents arguments in favor of the irreversibility of appealing to regional and global centers of power in the foreign policy of both countries in order to increase their legitimacy, strengthen their resource potential and, ultimately, conduct an independent domestic and foreign policy. Further research on the selected issues is mainly determined by the accumulation of empirical data on the Taliban's foreign policy and the formal declaration of its goals.

Keywords: national interest; sovereignty; sovereignty guarantees; geopolitics; foreign policy; Taliban; Central Asia; Russian-Afghan relations

For citation: Rahmatullah H. Dynamics of priorities and geopolitical situation in the system of national interests of Russia and Afghanistan. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):83-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-83-98

ВВЕДЕНИЕ

Первая четверть XXI в. демонстрирует высокую динамику в изменении геополитической конъюнктуры международных отношений, оказывая влияние на национальные интересы и приоритеты внешней политики государств. В 2000-е гг., в духе неолиберальной повестки, приоритетами внешней политики большинства стран являлись снижение барьеров в движении капитала всех форм, «мягкая сила», многовекторная интеграция, вопросы экологии. Военно-политический аспект международных отношений концентрировался на миротворческих операциях ООН и союзников по НАТО и «войне против терроризма» («war on terror») США. На рубеже 2010-х гг. наметились признаки конфликта в отношениях России и стран условного коллективного Запада на фоне тренда общественно-политических кризисов («цветных революций»), расширения НАТО и стремления российской стороны проводить суверенную внутреннюю и внешнюю политику. К середине 2010-х гг. силовые инструменты внешней политики утвердились в повестке международных отношений все большего количества стран, а к второй половине 2010-х гг. популярность получили и экономические санкции. В начало 2020-х гг. ведущие державы мира, глобальные и региональные центры силы, малые страны вошли в кардинально отличающихся от сравнительно недавних по историческим меркам условиям геополитической конъюнктуры. Сотрудничество в решении глобальных проблем уступило место военно-политическим конфликтам, экономическая интеграция дополнилась трендом регионализации, в научном и политическом дискурсе все активнее обсуждаются деглобализация, дедолларизация, противостояние стран глобального Юга и Севера.

В подобных условиях актуальным и значимым становится повышение информированности экспертного сообщества и субъектов политической деятельности о приоритетах проводимой страной внешней политики, в особенности стран, чья внешнеполитическая ориентация подверглась существенной трансформации. Одной из таких стран является Афганистан после вывода войск США и установления контроля над политическими институтами представителей движения «Талибан». Спустя четыре года после падения Исламской Республики Афганистан (ИРА) и провозглашения Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) властями страны не представлено комплексного документа, отражающего национальные интересы, видение основных угроз и приоритетов развития. Наблюдаемый пересмотр позиции Российской Федерации в отношении признаваемого террористической организацией «Талибана» указывает на ее готовность к коммуникации, взаимовыгодному сотрудничеству. Настоящая статья посвящена поиску точек соприкосновения, пересечения и конфронтации национальных интересов Российской Федерации и современного Афганистана.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование национальных интересов и внешней политики рассматриваемых стран как инструмента их реализации в международных отношениях опирается на концептуальный базис работ Ч. Бирда, Дж. Кеннана, У. Липпмана, Г. Моргентхау, Дж. Розенау, К. Уолтца, В. Уолфорта, А.Д. Селюкова, А.П. Цыганкова, представителей структурного реализма и Копенгагенской школы исследований безопасности (Б. Бузана, О. Вейвера, Дж. де Вайлда) и положения

конструктивизма. Обращение к структурному реализму позволяет интегрировать в логику исследования неразрывную взаимосвязь национального интереса и национальной безопасности, концепт силы, условие конкуренции национальных интересов государств как императив международных отношений. Национальный интерес при этом рассматривается как:

а) комбинация объективно значимых потребностей гражданского общества и суверенного государства (по М.В. Ильину);

б) побудительная сила [1, с. 12] в отношении субъектов международных отношений;

в) процесс интерпретации политическими элитами (политизации), отраженный в приоритетах внешней политики государства. Формальное отражение [2, с. 133], декларация национальных интересов в современных международных отношениях повышают уровень прозрачности позиций стран.

Национальный интерес, с одной стороны, отображает объективную данность и потому поддается рациональному осмыслению, с другой, его приоритеты во многом определяются логикой политических элит, обладающих властными полномочиями на территории государства, пользующихся определенной свободой выбора целей и задач (по Р. Арону). Автор статьи солидарен с позицией исследователей (Ж.Б. Дюрозель и др.), оспаривающих изолированно анализируемый объективный характер национального интереса, и придерживается мнения о неомаловажной роли политических элит государства как в процессах политизации национального интереса, так и в процессах его реализации.

Схожая позиция была заявлена и в одной из редакций Концепции национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой «национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции»¹. Предполагается, что интересы личности безальтернативно интегрированы в интересы общества, а последние не гарантированно тождественны интересам государства. Данный подход выходит за пределы логики политического реализма, в котором мотивация государства в международных отношениях зачастую сводится к «реалиям геополитики» [3, с. 443]. Как справедливо отмечает А.П. Цыганков, в спектре комбинаций интересов общества и го-

сударства возможны как ситуации эксплуатации понятия национального интереса «оторвавшимися от нужд общества правящими группировками» [3, с. 443], так и ситуации противоречий интересов общества с интересами государства на международной арене.

В случае продолжительного и деструктивного по своим последствиям конфликта интересов между гражданским обществом и государством, в котором обществом вполне может быть поставлена под сомнение легитимность контролирующих государственных институты политических элит, что в перспективе приведет либо к смене политических элит, либо к деградации политических институтов [2, с. 133] и структурным социально-экономическим кризисам при условии выбора политики подавления оппозиционных настроений. Подобная логика развития общественно-политической ситуации особенно показательна на примере Афганистана на протяжении последних 40 лет, когда один политический режим сменяется другим [4], а одной из причин столь стремительного продвижения «Талибана» в 2021 г. называлось отсутствие поддержки населением существовавшего политического режима. И, напротив, сравнительно высокий уровень лояльности населения Российской Федерации правительству страны позволил противостоять и общественно-политическим кризисам начала 2010-х гг., и беспрецедентному санкционному давлению с 2022 г. Отсюда можно вывести в качестве условия устойчивости государственного образования в долгосрочной перспективе сбалансированность интересов общества и государства в пределах, обеспечивающих защиту от внутривнутриполитических кризисов.

Детерминантами национального интереса автор статьи позиционируются:

1) объективные потребности общества в конкретном историческом и географическом планах, базирующиеся на «своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностях его экономического, политического и культурного развития» [5, с. 162];

2) комбинация субъективной оценки приоритетов развития государства политическими элитами и уровня суверенитета (в трактовке независимости);

3) геополитическая конъюнктура: возникшее в определенный момент времени положение в международных отношениях как отражение процессов реализации национальных интересов их участников, оказывающее влияние на внешнюю политику государства [6, с. 33].

¹ Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 12.05.2009 № 537). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/

Указанные детерминанты характеризуются вариативностью влияния на приоритеты национальных интересов. К примеру, объективные потребности общества как сумма потребностей личностей в безопасности, повышении качества жизни относительно статичны, не меняются со временем. С другой стороны, субъективная оценка политическими элитами приоритетов развития государства может кардинально изменяться в сравнительно сжатый временной интервал. Причинами здесь могут выступать: банальная смена политических элит, смена доминирующей идеологии, изменение геополитической обстановки (включая внешнее давление, кризисы, события формата «черный лебедь»).

Соотношение общественной и государственной компонент национального интереса является предметом научной дискуссии. Двумя полярными точками зрения называются либеральный (интерес личности как высшая ценность национального интереса) и консервативный (государственнический) подходы [7, с. 288]. Автор настоящей статьи придерживается позиции, согласно которой объективная либо субъективная (в том числе — сформированная под воздействием инструментов «мягкой силы») оценка обществом удовлетворенности базовых интересов выступает фактором легитимации внутренней и внешней политики, проводимой политическими элитами страны.

Условие суверенитета в проведении внешней политики в рамки исследования включается с целью учета отличительных черт внешней политики государств с низким уровнем суверенитета: страны-прокси как проводники национальных интересов и внешней политики государств-патронов; несостоявшиеся государства, политические институты которых не в состоянии обеспечить жизнеспособность страны в политическом, экономическом, социальном смыслах. Для цели настоящей статьи фактор суверенитета становится особенно значимым, учитывая неоднократный переход контроля над территорией Афганистана от одной группы политических элит к другой (от движения «Талибан» к переходной администрации в 2002 г., затем к президентской исламской республике в 2004 г., и вновь — к движению «Талибан» в 2022 г.) за сравнительно непродолжительный период первой четверти XXI в.

ОБСУЖДЕНИЕ

Приведенный подход к систематизации детерминант национальных интересов формирует исследовательские рамки настоящей работы, а также

позволяет сформулировать определяющие для выбранной проблематики вопросы:

- 1) в какой мере реализованы базовые потребности общества рассматриваемых стран как одна из детерминант национального интереса;
- 2) какую направленность имеют приоритеты правительств;
- 3) какое влияние на приоритеты национальных интересов оказывает меняющаяся геополитическая обстановка в XXI в.

Национальные интересы имеют прямое отношение к концептам суверенитета, территориальной целостности, принципу невмешательства во внутренние дела. Внешняя политика, в свою очередь, выступает инструментом реализации национальных интересов в системе международных отношений. Суверенитет определяет степень самостоятельности государств (в лице органов власти) проводить ту или иную внутреннюю и внешнюю политику.

Исследование динамики приоритетов внешней политики в системе национальных интересов Российской Федерации и Афганистана в XXI в. в настоящей работе осуществляется через оценку объективных предпосылок формирования общественного интереса, формально декларируемых государственных интересов и практической реализации внешней политики правительствами рассматриваемых стран. Оценка объективных предпосылок формирования общественного интереса опирается на анализ преимущественно количественных индикаторов качества жизни, состояния защищенности интересов продовольственной безопасности и защиты от насилия.

БАЗОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ОБЩЕСТВА

Отбор критериев и индикаторов объективных предпосылок формирования общественного интереса как базиса внешней политики Российской Федерации и Афганистана опирается на положения нормативно-правовых актов, а также на обзор литературы по соответствующей тематике. Так, Стратегия национальной безопасности США (National Security Strategy) выделяет среди жизненно важных национальных интересов безопасность, жизнеспособность нации. В аналогичных документах Российской Федерации интересы личности и общества вынесены в отдельные компоненты национального интереса, но лишь до 2009 г., после — они отмечаются в составе неклассифицированных национальных интересов. К интересам личности при этом отнесены «реализация конституционных прав и свобод, обеспечение личной безопасности, повышение качества и уровня

жизни»², к интересам общества — «упрочение демократии, создание правового, социального государства, достижение и поддержание общественного согласия»³. В актуальной версии определяющего для национальных интересов страны документа к личным и общественным интересам содержательно можно отнести «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан», «поддержание гражданского мира, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств»⁴.

В качестве синтетических *показателей, отражающих компоненту личной безопасности*, в анализ включены: индикаторы продовольственной безопасности (доступ к питьевой воде и угроза голода), личной безопасности (смертность населения от травм всех типов). В качестве синтетических *показателей, отражающих компоненту качества и уровня жизни*, принимаются: валовой внутренний продукт, рассчитанный по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и младенческая смертность. Информационную базу проводимого анализа составляют данные Статистической службы Всемирного банка⁵, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO)⁶, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В качестве референтных значений принимаются в случае наличия среднемировые показатели и показатели наиболее развитой в социально-экономическом смысле группы стран (принимается по странам-членам Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР, OECD). Полученные результаты анализа приведены в табл. 1.

Данные, приведенные в таблице, отображают существенные диспропорции в уровне удовлетворения базовых потребностей личности и общества между Российской Федерацией и Афганистаном. В первом случае наблюдается сравнительно высокий уровень удовлетворения базовых потребностей в питании, питьевой воде, высокий относительно

среднемировых значений уровень ВВП по ППС на душу населения. Во втором — прослеживаются признаки структурного гуманитарного кризиса, неудовлетворенности базовых потребностей общества.

Существенно более значима для внутренней и внешней политики Афганистана проблема обеспечения безопасности гражданского населения, энергетической безопасности (почти 40% потребляемой электроэнергии поступает из Узбекистана [8, с. 324]). В итоге общественные группы как носители национальных интересов сравнительно более чувствительны к рискам дальнейшего снижения качества жизни, что определяет неустойчивость политических элит (их легитимности и в отношении контроля над государственными институтами, и в отношении выражения национальных интересов).

В Российской Федерации гражданское общество менее чувствительно к рискам в отношении качества и уровня жизни, государство в свою очередь получает большие возможности в отношении проведения независимой внешней политики. Как следствие, для российской конъюнктуры национальных интересов характерен изначально сравнительно более высокий уровень легитимности политических элит в вопросах разработки и реализации внешней политики. Безусловно, падение курса национальной валюты в 2015 г., высокая инфляция, падение уровня жизни, угрозы безопасности инфраструктуре и информационное давление сыграли свою роль в общественно-политических отношениях и настроениях общества. В то же время уровень поддержки правительства остается сравнительно высоким и в 2025 г.

В случае Афганистана объективные параметры социально-экономического развития указывают на приоритет внутренней политики (безопасность, защита от террористических угроз), во внешней — направленность на поиск источников снижения гуманитарных рисков при сохранении суверенитета. В итоге для политических элит Афганистана безальтернативным является поиск государств или международных правительственных организаций (МПО), которые примут на себя часть функций в сфере решения проблем продовольственной безопасности, военно-политической безопасности. Этот довод подтверждается и данными международных организаций, и параметрами отраслевой структуры экономики. Иностранная помощь в отдельные периоды XXI в. превышала 75% государственных расходов страны⁷, в том числе — по линии учреж-

² Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 12.05.2009 № 537). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/

³ Там же.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁵ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>

⁶ URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data>

⁷ URL: <https://crisisresponse.iom.int/response/afghanistan-and-neighbouring-countries-crisis-response-plan-2024>

Таблица 1/ Table 1

**Индикаторы удовлетворения базовых потребностей личности и общества РФ и Афганистана /
Indicators of satisfaction of basic needs of the individual and society of the Russian Federation of Afghanistan**

Год/Year	Российская Федерация / Russian Federation	Афганистан / Afghanistan	Референт / The referent	
			ОЭСР/OECD	Среднемировое / Global average
Доля смертности от травм всех типов (Cause of death, by injury) в оценках ВОЗ,% от числа смертей за период				
2000	12,59	8,18	6,71	8,55
2010	9,43	11,03	6,35	8,86
2020	6,79	17,29	5,92	7,96
2023	—	—	—	—
Распространенность недоедания (среднее значение за 3 года) в оценках FAO,%				
2000	4,1	46,0	н/д	13,0
2010	Менее 2,5	18,3	н/д	8,3
2020	Менее 2,5	29,4	н/д	8,9
2023	Менее 2,5	30,4	н/д	9,1
Процент населения, пользующегося качественной питьевой водой в оценках FAO,%				
2000	75,0	11,0	н/д	61,0
2010	75,0	19,0	н/д	66,0
2020	76,0	28,0	н/д	72,0
2023	76,0	30,0	н/д	73,0
Потребление продуктов питания (ккал/чел./день) в оценках FAO (норма ВОЗ 2500 ккал.)				
2000	2877	1790	н/д	2727
2010	3297	2208	н/д	2832
2020	3367	2266	н/д	2957
2023	3454	2243	н/д	2985
ВВП на душу населения по ППС (в долл. США / чел.)				
2000	6 825,4	813,6	24 685,4	7 994,72
2010	20 490,1	1 765,5	34 584,4	12 852,08
2020	31 490,8	2 562,0	46 412,7	17 725,78
2023	44 120,1	2 211,3	59 491,1	23 033,87
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)				
2000	65,48	55,30	76,91	67,67
2010	68,84	60,85	79,09	70,62
2020	71,34	62,58	78,90	72,20
2023	72,55	62,88	79,63	71,95
Младенческая смертность (чел. / 1000 чел. населения)				
2000	15,50	92,00	11,27	53,00
2010	8,40	64,60	7,60	37,30
2020	4,40	47,40	5,85	29,10
2023	3,80	44,80	5,52	27,90

Источник/ Source: составлено автором по материалам статистической службы Всемирного банка, ООН (FAO), ВОЗ. / Compiled by the author based on the materials of the Statistical Service of the World Bank, the United Nations (FAO), WHO.

денного в 2014 г. Afghanistan Humanitarian Fund (АНФ) под эгидой Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (ОСНА).

Роль социальных групп в определении национальных интересов и проводимой внешней политике стран существенно варьируется. Для современной Российской Федерации, во многом благодаря проводимой политике национального единства и запросу от значимой части населения на укрепление геополитической роли, характерна сравнительно низкая политическая конкуренция. В свою очередь, для современного ИЭА характерна высокая внутривнутриполитическая конкуренция, запрос различных этнических групп на представленность своих интересов, в том числе при взаимодействии с внешними ресурсами. Немаловажную роль в сложившейся ситуации играет наследие проводимой в период ИРА политики конституционных преобразований: с 2003 г. в основу построения высшего уровня власти положен принцип «инклюзивного правительства» [9, с. 162], пропорционального распределения обязанностей между представителями разных этносов, где «Президент ИРА — пуштун, первый вице-президент — таджик, второй вице-президент — хазарец-шиит» [10, с. 381]. В итоге «политическая элита Афганистана испытывает давление со стороны как других государств, так и вооруженной оппозиции» [9, с. 162].

Охарактеризуем далее субъективную компоненту национальных интересов стран в форме декларируемых политическими элитами подходов к внешней политике.

ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В случае с Российской Федерацией решение данной задачи тривиально и опирается на контент-анализ положений Стратегий национальной безопасности (СНБ) и Концепции внешней политики (КВП). Иная ситуация с оценкой приоритетов внешней политики, определяемых политическими элитами Афганистана. В литературе принято выделять в качестве признаков национального интереса отражение ими ключевых потребностей общества и государства; определение ими политической, социально-экономической, духовно-нравственной организации общества; юридическое закрепление в нормативных правовых документах [2, с. 135].

Условие юридического закрепления национальных интересов государства в нормативно-правовых актах как критерий проводимого анализа соблюдается для Российской Федерации, но не соблюдается для Афганистана. Во-первых, международными

организациями, и прежде всего ООН, «Талибан» определяется как фактические власти (*de-facto authorities*) при сохранении статуса террористической организации в ряде юрисдикций. Другими словами, легитимность «Талибана» в вопросах политизации национального интереса может быть оспорена с точки зрения международного права. Во-вторых, ни движением «Талибан», ни предыдущими политическими элитами страны не принят какой-либо нормативно-правовой акт, претендующий на систематизацию национальных интересов. По этой причине проявления субъективных интересов политических элит страны оцениваются по декларируемым целям и фактическим действиям во внешней политике.

Проявлением результатов политизации национального интереса Российской Федерации можно считать серию документов, содержательно направленных на фиксацию национальных интересов, целей развития государства — Стратегий (до 2000 г. Концепций) национальной безопасности 2000, 2009, 2015, 2021 гг. Именно указанные документы (а не, к примеру, Указы Президента Российской Федерации о национальных целях развития⁸) прямо адресованы к национальному интересу. По хронологии подготовки обновленных редакций Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (табл. 2) несложно проследить сдвиги во внешней политике и приоритетах национальных интересов: от интеграции в существующие глобальные структуры (в которых фактически доминировали США) в 2000-х гг. и исключения «затратной» конфронтации к независимой политике, направленной на защиту собственных интересов.

Первое десятилетие XXI в. для Российской Федерации характеризовалось высокими темпами экономического роста после деструктивных последствий кризиса «переходной экономики», подавления сепаратизма и экстремистской угрозы. Как следствие, направленность национальных интересов преимущественно внутрь страны. В силу своих масштабов, природно-географического положения, военно-политического потенциала Российская Федерация безальтернативно вовлекалась в политические, экономические связи. Базой этой интеграции в первое десятилетие XXI в. выступали сформированные в последней четверти XX в. структуры, в которых изначально было сильно влияние

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/

Таблица 2 / Table 2

Формат внешней политики Российской Федерации согласно действующим редакциям Стратегии национальной безопасности / Format of the Foreign Policy of the Russian Federation according to the current editions of the National Security Strategy

Редакция документа (год) / Revision of the doc. (year)	Формат внешней политики / The format of foreign policy
2000	Активный внешнеполитический курс (формально не обозначен) с опорой на механизмы многостороннего управления мировыми политическими и экономическими процессами (в том числе Совет Безопасности ООН, участие страны в глобальных и региональных структурах) в направлении обеспечения благоприятных условий для экономического и социального развития, сохранения глобальной и региональной стабильности ^а
2009	Рациональная и прагматичная, исключающая затратную конфронтацию, в том числе и новую гонку вооружений ^б
2015	Открытая, рациональная и прагматичная, исключающая затратную конфронтацию, в том числе новую гонку вооружений ^с
2021	Последовательная, независимая, многовекторная, открытая, предсказуемая и прагматичная, направленная на защиту своих национальных интересов и укрепление международной безопасности ^д

Источник / Source: Составлено автором / Compiled by the author.

Примечание / Note: а — Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 12.05.2009 № 537). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/; б — Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/; с — Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en?years=2023>; д — Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

стран США, Европейского союза. Одной из причин подобной динамики приоритетов выступало унаследованное от СССР членство в ООН и входящих в нее структурах, другой — лояльная позиция российских политических элит к процессам глобализации. Подтверждением готовности к интеграции можно считать присоединение к переговорным процессам G7 (с принятием России в 1997 г. стала G8 и действовала в таком формате до 2014 г.), переговоры о присоединении России к НАТО (с 1994 г. Россия — член программы «Партнерство ради мира», в 1997 г. создается Совместный постоянный совет (СПС) встреч НАТО+1 с участием России, с 2002 г. — Совет Россия — НАТО), курс на присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО), несмотря на обоснованную критику со стороны экспертного сообщества и представителей реального сектора экономики. В военно-политическом смысле одним из приоритетов внешней политики страны сохраняется защита границ и обеспечение стабильности в Центральной Азии. Этот приоритет находит свое

выражение в учрежденных в 1992 г. Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в 2001 г. Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

Расширение НАТО на Восток в 2004 г., вопреки дипломатическим усилиям российской стороны, череда «цветных революций» в зонах стратегического интереса Российской Федерации, российско-грузинский конфликт 2008 г. — прямое отражение изменяющейся геополитической конъюнктуры, проводимой российской стороной внешней политики.

Качественные изменения в проводимой внешней политике произошли на рубеже 2010 г., когда «мягкая сила» в отношении внутривосточной обстановки в стране привела к массовым протестам (протесты 2011–2013 гг.). Сыграл свою роль и экономический фактор: десятилетия роста экономики 2000-х гг. существенно расширили бюджетные возможности российского правительства, повысили качество жизни населения.

Тренд на повышение значимости суверенитета в вопросах внешней политики Российской Федерации прослеживается по частоте упоминания данного термина в редакциях Стратегий национальной безопасности. Анализ текста Стратегий (Концепций) позволил выявить следующую динамику: в документе 1997 г. суверенитет упоминается 5 раз, в документе 2000 г. — 5, в документе 2009 г. — 10, в документе 2015 г. — 9, в документе 2021 г. — 18 раз. Параллельно с этим трендом наблюдается рост значимости многостороннего подхода во внешней политике Российской Федерации (от 2-х упоминаний в документах 1997 и 2000 гг., к 5–7 упоминаниям в последующих документах), но пиком интереса к многосторонности предложенный подход к анализу содержания стратегических документов позволяет считать 2009–2014 гг. (период действия Стратегии, утвержденной Указом Президента РФ (Д. Медведева) от 12.05.2009 № 537).

Комбинация укрепления экономического суверенитета, нежелания лишиться своего изначального смысла блока НАТО отвечать на курс сближения с Российской Федерацией, неготовности политических элит игнорировать направленные на смену руководства страны воздействия приводят к качественным изменениям национальных интересов и проводимой внешней политики. Восстановление своего влияния в региональном формате российской стороной проявляется в учреждении Таможенного союза (2011 г.), в глобальном формате — создании переговорной площадки с Китаем, Индией, Бразилией в рамках БРИКС. Участие в БРИКС изначально позиционировалось руководством страны как инструмент обеспечения «более справедливого, стабильного»⁹ характера международной валютно-финансовой системы, проведения реальной равноправной многовекторной политики. Документ о БРИКС наглядно иллюстрирует приоритеты, которые определили всю последующую внешнюю политику Российской Федерации вплоть до 2025 г. и определяют ее в настоящее время: справедливость (включая пропорциональное участие в структурах глобального управления), суверенитет (включая информационный), стабильность (в том числе — зон стратегического контроля), позиционирование страны как субъекта глобальной значимости.

Приведенная информация позволяет выявить наиболее значимые изменения во внешней полити-

ке и приоритетах национальных интересов Российской Федерации и, в целом, широко представлена в научном дискурсе. Охарактеризуем далее менее освещенную компоненту субъективной позиции политических элит Афганистана.

ИНТЕРЕСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ АФГАНИСТАНА

Рассматриваемый период XXI в. для внутривнутриполитических процессов страны целесообразно разделить на следующие этапы по признаку контроля над политическими институтами страны.

Первый этап. 1996 до 2001 гг. — политическое руководство страны составляют представители движения «Талибан» (образовано в конце 1980-х гг. на фоне краха политических структур после вывода советских войск [9, с. 165]). Сравнительно молодая политическая сила вступила в конкуренцию с военизированными группировками за представительство интересов гражданского общества. В руководстве «Талибана» присутствовали ветераны войны против правительства страны и ограниченного контингента советских войск, в составе конкурирующих военизированных групп значимую роль играли созданные и финансируемые при участии ЦРУ США [11]. Эти базирующиеся в Пакистане исламские группировки имели связи с внешним миром, в частности с Саудовской Аравией и другими мусульманскими странами, получили общественную поддержку благодаря своим призывам к исламскому единству и джихаду. США и Пакистан отказывались оказывать помощь любой независимой группе, воюющей на территории Афганистана.

В свою очередь, движение «Талибан», преимущественно состоящее из пуштунов, стремилось создать в границах Афганистана государство, основанное на законах шариата. Поддерживаемые США и Пакистаном военизированные группировки провозгласили в 1992 г. Исламское Государство Афганистан (ИГА) [12]. Опираясь на революционные идеи и ислам суннитского толка, «Талибан» получил достаточную для расширения сферы своей деятельности поддержку населения. К 1996 г. сопротивление прежних политических элит «Талибаном» сломлено, подконтрольные территории провозглашены Исламским эмиратом Афганистан (ИЭА). Легитимность нового правительства признали преимущественно региональные страны (Пакистан, Саудовская Аравия, ОАЭ), для подавляющего большинства международного сообщества «Талибан» — террористическая организация. Как следствие, пространство проводимой внешней политики Афганистана было сужено.

⁹ Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (2013). Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf>

Второй этап. В период 2001–2021 гг. контролирующие территорию государства политические элиты позиционировали интеграцию с США основным вектором внешней политики. Установившееся после поражения движения «Талибан» афганское правительство оказалось в структурной зависимости от США и международного сообщества как в вопросах обеспечения безопасности, так и в гуманитарной сфере.

Боннское соглашение, подписанное 5 декабря 2001 г., предусматривало план создания «инклюзивного правительства», развитие социальной инфраструктуры, логистики, осуществлялось под эгидой ООН и США. Суммарно за 2001–2021 гг. по линии USAID США направили в Афганистан свыше 120 млрд долл. (в отдельные периоды распорядителем свыше 70% от этой суммы выступало американское Министерство обороны). В исследовательской литературе достаточно широко представлена позиция, что продвижение политических структур западного образца игнорировало исторические и социальные предпосылки Афганистана [13]. В 2005 г. США и Афганистан подписали соглашение о стратегическом партнерстве, обязывающее обе страны к долгосрочным отношениям.

В данный период внешнеполитическое присутствие Афганистана характеризуется признанием международного сообщества (что можно подтвердить открытием дипломатических представительств), но фактически пассивной внешней политикой. Процесс вывода военных сил США растянулся более чем на десятилетие и стал проблемой администраций трех президентов — Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена. В феврале 2020 г. правительство Д. Трампа и афганские талибы заключили мирное соглашение. США объявили об освобождении 5 тыс. заключенных талибов и установили конкретную дату — 1 мая 2021 года — для полного вывода своих войск из Афганистана [14]. Однако этот вывод, первоначально запланированный на 1 мая 2021 г., отложен президентом Дж. Байденом. Администрация Байдена реализовывала стратегию вывода войск к 31 августа 2021 г., несмотря на невыполнение талибами условий соглашения [15]. Афганское национальное правительство, созданное под контролем США, распалось до официального срока, установленного президентом Байденом. 15 августа 2021 г. столица Афганистана, Кабул, была захвачена афганскими талибами силой.

Третий этап. Приход к власти в 2021 г. «Талибана» привел к кардинальному переформатированию внешней политики Афганистана. На возвращение контроля над политическими институтами и территорией страны к «Талибану» международное сообщество отреагировало сокращением помощи развитию

и заморозкой резервов Центрального банка Афганистана со стороны Казначейства США. Со своей стороны, современное правительство талибов отмежевывается от достаточно негативного на международной арене имиджа «Талибан» начала 2000-х гг., заявляет «об умеренности в выражении политических позиций, снижении фактора исламского радикализма и религиозной нетерпимости» [9, с. 168].

Геополитическая обстановка в регионе в начале XXI в. характеризовалась пониженным интересом ведущих сил: США свое внимание сконцентрировали на Восточной Европе, Северной Африке и Юго-Восточной Азии, позиционируя Афганистан как «неудавшееся государство, обремененное значительными проблемами гуманитарного характера» [12, с. 33].

«ТАЛИБАН». ПОИСК УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Китай и Россия концентрировались на внутренней политике. Неразрывный характер экономики и политики для «Талибана» начала XXI в. проявлялся в поисках устойчивой модели экономического развития. Разрушенная войной экономика, высокая демографическая нагрузка, конкуренция политических сил не способствовали росту уровня жизни населения. Во внешней политике этот приоритет проявлялся в проекте прокладки нефте- и газопроводов из Туркмении через территорию Афганистана до южных портов Пакистана (ТАПИ). Международная изоляция и нестабильная обстановка не позволили «Талибану» реализовать ни этот проект, ни проекты привлечения международных инвестиций в разработку месторождений природных ресурсов на территории страны [16, с. 104]. Решением экономической базы деятельности «Талибана» на рубеже 2000 г. стало производство наркотиков, страна стала мировым центром производства опиума.

Правительство США рассматривало «Талибан» как источник стабильности в Центральной Азии, позволяющий построить нефтепровод ТАПИ (сфера прямых интересов США), но практической реализации этот проект не нашел. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк и Вашингтон кардинально изменили геополитическую обстановку вокруг Афганистана. «Талибан» отказался выдать обвиняемого в террористических атаках предводителя запрещенного в России движения «Аль-Каида» У. бен Ладена [9, с. 165], США пересмотрели свою политику в отношении Афганистана и начали войну против терроризма («war on terror»).

О значимости Афганистана в системе внешней политики США можно судить по визитам в Афга-

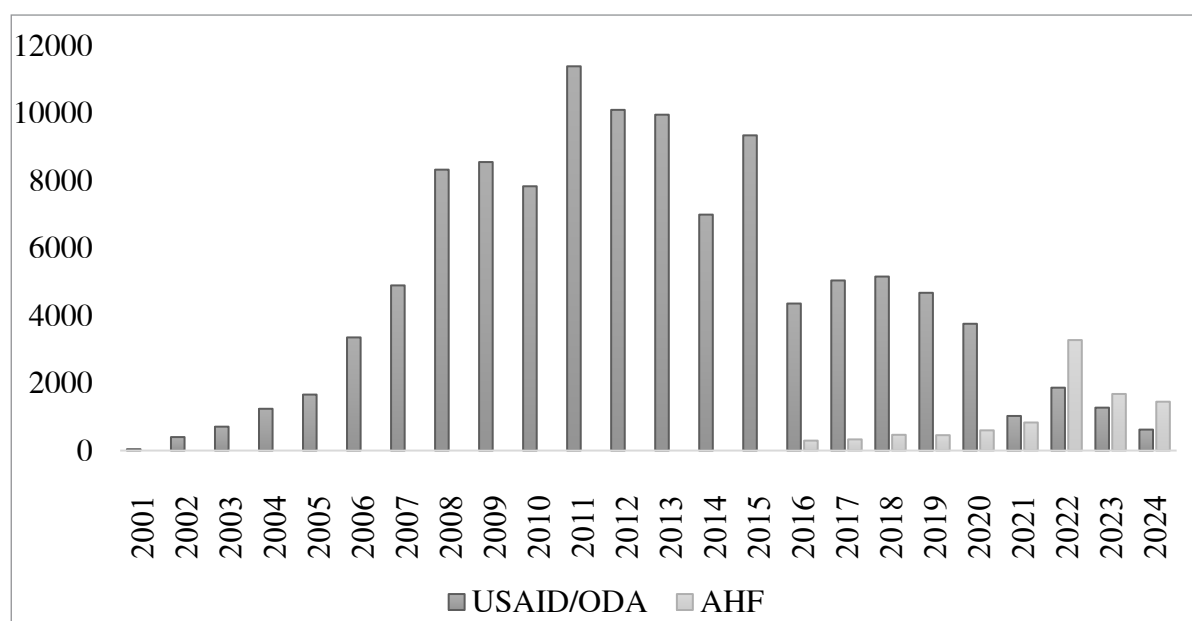

Рис. / Fig. Объем финансовой помощи, предоставленной Афганистану по линии USAID / ODA и AHF, млн долл. США / Volume of USAID / ODA / AHF financial assistance provided to Afghanistan by the United States, million USD

Источник / Source: Составлено автором по U.S. Foreign Assistance by Country, Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024 / Compiled by the author from U.S. Foreign Assistance by Country, Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024.

нистан президентов США (Дж. Буш мл. в 2006 г., Б. Обама в 2012 г.), а также по тому факту, что вплоть до 2021 г. именно Афганистан лидировал среди направлений внешней финансовой помощи по линии USAID¹⁰ (см. рисунок). Период 2011–2021 гг. во внутренней и внешней политике Афганистана как страны со структурной зависимостью от внешней помощи характеризуется существенным снижением интереса США. С военной точки зрения задача операции США и союзных сил в Афганистане по свержению «Талибана» выполнена. Финансовая помощь США Афганистану достигла в 2011 г. своего пика в 11 млрд долл.

Примечательно, что именно в 2011 г. (2 мая 2011 г.) в результате операции военного контингента США на территории Пакистана был убит У. бен Ладен — лидер террористической организации «Аль-Каида», на которую была возложена ответственность за теракты 11 сентября 2001 г. Внешняя политика Афганистана в период до вывода иностранных войск в 2021 г. лежала в фарватере внешней политики США и Пакистана. Администрацией Б. Обамы принимается решение о пересмотре значимости «афганского вопроса»,

демократизации страны, принимается решение о поэтапном выводе войск [17, с. 47]. Как отмечали политические элиты соседнего Пакистана, США не имели последовательной цели своей внешней политики в Афганистане (из интервью премьер-министра Пакистана И. Хана¹¹. В этом контексте нарастание предпосылок внутривнутриполитического кризиса на фоне снижения поступающей помощи и сохранения гуманитарных проблем Афганистана видится закономерным.

В вопросах внешней политики современный «Талибан» конфликтует с признанным террористическим Российской Федерацией и подавляющим большинством стран мира «Исламским государством», выдвигает инициативы по легитимации на международной арене, включая:

- гарантии безопасности приграничных территорий соседних стран;
- запрет на выращивание любых растений, из которых производятся наркотические вещества;
- погашение задолженности за поставки электроэнергии в отношении соседних стран (включая долги Исламской Республики Афганистан);
- заявление в 2023 г. о начале выплат по государственной задолженности [18, с. 306].

¹⁰ U.S. Foreign Assistance by Country. Foreign Assistance. URL: <https://foreignassistance.gov/cd/afghanistan/2023/obligations/0>; Afghanistan Humanitarian Needs and Response Plan 2024. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (ООН). URL: <https://fts.unocha.org/plans/1185/summary>

¹¹ Americans never clear on what they're trying to achieve in Afghanistan: Imran. Nagaland Post. URL: <https://nagalandpost.com/index.php/2022/02/11/americans-never-clear-on-what-theyre-trying-to-achieve-in-afghanistan-imran>

Немаловажную роль играет позиция соседних стран, часть из которых заинтересована в сохранении нестабильной обстановки во внутривнутриполитической сфере страны, в том числе — в целях логистики наркотических средств, ослабления политических позиций конкурирующих держав, поддержания очага угроз в регионе. Турция, Иран, Китай и Россия активизировали свою политику в отношении Афганистана [19, 20], что открыло для политических элит страны возможности проведения многовекторной внешней политики.

Современное правительство Афганистана, в отличие от высших органов государственной власти Российской Федерации и ряда других стран, не сформулировало единого и всеобъемлющего документа, содержащего видение национальных интересов, систематизации угроз им, целей и задач реализации интересов. Тем не менее по фактическим результатам внешней политики представителей движения «Талибан» можно проследить состав ее ключевых приоритетов.

Внешняя политика движения «Талибан» после установления контроля над основной территорией Афганистана к 2022 г. среди своих основных приоритетов определила:

- утверждение легитимности через пересмотр своего статуса у региональных и глобальных политических акторов, международное признание [21, с. 166]. К началу 2025 г. «Талибану» удалось добиться существенных успехов в этом направлении внешней политики: в 2023 г. «Талибан» исключается из списка террористических организаций Казахстана, в 2024 г. — Кыргызстаном, российская сторона принимает официальные делегации «Талибана», а в декабре 2024 г. Госдумой Российской Федерации принят закон¹², создающий условия «о приостановлении запрета деятельности Движения талибов, включенного в единый федеральный список организаций..., признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими»¹³;

- привлечение в страну финансовой помощи по линии международных организаций и стран — конкурентов США (прежде всего Китая, который оказывал поддержку стране в 2010-е гг., Российской Федерации как одной из значимых военно-политических сил континента);

- развитие регионального сотрудничества на базе своего геополитического значения, замыкание на территорию страны потоков капитала на принципах многовекторной политики (разморозка проекта ТАПИ)¹⁴, интеграция в проект «Один пояс — один путь» Китая;

- сотрудничество с МПО и соседними странами (прежде всего Ираном и Пакистаном) в вопросах миграционной политики. По состоянию на 2024 г. Афганистан входил в число четырех стран, на которые приходится 65% от всей численности беженцев¹⁵, на протяжении шести последних лет Афганистан является второй по значимости страной происхождения мигрантов на территории Европейского союза;

подавление не лояльных «Талибану» военных сил на территории Афганистана в интересах России, США, Пакистана, стран Центральной Азии, Китая. Прежде всего речь идет о конфронтации со связанной с «Исламским государством» структурой «Islamic State-Khorasan Province» (IS-KP)¹⁶, с которой движение «Талибан» находится в военном противостоянии. В пресечении деятельности IS-KP заинтересованы правительства Ирана, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана¹⁷. Практические действия самого «Талибана» косвенно указывают на готовность принять на себя обязательства по обеспечению безопасности граничащих стран от угрозы IS-KP [31]. Другой силой, в подавлении которой заинтересованы соседние страны (преимущественно Индия и Пакистан), выступает группировка «Tehrik-e Taliban Pakistan» (ТТП), в отношении которой «Талибан» проводит более сдержанную политику.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ динамики приоритетов и геополитической конъюнктуры внешней политики в системе национальных интересов Российской

¹⁴ Власти Афганистана решили выкупить землю под проект газопровода ТАПИ. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/926301>

¹⁵ United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics>

¹⁶ Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

¹⁷ Bacon T. The Islamic State in Khorasan Province: Exploiting a Counterterrorism Gap. Center for Strategic & International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/islamic-state-khorasan-province-exploiting-counterterrorism-gap>; The Taliban's Neighbourhood: Regional Diplomacy with Afghanistan. Crisis Group. URL: <https://www.csis.org/analysis/islamic-state-khorasan-province-exploiting-counterterrorism-gap>

¹² Федеральный закон от 28.12.2024 № 513-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/411232397/paragraph/1:0>

¹³ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2009744/

Федерации и Афганистана в XXI в. позволяет прийти к следующим основным выводам.

1. Основные потребности населяющего территории Российской Федерации и Афганистана населения как базис политизации национальных интересов едины: безопасность (включая продовольственную, общественную), повышение качества жизни. Аналогичным образом един базовый национальный интерес государственного образования — самовоспроизводство государства во времени. Но социально-экономический потенциал их реализации с опорой на национальный социально-экономический потенциал существенно различаются: если российская экономика способна обеспечивать и базовые блага, доступ к питанию, пресной воде, энергии вкупе с положительным сальдо внешней торговли, то афганская экономика структурно зависит от внешних вливаний капитала, импорта продовольствия.

Этим определяются встроенные в общественно-политические отношения Афганистана предпосылки кризиса, снятие которых безальтернативно требует у политических элит страны проведения внешней политики, предполагающей доступ к международной гуманитарной помощи, инвестициям. В качестве подтверждающего этот довод факта в работе приводятся объемы финансовой помощи правительствам Афганистана как в период Исламской Республики Афганистан (ИРА), так и после установления де-факто власти движения «Талибан».

2. Государственные интересы в системе национальных интересов (обретение государственности, утверждение за политическими элитами и государственными структурами статуса института, выражающего национальные интересы, в том числе — во взаимоотношениях с государственными и негосударственными акторами) для обеих стран предполагают признание на уровне международного сообщества. Статусы политических элит Российской Федерации и Афганистана в системе международных отношений варьируются: если политические элиты Российской Федерации, даже в современных условиях глобальной конфронтации, признаются в качестве законного правительства государства, их властные полномочия не оспариваются, то движение «Талибан» как фактически контролирующее политические институты страны не имеет аналогичного статуса (ООН и ряд международных организаций использует термин «де-факто правительство»). В работе продемонстрировано изменение геополитической конъюнктуры реализации данного интереса для Афганистана: от статуса

основного союзника США, не входящего в НАТО, в период ИРА к статусу государства-наблюдателя в ШОС после падения Республики.

3. В вопросах суверенитета во внутренней и внешней политике как проявления национальных интересов позиции стран в XXI в. существенно различаются, хотя общий тренд схож. В начале XXI в. и Российская Федерация, и Афганистан демонстрировали дрейф в сторону интеграции в международные отношения, приоритета вопросов социально-экономического развития над вопросами суверенитета. Ситуация кардинально меняется для Российской Федерации в начале 2010-х гг. на фоне развития оппозиционных движений, явного вмешательства внешних сил, направленных на смещение действующих политических элит.

Императивом формирования и реализации внешней политики обеих стран является позиция США и стран-сторонников США, в том числе — в рамках блоковых объединений военно-политического, экономического, политического плана. Позиция США и, в целом, коллективного Запада в отношении Российской Федерации и Афганистана базируется на сравнительно высоком уровне удовлетворения базовых потребностей гражданского общества и позицией политических элит, состоящей в необходимости поддержания мирового господства и ослаблении позиций стран, ему угрожающих [22, с. 196].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье иллюстрируется трансформация приоритетов внешней политики Афганистана и Российской Федерации как инструмента реализации национальных интересов в XXI в. под влиянием геополитической конъюнктуры. Показано, что большую часть рассматриваемого периода времени (вплоть до 2021 г.) внешняя политика Афганистана во многом определялась ориентацией на США как ключевой страны-поставщика финансовых ресурсов и безопасности во внешне- и внутривнутриполитической сфере. Вывод войск США и неспособность политических элит страны обеспечить защиту от движения «Талибан» привели к установлению последним контроля над политическими институтами. Приоритетами внешней политики Афганистана становятся: утверждение легитимности через пересмотр своего статуса у региональных и глобальных политических акторов; привлечение в страну финансовой помощи по линии международных организаций и стран-конкурентов США; развитие регионального сотрудничества на базе своего геополитическо-

го значения; сотрудничество с МПО и соседними странами в вопросах миграционной политики; подавление нелояльных «Талибану» группировок на территории Афганистана, в том числе в интересах региональных и глобальных акторов. Во внешней политике Российской Федерации просматривается во многом аналогичный тренд, но отличающийся несравненно более высоким уровнем суверенитета. Вплоть до конца 2000-х гг. российские власти демонстрируют готовность к интеграции в международные отношения с признанием равноправной роли

США, России, ЕС, параллельно развивая собственные проекты (ШОС, ЕАЭС). На фоне наблюдаемого усиления присутствия стран НАТО в стратегически важных для страны регионах, давления на общественно-политические процессы в России со стороны США (с пиком в форме протестов начала 2010-х гг. на Манежной площади) Российская Федерация пересматривает свою внешнюю политику в направлении активного использования военно-политических инструментов, конфронтации с коллективным Западом во главе с США.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селюков А.Д. Национальные интересы как основа государственности. *Юридическая наука в Китае и России*. 2023;(6):12–21. DOI: 10.17803/2587-9723.2023.6.012-021
2. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности государства: Россия vs Запад. *Гуманитарий Юга России*. 2024;13(5):133–144. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.8
3. Цыганков А.П. Внешняя политика России: к комплексному осмыслению. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020;20(3):441–448. DOI:10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448
4. Saleem S.M. et al. Afghanistan: Decades of collective trauma, ongoing humanitarian crises, Taliban rulers, and mental health of the displaced population. *Asian journal of psychiatry*. 2021;65:102854. DOI: 10.1016/j.ajp.2021.102854
5. Цыганков А.П. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику. В: Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. Москва; 1992:162–163.
6. Столков Д.С. Язык дипломатии многополярного мира. К выходу концепции внешней политики 2023 года. *Обозреватель*. 2023;5(400):33–42. DOI: 10.48137/2074-2975_2023_5_33
7. Босхолов С.С. В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности. *Академический юридический журнал*. 2023;24–3(93):288–292. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).288–292
8. Обухова А.Н. Значение и перспективы международного партнерства с Афганистаном в сфере энергетики, логистики, технологий. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024;3(29):320–332. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-320-332
9. Малик Е.Н. Трансформация политической системы в Афганистане: проблемы формирования «инклюзивного правительства». *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2022;12(1):162–173. DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173
10. Нессар О.М. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015;(9):379–383. URL: <https://elibrary.ru/vduvyf>
11. Jabeen M., Mazhar P.D. M. S., Goraya N.S. US Afghan Relations: A Historical Perspective of Events of 9/11. *South Asian Studies*. 2020;25(1):143–173. URL: <http://111.68.103.26/journals/index.php/IJSAS/article/viewFile/2781/1039>
12. Сушенцов А.А. Эволюция центральноазиатской политики США: между выводом советских войск из Афганистана и началом «войны с террором» (1989–2001). Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014;1(7):22–39. URL: <https://elibrary.ru/tkjtkr>
13. Boni F. Afghanistan 2021: Us withdrawal, the Taliban return and regional geopolitics. *Asia Maior*. 2022;32:375–391. URL: <https://oro.open.ac.uk/84362/1/16-AM2021-Afghanistan.pdf>
14. Bashir M., Bashir N. A critical review of policy shift in Pak-Afghan-US relations after withdrawal OF USSR from Afghanistan (1988–2023). *Journal of Arts & Social Sciences*. 2024;11(2):79–88. URL: <https://ojs.jass.pk/ojs/index.php/jass/article/download/495/192>
15. Miller L. Biden's Afghanistan Withdrawal: A Verdict on the Limits of American Power. *Taylor & Francis Online*. 2021:37–44. DOI: 10.1080/00396338.2021.1930404

16. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. Москва: Институт востоковедения РАН; 2014. 216 с. URL: <https://book.ivran.ru/f/dvizhenie-taliban-i-perspektivy-afganistana-i-pakistana.pdf?ysclid=mb825s6aom689602147>
17. Лаумулин М. Центральнаяазиатская политика США при президентстве Б. Обамы. *Центральная Азия и Кавказ*. 2010;13(4):47–62. URL: <https://elibrary.ru/pxsfpn>
18. Окимбеков У.В. Афганистан 2023 г.: социально-политическая и экономическая ситуация. Вестник Института востоковедения РАН. 2024;3(29):301–311. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-301-311
19. Кефели И.Ф., Комлева Н.А. Проекты Большой Евразии и «Великого Турана» — путь к объединению народов? *Проблемы национальной стратегии*. 2023;4(79):82–105. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_4_82
20. Клименко А.Ф. Китай, Россия и другие участники ШОС в новых афганских реалиях. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*. 2022;27(27):160–175. DOI: 10.48647/IFES.2022.22.71.020
21. Бахадари А.Ф. Возрождение «Талибана» в Афганистане в условиях ухода американских сил: перспективы движения и отношения с Россией. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2022;12(4):163–172. DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-4-163-172
22. Цыганков А.П. Смена эпох. Русское западничество и международные отношения. *Россия в глобальной политике*. 2024;22–2(126):196–212. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-196-212

REFERENCE

1. Selukov A.D. National interests as the basis of statehood. *Legal Science in China and Russia*. 2023;(6):12–21. (In Russ.). DOI: 10.17803/2587-9723.2023.6.012-021
2. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Role of political elite in ensuring national security of the state: Russia vs West. *Humanitarian of the South of Russia*. 2024;13(5):133–144. (In Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2024.5.8
3. Tsygankov A.P. Russia's foreign policy: towards a comprehensive understanding. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2020;(3):441–448. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-441-448
4. Saleem S.M. et al. Afghanistan: Decades of collective trauma, ongoing humanitarian crises, Taliban rulers, and mental health of the displaced population. *Asian journal of psychiatry*. 2021;65:102854. DOI: 10.1016/j.ajp.2021.102854
5. Tsygankov A.P. Hans Morgenthau: A look at foreign policy. *Power and Democracy: Foreign Scientists on Political Science*. M.; 1992:162–163. (In Russ.).
6. Stolkov D.S. The language of diplomacy of the multipolar world. Toward the release of the foreign policy concept of 2023. *Obozrevatel*. 2023;5(400):33–42. (In Russ.). DOI: 10.48137/2074-2975_2023_5_33
7. Boskholov S.S. In search of the balance of interests of the individual, society and the state in the sphere of ensuring national security: *Academic Law Journal*. 2023;3(93):288–292. (In Russ.). DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(3).288–292
8. Obukhova A.N. Significance and prospects of international partnership with Afghanistan in the field of energy, logistics, technology. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2024;3(29):320–332. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-320-332
9. Malik E.N. Transformation of the political system in Afghanistan: the problems of forming an “inclusive government”. *Izvestiya South-West State University. Series: History and Law*. 2022;12(1):162–173. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173
10. Nessar O.M. Ethno-tribal factor and political process in modern Afghanistan. *Islam in the Near and Middle East*. 2015;(9):379–383. URL: <https://elibrary.ru/vduvyf> (In Russ.).
11. Jabeen M., Mazhar P.D. M. S., Goraya N.S. US Afghan Relations: A Historical Perspective of Events of 9/11. *South Asian Studies*. 2020;25(1):143–173. URL: <http://111.68.103.26/journals/index.php/IJSAS/article/viewFile/2781/1039>
12. Sushentsov A.A. Evolution of US Central Asian Policy: Between the Withdrawal of Soviet Troops from Afghanistan and the Beginning of the «War on Terror» (1989–2001). Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2014;1(7):22–39. URL: <https://elibrary.ru/tkjtkr> (In Russ.).
13. Boni F. Afghanistan 2021: Us withdrawal, the Taliban return and regional geopolitics. *Asia Maior*. 2022;32:375–391. URL: <https://oro.open.ac.uk/84362/1/16-AM2021-Afghanistan.pdf>
14. Bashir M., Bashir N. A critical review of policy shift in Pak-Afghan-US relations after withdrawal OF USSR from Afghanistan (1988–2023). *Journal of Arts & Social Sciences*. 2024;11(2):79–88. URL: <https://ojs.jass.pk/ojs/index.php/jass/article/download/495/192>

15. Miller L. Biden's Afghanistan Withdrawal: A Verdict on the Limits of American Power. *Taylor & Francis Online*. 2021;37–44. DOI: 10.1080/00396338.2021.1930404
16. Belokrenitsky V. Ya., Sikoev R. R. Taliban Movement and Prospects of Afghanistan and Pakistan. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2014. 216 p. URL: <https://book.ivran.ru/f/dvizhenie-taliban-i-perspektivy-afganistana-i-pakistana.pdf?ysclid=mb825s6aom689602147> (In Russ.).
17. Laumulin M. Central Asian policy of the USA under the presidency of B. Obama. *Central Asia and Caucasus*. 2010;13(4):47–62. URL: <https://elibrary.ru/pxsfpn> (In Russ.).
18. Okimbekov U. V. Afghanistan 2023: socio-political and economic situation. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2024;3(29):301–311. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618–7302–2024–3–301–311
19. Kefeli I. F., Komleva N. A. Projects of Greater Eurasia and “Great Turan” — a way to unite peoples? *Problems of National Strategy*. 2023;4(79):82–105. (In Russ.). DOI: 10.52311/2079–3359_2023_4_82
20. Klimenko A. F. China, Russia and other SCO participants in the new Afghan realities. China in world and regional politics. *History and Modernity*. 2022;27(27):160–175. (In Russ.). DOI: 10.48647/IFES.2022.22.71.020
21. Bahadari A. F. The Revival of the Taliban in Afghanistan in the context of the withdrawal of american forces: Prospects for the movement and relations with Russia. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;(4):163–172. (In Russ.). DOI: 10.21869/2223–1501–2022–12–4–163–172
22. Tsygankov A. P. Change of Epochs. Russian Westernism and International Relations. *Russia in Global Politics*. 2024;22–2(126):196–212. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-196-212

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Хикмат Рахматулла — аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Hikmat Rahmatullah — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-5027-6165>

khikmat.rakhmatulla@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-99-113
УДК 327.7:004.056(045)

Эволюция концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО

И.О. Сорокин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Современный мир постоянно находится в состоянии информационного противоборства, что делает исследование феномена информационной войны крайне актуальным. *Цель* статьи — анализ эволюции концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО. В работе используются *методы* анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения, а также историко-политический анализ, что позволяет сопоставить документы, отражающие поэтапное изменение подходов к информационному противоборству в различных правовых системах. В работе представлена эволюция нормативных правовых актов и доктринальных документов по тематике информационного противоборства, выявлены их содержательные особенности, сходства и различия, проведена их классификация. Особое внимание уделено правовым определениям понятий «информационная война», «информационные операции», «психологические операции», «кибероперации», «когнитивная война» в контексте стратегий национальной безопасности и военных доктрин указанных субъектов политики. Делается *вывод*, что существуют концептуальные различия в правовом закреплении феномена информационной войны: в западной традиции информационные операции достаточно давно и широко отражены в правовых документах. Начиная с середины XX в. с появлением ядерного оружия и ростом роли некинетических средств поражения противника они рассматривались инструментально и преимущественно в виде психологических операций, однако в дальнейшем, в результате технологических и социальных изменений, получили расширительную трактовку, включив в себя аспекты киберопераций и когнитивной войны, и в настоящее время представляют собой неотъемлемый элемент гибридных войн, осуществляющихся не только в военное, но и в мирное время, тогда как в российском законодательстве нет понятия информационной войны, — его можно вывести только опосредованно, а в самих документах подчеркивается защитная функция и суверенная составляющая информационного пространства на основе традиционных ценностей. В рамках исследования созданы три таблицы, позволяющие наглядно представить ключевые сходства, различия и эволюцию развития концепции информационной войны в нормативных правовых актах США, НАТО и России. *Теоретическая значимость работы* заключается в том, что она способствует пониманию динамики эволюции концепции информационных войн в различных правовых системах и может быть полезна специалистам в области международного права, исследователям информационного противоборства и иным заинтересованным лицам.

Ключевые слова: информационная война; информационные операции; психологическая война; когнитивная война; гибридная война; нормативное правовое обеспечение информационной войны; доктрина; полевой устав

Для цитирования: Сорокин И.О. Эволюция концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):99-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-99-113

ORIGINAL PAPER

The Evolution of the Concept of Information Warfare in the Regulatory Legal Acts of Russia, United States and NATO

I.O. Sorokin

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The modern world is constantly in a state of information warfare, which makes the study of the phenomenon of information warfare extremely relevant. The purpose of the article is to analyze the evolution of the concept of information warfare in the regulatory legal acts of Russia, United States and NATO. The work uses methods of analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, as well as historical and political analysis, which are used to compare documents reflecting the gradual change

in approaches to information warfare in various legal systems. The paper presents the evolution of normative legal acts and doctrinal documents on the subject of information warfare, identifies their substantive features, similarities and differences, and classifies them. Special attention is paid to the legal definitions of the concepts of "information warfare", "information operations", "psychological operations", "cyber operations", "cognitive warfare" in the context of national security strategies and military doctrines of these policy actors. It is concluded that there are conceptual differences in the legal definition of the phenomenon of information warfare: in the Western tradition, information operations have been widely reflected in legal documents for a long time, — since the middle of the 20th century, due to the advent of nuclear weapons and the increasing role of non-kinetic means of defeating the enemy, they were considered instrumentally and mainly in the form of psychological operations, but later, as a result of technological and social changes, they received an expanded interpretation, including aspects of cyber operations and cognitive warfare, and currently represent an integral element of hybrid warfares that take place not only in wartime, but also in peacetime, whereas in Russian legislation there is no term of information warfare, — it can only be derived indirectly, and the documents themselves emphasize the protective function and sovereign component of the information space based on traditional values. As part of the research, three tables have been created to visually present the key similarities, differences, and evolution of the concept of information warfare in the regulatory legal acts of United States, NATO, and Russia. The theoretical significance of the work lies in the fact that it contributes to understanding the dynamics of the evolution of the concept of information warfare in various legal systems and may be useful to specialists in the field of international law, researchers of information warfare and other interested parties.

Keywords: information warfare; information operations; psychological warfare; cognitive warfare; hybrid warfare; regulatory legal support for information warfare; doctrine; field manual

For citation: Sorokin I.O. The evolution of the concept of information warfare in the regulatory legal acts of Russia, United States and NATO. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):99-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-99-113

ВВЕДЕНИЕ

Современная международная обстановка демонстрирует возрастающее значение информационного пространства как арены геополитического противостояния. Концепция «информационной войны» эволюционировала от инструментального подхода, рассматривающего информационные операции исключительно в контексте военных действий, к комплексному пониманию информационного противоборства как составной части гибридных конфликтов и национальной безопасности. Различные государства и военно-политические блоки по-разному интерпретируют и закрепляют данный феномен в своих нормативных правовых актах и доктринальных документах, что делает актуальным их сравнительный анализ.

Целью данной статьи является изучение эволюции концепции «информационной войны» в нормативных правовых актах России, США и НАТО. Основное внимание уделяется выявлению содержательных особенностей документов, сравнению подходов к правовому регулированию информационного противоборства.

Для достижения данной цели в работе применяется метод историко-политического анализа в совокупности с общенаучными методами, которые позволяют выявить сходства и различия в нормативном закреплении концепции «информационной войны». Особое внимание уделено правовым определениям, используемым в стратегиях национальной безопасности, военных доктринах и иных нормативных актах. Исследование демонстрирует, что в западной традиции информационные опера-

ции давно институционализированы в правовых документах и рассматриваются как один из элементов активных гибридных войн. В российском же законодательстве отсутствует прямое закрепление термина «информационная война», но можно выявить его опосредованно через концепции информационной безопасности и защиты суверенного информационного пространства.

В контексте исследования важно кратко пояснить ключевые термины:

Информационная война — это комплекс целенаправленных действий в информационном пространстве, включающий в себя дезинформацию, кибератаки, психологическое воздействие и другие методы, основанные на использовании возможностей цифровых средств коммуникации, направленные на ослабление противника. В разных правовых системах трактовка этого термина существенно различается.

Информационные операции — составные части информационных войн; совокупность мероприятий, направленных на сбор, обработку и распространение данных в политических целях. В военных доктринах США и НАТО этот термин включает в себя кибероперации, психологические операции и стратегические коммуникации.

Гибридная война — концепция, объединяющая традиционные военные действия с использованием невоенных инструментов, включая информационные атаки, экономическое давление и политическое манипулирование.

Таким образом, исследование позволит выявить закономерности эволюции правового регулирова-

ния информационного противоборства и систематизировать различия в подходах России, США и НАТО к данному феномену.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Концепция «информационной войны» (ИВ) занимает ключевое место в политической науке, международных отношениях и военной стратегии. В зависимости от исследовательской традиции и национальной доктрины термин трактуется по-разному. В западных научных работах преобладают концепции, связывающие информационную войну с когнитивным воздействием [1–6], кибероперациями [7–9], стратегическими и межкультурными коммуникациями [10] и гибридными конфликтами. В российском научном дискурсе доминирует представление об ИВ как элементе геополитического [11–13], цифрового [14], психологического [15–18] противоборства и средстве обеспечения национальной безопасности¹.

Современные исследования указывают на неотъемлемую связь ИВ и гибридных войн. В западной политологии она рассматривается в контексте «серых зон» [19], где конфликты ведутся без явного объявления войны. В российском научном дискурсе ИВ также рассматривается весьма широко — классифицированы как минимум одиннадцать точек зрения (парадигм) (они приведены в отдельной статье автора) [20], но одними из самых распространенных являются подходы, описывающие ее как информационно-психологическое влияние, направленное на управление массовым сознанием или как информационно-техническое воздействие, осуществляющееся в отношении технических систем (ЭВМ, сетей связи и т.п.).

В международной практике ИВ также рассматривается как в узком, так и в широком смысле. Согласно подходу НАТО, информационная война является частью концепции «стратегических коммуникаций». В американских военных доктринах термин «Information Warfare» эволюционировал в сторону комплексного подхода к информационным операциям, включающим кибероперации, пропаганду и психологические операции. В российской Доктрине информационной безопасности ИВ

определяется через призму угроз информационной безопасности.

Эволюция концепций «информационной войны» и «психологической войны» начинается с середины XX в., когда в условиях появления ядерного оружия и начала «Холодной войны» стала доминировать идея психологического воздействия на противника. Первые нормативные акты, такие как National Security Act (1947) и Smith-Mundt Act (1948), заложили основы для координации пропаганды и информационных операций в США. Военные руководства, такие как FM 33–5 Psychological warfare in combat operations (1949) и FM 33–5 Psychological operations techniques and procedures (1966), подчеркивали практическое применение психологической войны в боевых условиях. В 1980-е гг., с принятием Executive Order 12333 (1981), информационные операции стали активнее интегрироваться в деятельность разведывательных служб, что ознаменовало начало сближения понятий «психологической» и «информационной» войны.

К середине 90-х гг. прошлого века с появлением FM 100–5 Operations (1993) и FM 100–6 Information Operations (1996) информация стала рассматриваться как ключевой ресурс в военных операциях (переход к сетецентрической войне). Документ JP 3–13 Joint Doctrine for Information Operations (1998) закрепил комплексный подход, включающий электронную войну, кибероперации и психологическое воздействие. В 2000-е гг., с обновлением руководств, таких как FM 3–13 (100–6) Information Operations (2003) и FM 3–05.30 (MCRP 3–40.6) Psychological Operations (2005), акцент сместился на интеграцию информационных операций в современные военные кампании и осуществление информационного воздействия на целевые аудитории в рамках военных и миротворческих миссий (влияние на восприятие, эмоции, суждения и поведение враждебных, нейтральных или дружественных групп населения) — документы подчеркивают важность PSYOP в достижении стратегических, оперативных и тактических задач, например, в снижении боевого духа противника, формировании положительного отношения к союзническим войскам среди местного населения и поддержке дипломатических инициатив. Также FM 3–05.30 (MCRP 3–40.6) описывает организацию подразделений PSYOP, их взаимодействие с другими военными структурами и государственными ведомствами и методы распространения информации, включая печатные материалы, радио- и телетрансляции, интернет-пропаганду и личные контакты. Отдельное внимание уделяется анализу

¹ Дугин А.Г. Геополитика: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус; 2011. 583 с.; Манойло А.В. Информационные операции современной гибридной войны: учебное пособие. М.: Горячая линия — Телеком; 2023. 90 с.; Мухаев Р.Т. Медиаполитика: учебник. М.: ИНФРА-М; 2024. 401 с.

целевой аудитории, разработке эффективных сообщений и оценке результатов операций.

Руководство FMI 2–22.9 Open source intelligence (2006) подчеркнуло роль открытых источников информации в стратегическом планировании и осуществлении информационного противоборства. В нем описаны методы сбора, обработки и анализа информации, получаемой из общедоступных источников, таких как СМИ, интернет, официальные документы, научные публикации, социальные сети и коммерческие базы данных. Документ подчеркивает, что OSINT стал важной частью разведывательной деятельности и может дополнять информацию, полученную из закрытых источников, таких как сигнальная разведка (SIGINT) или агентурная разведка (HUMINT). В нем рассматриваются принципы и инструменты сбора данных, методы оценки достоверности информации, а также способы интеграции OSINT в общий разведывательный процесс. Особое внимание уделяется правовым и этическим аспектам работы с открытыми источниками, включая вопросы авторских прав, сбора данных в международной среде и защиты конфиденциальности. Также рассматриваются технологические инструменты, такие как автоматизированные системы мониторинга СМИ, аналитические платформы и методы работы с большими объемами данных.

В 2010-е гг. концепция информационной войны получила дальнейшее развитие. Документы JP 3–13 Information Operations (2012–2014), FM 3–13 Inform and Influence Activities (2013), FM 3–13 (JP) Information Operations (2014) и FM 3–13 Information operations (2016) развили комплексный подход, включающий стратегическую коммуникацию, кибероперации и психологическое воздействие, а Joint Publication 3–12 (2018) акцентировала внимание на кибербезопасности и информационном противодействии.

Современный этап развития концепций связан с появлением термина «когнитивная война». Документы, такие как FM 3–0 Operations (2022), подчеркивают интеграцию информационных операций в глобальную стратегию безопасности — в данном документе концепции информационной войны, психологических операций, когнитивной войны и киберопераций находят отражение, но в контексте современной многодоменной операции (MDO — Multi-Domain Operations). Этот доктринальный документ описывает, как армия США адаптируется к изменяющейся стратегической среде, включая конкуренцию в информационном пространстве, в том числе киберпространстве.

НАТО, будучи во многом более глобальным отголоском США, подходит к ИВ через призму стратегических коммуникаций (StratCom). Концепция информационной войны в НАТО эволюционировала от классических психологических операций (PsyOps) к более комплексным подходам, включающим стратегические коммуникации (StratCom), информационные операции (IO) и когнитивную войну (Cognitive Warfare). Исторически НАТО рассматривало информационные операции как часть традиционного военного противостояния, однако в начале XXI в. в альянсе усилилось осознание того, что информационные угрозы не ограничиваются вооруженными конфликтами, а оказывают влияние и в мирное время.

В 2010 г. НАТО утвердило «Военную концепцию стратегических коммуникаций» (NATO Military Concept for Strategic Communications 2010), в которой информационные операции, публичная дипломатия, работа со СМИ и психологические операции объединены в единую систему стратегических коммуникаций. Этот подход стал основой для дальнейшего развития информационной политики альянса.

В 2014 г., после возвращения Россией Крыма и начала киевским режимом варварского конфликта на востоке Украины, НАТО значительно усилило работу в сфере «информационной безопасности». В новой редакции доктрины JP 3–13 Information Operations (2014) подчеркивалось, что борьба за информационное пространство является неотъемлемым элементом современной войны, — альянс еще более активно начал использовать информационные технологии и социальные сети для формирования общественного мнения и продвижения своих интересов.

В 2022 г. НАТО представило новую «Стратегическую концепцию» (NATO Strategic Concept 2022), в которой информационному противоборству отведено ключевое место. В документе отмечается, что дезинформация, кибератаки и гибридные угрозы стали главными инструментами геополитического соперничества. Альянс подтвердил свою готовность «противодействовать» этим вызовам, усиливая сотрудничество с партнерами, развивая механизмы киберзащиты и совершенствуя доктринальные подходы к ведению информационной войны.

Отдельного внимания заслуживает концепция когнитивной войны НАТО, подробно рассмотренная в статье Кристофера Делла «Cognitive Warfare: A Conceptual Analysis» (2024) [21], в которой подчеркивается, что в современных конфликтах основным полем

битвы становится человеческое сознание. Влияние на восприятие, эмоции, поведение и систему ценностей противника становится важнейшей задачей. Когнитивная война охватывает широкий спектр инструментов — от пропаганды и манипуляции информацией до использования технологий искусственного интеллекта и нейробиологии для прогнозирования и управления общественными настроениями.

Современные стратегии НАТО в области информационной войны направлены не только на защиту собственных коммуникационных систем, но и на активное воздействие на информационную среду противников. Альянс активно развивает сотрудничество с технологическими компаниями, аналитическими центрами и медиаструктурами, стремясь создавать устойчивые механизмы воздействия и противодействия дезинформации и когнитивным атакам. В этом контексте информационные операции становятся не просто важным элементом военной стратегии, но ключевым инструментом глобальной политики, позволяющим НАТО формировать выгодное информационное пространство и добиваться стратегических целей без применения традиционной военной силы.

В России нормативное закрепление концепции ИВ произошло значительно позже. В отечественной политологии термин «информационная война» интерпретируется через призму национальной безопасности. В этом контексте Совет Безопасности Российской Федерации относит к основополагающим документам в сфере безопасности Конституцию РФ, Федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности» (2010), Военную доктрину РФ (2014), Доктрину информационной безопасности РФ (2000, 2016), Стратегию национальной безопасности РФ (2021), Концепцию внешней политики РФ (2023) и иные акты, представленные на его сайте².

Российские нормативные акты рассматривают ИВ в широком смысле, включая: противодействие деструктивному информационному воздействию, защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, информационный контроль в киберпространстве.

Одним из ключевых документов является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.³ В ней сформулиро-

ваны три основных принципа: свобода выбора средств получения информации, приоритет традиционных ценностей, законность и защита персональных данных.

Также отдельного внимания заслуживает Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000, 2016)⁴. В редакции 2000 г. впервые были введены ключевые понятия: информационная безопасность как часть национальной безопасности, противодействие угрозам в информационном пространстве, государственный контроль над информационными потоками. В 2016 г. доктрина была обновлена, получив дальнейшее развитие. В ее рамках сформулирована концепция «единой системы контроля и обеспечения безопасности», направленная на выявление и нейтрализацию угроз на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В число ключевых документов России в сфере ИБ, помимо вышеуказанных, входят: Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵ (2006), Концепция Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности, Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления критически важных объектов, Концепция информационной безопасности детей, Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185.

Российская нормативно-правовая база в области информационной безопасности основывается на традиционных ценностях, что подчеркивается и в Указе Президента РФ, определяющем семнадцать ключевых духовно-нравственных ориентиров российского общества (2022)⁶. В этом контексте информационная война рассматривается не только как борьба в киберпространстве, но и как элемент идеологического и культурного противостояния.

Таким образом, краткий сравнительный анализ научной литературы и нормативных правовых актов России, США и НАТО показывает, что в российском и западном дискурсе существуют принципиаль-

² Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru>

³ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/71670570/?ysclid=mbp1819j29580597128>

⁴ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71556224/?ysclid=mbp1cfz9yr124270435>

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. и доп.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <https://base.garant.ru/12148555/?ysclid=mbp1gm5650635818021>

⁶ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mbp1qg49a6447160078>

но разные подходы к трактовке ИВ: если в Штатах и Североатлантическом альянсе акцент делается на тактическом и стратегическом активном применении информационных технологий, то в России этот феномен рассматривается как угроза национальной безопасности и ответные действия, в связи с чем представляется важным провести более детальный разбор эволюции концепции информационной войны в данных субъектах политики с опорой на нормативные правовые акты.

МЕТОДЫ

В статье используются следующие методы исследования:

1. Анализ — проявляется в детальном рассмотрении различных аспектов концепции информационной войны. Автор разбивает тему на составные части, чтобы изучить каждую из них отдельно. Например, исследуются нормативные документы (доктрины НАТО, американские военные руководства, российские законы), чтобы выявить их ключевые положения и эволюцию подходов к ИВ.

2. Синтез — в работе происходит соединение данных из различных источников и контекстов, чтобы сформировать целостное понимание темы: интегрируются подходы западных и российских исследователей, а также нормативные документы, синтезируются исторические и современные аспекты ИВ, демонстрируя, как идеи психологической войны трансформировались в комплексные информационные операции, объединяются различные элементы информационной войны (кибероперации, пропаганда, психологическое воздействие) в рамках единой стратегии, что особенно заметно в описании подходов НАТО и США.

3. Сравнение — один из ключевых методов в тексте. Автор сопоставляет подходы разных стран и организаций к информационной войне: сравниваются западные и российские трактовки ИВ, нормативные документы, такие как американские военные руководства (JP 3–13, FM 3–13) и российские доктрины, исторические этапы развития ИВ в США, НАТО и России, что позволяет выявить общие тенденции и различия.

4. Дедукция — используется для выведения частных выводов из общих положений. Например, на основе общего понимания информационной войны как инструмента геополитического противоборства автор делает вывод о ее роли в обеспечении национальной безопасности России. Из анализа нормативных документов НАТО и США делается вывод о том, что информационные опе-

рации стали неотъемлемой частью современной военной стратегии. На основе исторического обзора автор приходит к выводу, что концепция ИВ эволюционировала от психологической войны к комплексным информационным операциям.

5. Индукция — применяется для формирования общих выводов на основе частных примеров и фактов. Например, анализ документов JP 3–13, FM 3–13, Доктрины информационной безопасности РФ позволяет сделать вывод о различиях в подходах к ИВ в западных и российских традициях. Изучая исторические этапы развития ИВ, автор резюмирует, что информационная война стала ключевым элементом современной геополитики. Изучая современные стратегии НАТО и России, автор делает заключение, что информационные операции теперь направлены не только на защиту, но и на активное воздействие на информационное пространство противника.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Концепция «информационной войны» (ИВ) занимает ключевое место в современной политической науке, международных отношениях и военной стратегии. В трех представленных ниже таблицах будет показана эволюция этой концепции в нормативных правовых актах США, НАТО и России, которые наглядно продемонстрируют различные подходы к пониманию и применению информационного противоборства в этих субъектах политики. В западной традиции, особенно в документах США и НАТО, информационная война рассматривается как часть гибридных конфликтов, где акцент делается на когнитивном воздействии, стратегических коммуникациях и кибероперациях. В российском же дискурсе ИВ трактуется через призму национальной безопасности, где основное внимание уделяется защите суверенитета, традиционных ценностей и противодействию внешнему информационному давлению (ответным действиям).

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Анализ нормативных документов США показывает, что информационная война эволюционировала от сугубо психологического воздействия в период холодной войны до комплексного подхода, включающего кибероперации, пропаганду и стратегические коммуникации к настоящему времени (табл. 1).

Подход, представленный в документах НАТО, в целом похож на присутствующий в нормативных правовых актах США, что неудивительно, ведь

Таблица 1 / Table 1

**Эволюция концепции информационной войны в документах США /
The evolution of the concept of information warfare in US documents**

Год. Документ / Year. Doc.	Информационная война / Information warfare	Информационные операции / Information operations	Психологические операции / Psychological operations	Кибероперации / Cyber operations
1947 National Security Act of 1947	Не упоминается напрямую, но заложены основы для координации пропаганды	Не выделены отдельно, но созданы структуры для сбора и анализа информации, например, ЦРУ	Прямо не упоминаются в тексте документа, но есть косвенно: «оказание влияния на политическую, экономическую или военную обстановку за рубежом»	Кибероперации отсутствуют в тексте документа, так как технологический уровень развития еще не предполагал их наличия
1948 Smith-Mundt Act	Усиление пропаганды как инструмента внешней политики	Начинают включать пропаганду и управление информацией, но термин отсутствует	Не упоминаются в тексте документа, но фактически становятся частью внешнеполитической деятельности	Отсутствуют
1949 FM 33–5 Psychological warfare in combat operations	Рассматривается через призму психологического воздействия	Элемент пропаганды и психологического воздействия	Становятся частью боевых действий	Отсутствуют
1969 FM 33–5 Psychological operations techniques and procedures	Все еще связана с психологическим воздействием	Элемент пропаганды и психологических методов	Становятся более структурированными и тактически ориентированными	Отсутствуют
1981 Executive Order 12333	Включается в разведывательные операции	Интегрируются в деятельность разведывательных служб	Часть разведывательной деятельности	Отсутствуют
1993 FM 100–5 Operations	Рассматривается как часть военных операций	Управляют информацией в военных целях	Часть военных кампаний	Отсутствуют, но появляется упоминание о цифровой связи как ключевого элемента победы в информационной войне на тактическом и оперативном уровнях
1996 FM 100–6 Information Operations	Часть военной стратегии	Элемент электронной войны, пропаганды и психологического воздействия	Интегрируются в информационные операции	Начинают рассматриваться как часть информационных операций

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

Год. Документ / Year. Doc.	Информационная война / Information warfare	Информационные операции / Information operations	Психологические операции / Psychological operations	Кибероперации / Cyber operations
1998 JP 3–13 Joint Doctrine for Information Operations	Определяется как комплексное воздействие на противника	Элемент электронной войны, киберопераций и психологического воздействия	Часть комплексных информационных операций	Важный элемент информационных операций
2003 FM 3–13 (100–6) Information Operations	Рассматривается как часть гибридных конфликтов	Элемент киберопераций, пропаганды и психологического воздействия	Часть гибридных стратегий	Ключевой элемент информационных операций
2005 FM 3–05.30 (MCRP 3–40.6) Psychological Operations	Включается в психологическое воздействие как ключевой элемент	Интегрируются в психологические методы воздействия	Более технологичны и ориентированы на современные угрозы	Начинают использоваться для поддержки психологических операций
2006 FMI 2–22.9 Open source intelligence	Применяется в открытых источниках информации	Используются в открытых источниках для анализа и планирования	Начинают использовать данные из открытых источников	Начинают использовать открытые данные для анализа угроз
2012 JP 3–13 «Information Operations»	Часть стратегических коммуникаций	Включаются в стратегические коммуникации, кибероперации и психологическое воздействие	Интегрируются в стратегические коммуникации	Становятся частью стратегических коммуникаций
2014 FM 3–13 (JP) Information Operations	Часть глобальной стратегии безопасности	Элементы киберопераций, пропаганды и психологического воздействия	Становятся частью глобальной стратегии	Становятся ключевым элементом глобальной безопасности
2015 FM 3–13 Information operations	Часть гибридных войн	Элементы киберопераций, пропаганды и психологического воздействия	Становятся частью гибридных стратегий	Основной инструмент гибридных войн
2018 JP 3–12 Cyberspace Operations	Ключевой элемент киберопераций	Сосредоточены на киберпространстве	Применяются в киберпространстве для воздействия	Основное поле битвы в информационной войне
2020 FM 3–0 Operations	Часть когнитивной войны	Элемент когнитивного воздействия и управления информацией	Часть когнитивной войны	Используются для когнитивного воздействия на противника

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

именно Соединенный Штаты являются лидером Североатлантического альянса и оказывают на него мощнейшее не только финансовое, но и интеллектуальное воздействие, отражающееся в том числе на доктринальном уровне. Однако есть и определенные различия. Так, в документах НАТО, начиная с 2010 г., информационная война стала частью стратегических коммуникаций, а к 2022 г. интегрирована в глобальную стратегию безопасности, включающую когнитивную войну.

Концепция информационной войны в НАТО эволюционировала от эпизодического упоминания в стратегических документах к системному подходу, охватывающему широкий спектр методов, включая информационные операции (Information Operations, IO), стратегические коммуникации (Strategic Communications, STRATCOM), кибероперации (Cyber Operations) и контрпропаганду.

Первые упоминания о необходимости ведения информационной борьбы появились в НАТО в контексте холодной войны. Однако в отличие от США, активно разрабатывавших национальные стратегии психологического воздействия, НАТО вплоть до 90-х гг. прошлого века ограничивалось общей концепцией пропагандистского противостояния СССР.

После окончания холодной войны и особенно после кризиса в Югославии (1999) информационные операции стали рассматриваться в более широком, нежели чисто технический, смысле — как важный инструмент международных военных миссий.

Более подробно эволюция концепции информационной войны в документах НАТО представлена в табл. 2.

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В России концепция информационной войны также прошла не один этап своего развития. Как видно из табл. 3, она развивалась в контексте защиты национальной безопасности, где ключевыми элементами стали противодействие дезинформации, защита информационного пространства, традиционных ценностей и кибербезопасность.

ВЫВОДЫ

По итогам проведенного исследования эволюции концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО можно отметить следующее:

1) термин «информационная война» часто упоминается в современных нормативных правовых

актах США и НАТО явно либо в синонимичных формулировках, либо в виде составляющих частей всего инструментария информационной войны (например, «информационная война», «информационные операции», «пропаганда», «психологические операции», «кибероперации», «кибервойна», «когнитивная война», «угроза информационной безопасности», «информационная безопасность», «национальные интересы» и других);

2) несмотря на наличие в российских нормативно-правовых актах ряда положений, касающихся информационного противоборства, в Военной доктрине, Стратегии национальной безопасности и других основополагающих документах Российской Федерации отсутствует термин «информационная война» (но его определение можно вывести опосредованно), в связи с чем существует риск неполного учета угроз данного характера и выработки мер по их нейтрализации и превентивному воздействию;

3) существуют концептуальные различия в правовом закреплении феномена информационной войны: в западной традиции информационные операции достаточно давно и широко отражены в правовых документах, присутствующих в открытом доступе, и рассматриваются как элемент активного противоборства и наступательных мультимодальных гибридных войн, тогда как в российском законодательстве концепция информационной войны воспринимается преимущественно как угроза, исходящая извне, а правовое регулирование направлено на защиту информационного пространства, обеспечение цифрового суверенитета и отражение внешних атак (ответные действия) и защиту традиционных ценностей;

4) эволюция концепции информационной войны отражает смену акцентов в стратегическом подходе к информационному противоборству. В 60-е гг. прошлого века на Западе доминирующее значение придавалось «психологической войне» как основному инструменту влияния. В 70–90-е гг. укоренился термин «информационная война», в который интегрировались психологические и кибероперации. В 2000-е гг. информационное противоборство стало частью более широкой концепции «информационных операций» с акцентом на развитии адресности (выявлении и работе по разным каналам с целевыми аудиториями). В 2010-е гг. усилилась роль стратегической коммуникации и киберопераций, а в 2020-е наблюдается развитие концепции «когнитивной войны» как нового этапа эволюции. Этот процесс демонстрирует не только усложнение методов информационного воздействия, но

**Эволюция концепции информационной войны в документах НАТО /
The evolution of the concept of information warfare in NATO documents**

Год. Документ / Year. Doc.	Информационная война / Information warfare	Информационные операции / Information operations	Психологические операции / Psychological operations	Кибероперации / Cyber operations
1949 Североатлантический договор (Вашингтонский договор)	Не упоминается напрямую, но заложены основы для коллективной безопасности	Не выделены отдельно, но создана структура для координации между странами	Не упоминаются, но пропаганда фактически используется для укрепления альянса	Не упоминаются
1950-е Психологические операции в рамках НАТО	Рассматривается через призму пропаганды и психологического воздействия	Включают пропаганду и управление информацией в рамках холодной войны	Становятся частью стратегии сдерживания	Не упоминаются
1957 МС 14/2 «Overall Strategic Concept for the Defense of the NATO Area»	Рассматривается как часть стратегии противоборства в наступившую ядерную эпоху	Термина «информационные операции» нет, но фактически они проводятся и включают пропаганду и противодействие советской дезинформации	Используются для укрепления морального духа союзников и дискредитации противника	Не рассматриваются, так как цифровые технологии еще не достигли значительного уровня развития
1968 МС 14/3 «Overall Strategic Concept for the Defense of the NATO Area»	Концепция информационной войны расширяется в связи с переходом к «гибкому реагированию»	Включает элементы стратегических коммуникаций, направленных на управление кризисами	Используются в холодной войне для подрыва морального духа противника	Отсутствуют
1970-е – 1980-е Появление термина «информационная война» (Т. Рона)	Термин «информационная война» начинает распространяться в лексиконе НАТО	Включаются в управление цифровой информацией, РЭБ и пропаганду	Временно отходят на второй план, уступая технической информационной войне	Не упоминаются, но фактически начинают рассматриваться как часть разведывательной деятельности
1991 NATO Strategic Concept	Признается важной частью безопасности в постсоветский период	Включаются в координацию с гражданскими структурами	Используются для укрепления НАТО на фоне распада СССР	Не упоминаются и еще не являются приоритетом
1999 NATO Strategic Concept	Впервые акцентируется внимание на глобальном информационном пространстве	Документ не содержит специфической информации об информационных операциях	Документ не содержит специфической информации о психологических операциях	Начинают восприниматься как новая сфера угроз и действий (пока без самого термина) (п. 23)

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Год. Документ / Year. Doc.	Информационная война / Information warfare	Информационные операции / Information operations	Психологические операции / Psychological operations	Кибероперации / Cyber operations
2006 NATO Comprehensive Political Guidance	Информационное превосходство становится одним из ключевых приоритетов для НАТО гибридных угроз (пп. 10, 16, 18)	Термин не упоминается, однако речь идет в том числе о необходимости информационного превосходства и способности защищать информационные системы	Документ не содержит специфической информации о психологических операциях	Появляется термин «кибернетические нападения», – фактически кибероперации официально становятся сферой деятельности НАТО
2010 NATO Military Concept for Strategic Communications	Часть стратегических коммуникаций	Включаются в публичную дипломатию, работу со СМИ, психологические операции, военно- общественные связи и иные аспекты	Интегрируются в стратегические коммуникации	Рассматриваются как часть информационных операций
2014 NATO Cyber Defence Policy	—	—	—	Киберпространство впервые признано полноценным полем боя и устанавливается коллективная защита от кибератак
2014 Обновление доктрины JP 3–13 «Information Operations»	Рассматривается как часть гибридных конфликтов	Включаются в кибероперации, пропаганду и психологическое воздействие	Становятся частью гибридных стратегий	Ключевой элемент информационных операций
2018 JP 3–12 Cyberspace Operations	Включает кибероперации как ключевой элемент	Сосредоточены на киберпространстве	Не упоминаются	Основной инструмент в информационной войне
2019 NATO Military Strategy	Формирует ключевые угрозы безопасности	Включаются в манипуляции общественным мнением	Используются в информаци- онных войнах против соперников	Официально включены в стратегию коллективной обороны
2022 NATO Strategic Concept 2022	Часть глобальной стратегии безопасности	Включаются в стратегические коммуникации, кибероперации и психологическое воздействие	Интегрируются в глобальную стратегию безопасности	Ключевой элемент глобальной безопасности

Источник / Source: составлено автором / complied by the author.

Таблица 3 / Table 3

Эволюция концепции информационной войны в документах России / The evolution of the concept of information warfare in Russian documents

Год. Документ / Year. Doc.	Информационная война / Information warfare	Информационные операции / Information operations	Психологические операции / Psychological operations	Кибероперации / Cyber operations
2000 Доктрина информационной безопасности РФ	Термин «информационная война» не упоминается, но фактически она рассматривается как угроза национальной безопасности, определены главные специфические направления совершенствования системы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в сфере обороны	Включают защиту информационного пространства (радиоэлектронная борьба, борьба с пропагандой и психологическими операциями вероятного противника)	Не выделены отдельно, но упоминаются как часть защиты информационного воздействия	Термин «кибероперации» не употребляется, но фактически в российском правовом поле начинают рассматривать их как часть угроз информационной безопасности
2006 Закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Термин «информационная война» вновь не упоминается, но фактически она рассматривается	—	—	Противодействие кибероперациям рассматривается как часть национальной безопасности
2010 Закон № 390-ФЗ «О безопасности»	Рассматривается как часть угроз национальной безопасности	Включают защиту от деструктивного информационного воздействия	Не упоминаются напрямую, но подразумеваются в контексте информационной безопасности	Рассматриваются как часть защиты информационного пространства
2014 Военная доктрина РФ	Рассматривается как часть гибридных конфликтов	Включают защиту от информационного воздействия и киберугроз	Не упоминаются напрямую, но речь идет в т.ч. и о перечне средств защиты национальных интересов России (дипломатические, правовые, экономические, информационные и др. инструменты ненасильственного характера)	Не упоминаются, но речь идет и о защите информационной инфраструктуры

Окончание таблицы 3 / Table 3 (continued)

Год. Документ / Year. Doc.	Информационная война / Information warfare	Информационные операции / Information operations	Психологические операции / Psychological operations	Кибероперации / Cyber operations
2016 Доктрина информационной безопасности РФ (обновление)	Рассматривается как угроза суверенитету и национальной безопасности	Включают защиту информационного пространства и противодействие дезинформации	Становятся частью информационного противоборства	Основной инструмент защиты информационного пространства
2017 Указ Президента РФ № 203 «О стратегии развития информационного общества»	Часть стратегии развития информационного общества	Включают защиту персональных данных и информационной инфраструктуры	Не упоминаются напрямую, но подразумеваются в контексте информационной безопасности	Часть защиты информационной инфраструктуры
2021 Стратегия национальной безопасности РФ	Часть глобальных угроз национальной безопасности	Включают защиту от киберугроз и дезинформации	Становятся частью стратегии информационного противоборства	Ключевой элемент национальной безопасности
2022 Указ Президента РФ № 809 «О традиционных духовно- нравственных ценностях»	Часть идеологического и культурного противостояния	Включают защиту традиционных ценностей и противодействие дезинформации	Становятся частью защиты культурного суверенитета	Используются для защиты информационного пространства и культурных ценностей
2023 Концепция внешней политики РФ	Часть глобальной стратегии безопасности	Включают защиту от внешнего информационного воздействия	Становятся частью внешнеполитической стратегии	Ключевой элемент глобальной безопасности

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

и возрастание его значения в геополитических стратегиях государств;

5) несмотря на различия в подходах, все три субъекта политики (Россия, США и НАТО) признают возрастающую роль информационного противоборства в современной геополитике. Однако если западные страны акцентируют внимание на активном использовании информационных технологий для достижения стратегических целей, то Россия делает упор на защиту от внешних угроз и сохранение суверенитета в информационном пространстве. Эти

различия подчеркивают необходимость дальнейшего изучения и сравнения нормативных подходов к информационной войне для понимания ее роли в современных международных отношениях.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она способствует пониманию динамики эволюции концепции информационных войн в различных правовых системах и может быть полезна специалистам в области международного права, информационной безопасности, исследователям информационного противоборства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fridman O. Russian “hybrid Warfare”: Resurgence and Politicisation. Oxford: *Oxford University Press*; 2018. 237 p. DOI: 10.1093/oso/9780190877378.003.0001
2. Mumford A., Carlucci P. Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means. *European Journal of International Security*. 2022;8:1–20. DOI: 10.1017/eis.2022.19

3. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books; 1990. 307 p.
4. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
5. Nye J. Smart power and the war on terror. *Asia-Pacific Review*. 2008;15(1):1–8. DOI: 10.1080/13439000802134092.
6. Rid T. Active Measures: The secret history of disinformation and political warfare. New York: Farrar, Straus and Giroux; 2020. 512 p.
7. Arquilla J., Ronfeldt D., eds. Networks and netwars: The future of terror, crime, and militancy. Santa Monica: RAND Corporation; 2001. 372 p. DOI: 10.7249/mr1382osd
8. Rid T. Cyber war will not take place. Oxford: *Oxford University Press*; 2013. 218 p.
9. Libicki M. C. What is information warfare? Washington: National Defense University; 1995. 110 p.
10. Carey J. W. Communication as culture: Essays on media and society. New York: Psychology Press; 1992. 241 p.
11. Панарин И. Н. Гибридная война и Ялта-2. Москва: Горячая линия-Телеком; 2022; 452 с.
12. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 256 с.
13. Фролов Д. Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений: дис. д-ра полит. наук. Москва: Рос. акад. гос. службы; 2006. 426 с.
14. Гриняев С. Н. Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и средства ведения информационной войны. Минск: Харвест; 2004. 448 с.
15. Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект. *Политическая лингвистика*. 2016;(2):10–16.
16. Попадюк А. Э. Информационная война как фактор дестабилизации института президентства в Российской Федерации: дис. канд. полит. наук. Москва: Моск. гос. ун-т; 2021. 180 с.
17. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. Москва: Алгоритм; 2015. 254 с.
18. Ткаченко С. В. Информационная война против России. Санкт-Петербург: Питер; 2011. 224 с.
19. Mazarr M. J. Mastering the gray zone: Understanding a changing era of conflict. Carlisle: Strategic Studies Institute; 2015. 120 p.
20. Сорокин И. О. Информационные войны как феномен постиндустриального (информационного) общества: основные парадигмы. *Журнал политических исследований*. 2025;(1):25–40. DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-1-25-40
21. Deppe C., Schaal G. Cognitive warfare: A conceptual analysis of the NATOACT cognitive warfare exploratory concept. *Front. Big Data*. 2024;7:1452129. DOI: 10.3389/fdata.2024.1452129

REFERENCES

1. Fridman O. Russian “hybrid Warfare”: Resurgence and Politicisation. Oxford: *Oxford University Press*; 2018. 237 p.
2. Mumford A., Carlucci P. Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means. *European Journal of International Security*. 2022;8:1–20. DOI:10.1017/eis.2022.19.
3. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books; 1990. 307 p.
4. Nye J. Soft power: The Means to success in world politics. New York: Public Affairs; 2004. 191 p.
5. Nye J. Smart power and the war on terror. *Asia-Pacific Review*. 2008;15(1):1–8. DOI: 10.1080/13439000802134092
6. Rid T. Active measures: The secret history of disinformation and political warfare. New York: Farrar, Straus and Giroux; 2020. 512 p.
7. Arquilla J., Ronfeldt D., eds. Networks and Netwars: The future of terror, crime, and militancy. Santa Monica: RAND Corporation; 2001. 372 p.
8. Rid T. Cyber war will not take place. Oxford: *Oxford University Press*; 2013. 218 p.
9. Libicki M. C. What is information warfare? Washington: National Defense University; 1995. 110 p.
10. Carey J. W. Communication as culture: Essays on media and society. New York: Psychology Press; 1992. 241 p.
11. Panarin I. N. Hybrid war and Yalta-2. Moscow: Goryachaya liniya-Telekom; 2022. 452 p. (In Russ.).
12. Panarin I. N. The first world information war: The collapse of the USSR. Saint Petersburg: Piter; 2010. 256 p. (In Russ.).
13. Frolov D. B. Information warfare in the sphere of geopolitical relations: Dr. polit. sci. diss. Moscow: Ros. akad. gos. sluzhby; 2006. 426 p. (In Russ.).
14. Grinyaev S. N. Battlefield — cyberspace: Theory, techniques, tools, methods and means of information warfare. Minsk: Harvest; 2004. 448 p. (In Russ.).

15. Vasiliev A.D., Podsokhin F.E. Information warfare: Linguistic aspect. *Politicheskaya lingvistika*. 2016;(2):10–16. (In Russ.).
16. Popadyuk A.E. Information warfare as a factor of destabilization of the institution of the presidency in the Russian Federation: PhD polit. sci. diss. Moscow: Mosk. gos. un-t; 2021. 180 p. (In Russ.).
17. Pocheptsov G.G. Information wars: A new tool of politics. Moscow: Algoritm; 2015. 254 p. (In Russ.).
18. Tkachenko S.V. Information war against Russia. Saint Petersburg: Piter; 2011. 224 p. (In Russ.).
19. Mazarr M.J. Mastering the gray zone: Understanding a changing era of conflict. Carlisle: Strategic Studies Institute; 2015. 120 p.
20. Sorokin I.O. Information wars as a phenomenon of post-industrial (information) society: Main paradigms. *Journal of Political Research*. 2025;(1):25–40. (In Russ.). DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-1-25-40
21. Deppe C., Schaal G. Cognitive warfare: A conceptual analysis of the NATOACT cognitive warfare exploratory concept. *Front. Big Data*. 2024;7:1452129. DOI: 10.3389/fdata.2024.1452129

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Илья Олегович Сорокин — ассистент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Ilya O. Sorokin — Assis. at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; postgraduate student at the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0003-9927-4270>

IOSorokin@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-114-121

УДК 378.147:159.923+316.472.4(045)

Применение концепции социального стиля для организации взаимодействия преподавателей и студентов на занятиях

М.В. Логина, О.И. Максимова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью установления гармоничных межличностных отношений в контексте преподавательской практики и разработки эффективных стратегий взаимодействия со студентами на основе концепции социального типа человека. В публикации рассматривается концепция, определяющая четыре стиля поведения, которые отражают поведенческие особенности индивидов, приоритеты их действий в отношении достижения цели и установления взаимоотношений. Отмечается необходимость использования этой информации в процессе проведения занятий по английскому языку. Приводятся виды заданий, которые более успешно выполняются студентами – представителями того или иного социального типа в силу особенностей их восприятия и анализа материала, а также специфики взаимодействия с окружающими. Делается вывод о том, что полученные данные можно использовать с целью повышения эффективности учебного процесса.

Ключевые слова: социальный стиль поведения; межличностное общение; эффективное взаимодействие; адекватная идентификация; коммуникативная стратегия; комфортная атмосфера; ключевые факторы

Для цитирования: Логина М.В., Максимова О.И. Применение концепции социального стиля для организации взаимодействия преподавателей и студентов на занятиях. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):114-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-114-121

ORIGINAL PAPER

The Application of Social Style Concept for the Organization of Interaction Between Teachers and Students in the Classroom

M.V. Logina, O.I. Maksimova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The relevance of the article is due to the need to establish harmonious interpersonal relations within the context of teaching practice and to develop effective strategies for interaction with students based on the concept of a social type of person. The publication examines the concept that defines four behavioral styles that reflect the behavioral characteristics of individuals, the priorities of their actions in relation to achieving goals and establishing relationships. It is noted that it is necessary to use this information in the process of conducting English classes. The types of tasks that are more successfully performed by students representing a particular social type due to the peculiarities of their perception and analysis of the material, as well as the specifics of interaction with others, are given. It is concluded that the data obtained can be used to improve the effectiveness of the educational process.

Keywords: social style of behavior; interpersonal communication; effective interaction; adequate identification; communication strategy; comfortable atmosphere; key factors

For citation: Logina M.V., Maksimova O.I. The application of social style concept for the organization of Interaction between teachers and students in the classroom. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025; 15(2):114-121. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-114-121

ВВЕДЕНИЕ

Успешность и плодотворность межличностного общения служит фактором, определяющим успех во многих аспектах жизни: от построения профессиональных отношений до достижения личных целей. Это в полной мере относится к процессу обучения, который «является бинарным, двуединым процессом, процессом, который осуществляется между субъектами, путем эффективного взаимодействия между ними. Ведущую роль при построении этого взаимодействия играет преподаватель» [1, с. 170]. Эффективное общение необходимо рассматривать не как простую передачу информации, а как многогранный процесс, включающий в себя понимание различных стилей взаимодействия и способность адаптироваться к ним. Взаимопонимание, т.е. «состояние совместимости и взаимности деятельности и межличностных отношений, ожидание адекватной идентификации, готовность к ней», [2, с. 216], правильная оценка поведенческих особенностей учащегося позволит создать взаимоотношения «преподавателя и студента как независимых личностей по достижению общих целей, реализуемых в совместной деятельности на принципах равенства, добровольности, равнозначимости и дополнителности участников образовательного процесса, устранить «психологический барьер», создать положительную мотивацию для общения, атмосферу доброжелательности и эмоционального благополучия» [3, с. 278].

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Основой может служить модель социальных стилей, разработанная специалистами корпорации Wilson Learning по результатам многолетних исследований с участием более двух миллионов человек [4, с. 12].

Модель (см. рисунок) представляет собой информационную матрицу, выстроенную на пересечении двух осей. Горизонтальная ось отражает уровень уверенности в себе, в своих силах, степень инициативности и напористости, стремление воздействовать на окружающих (assertiveness), в то время как показатель, определяющий чуткость, отзывчивость, восприимчивость, степень эмоциональной выразительности и ориентации на отношения (responsiveness), отражается вертикальной осью.

На противоположных концах оси абсцисс расположены показатели, характеризующие людей, избегающих прямолинейного воздействия на окружающих, более сдержанных индивидов, предпочитающих предлагать идеи для осмысления, а не делать резкие, декларативные заключения (слева),

и тех, кто склонен к прямолинейности, общению без обиняков и околичностей, берущих инициативу общения в свои руки (справа). Ось ординат отражает показатели, характеризующие спектр приоритетов по отношению к достижению цели (верхняя часть диапазона) и человеко-ориентированность, стремление выстроить долгосрочные взаимоотношения на основе общих ценностей и интересов (нижняя часть диапазона). Межосевые пространства, собственно, и определяют принадлежность поведения человека к одному из четырех социальных стилей: ведущий (driver), аналитический (analytical), экспрессивный (expressive), доброжелательный (amiable).

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Исследователи отмечают, что люди, стиль поведения которых можно охарактеризовать как «ведущий» и «экспрессивный» (правая часть матрицы), стремятся к сотрудничеству, действуют быстро, не особо раздумывая, склонны рисковать, принимают ответственность на себя, разговорчивы и коммуникабельны. «Аналитики» и «дружелюбные» же (левая часть матрицы) не стремятся к сотрудничеству, поступают осмотрительно, действуют после всестороннего анализа, стремятся избегать возможного риска, стараются не брать на себя ответственность, молчаливы, в общении склонны больше слушать. В то же время люди, которым свойственны «экспрессивный» и «дружелюбный» стили поведения (нижняя часть матрицы) обладают высоким уровнем эмоциональности и слабым самоконтролем, любят быть в центре внимания, ориентированы на межличностные отношения, открыты и искренны в общении с посторонними, проявляют горячность в поведении, порой строят отношения с окружающими исходя из своего настроения и воспринимают любые замечания на свой счет, при этом стремятся устанавливать позитивные взаимоотношения с окружающими. «Аналитики» и «ведущие» (верхняя часть матрицы) дисциплинированы, серьезные, вдумчивы, спокойны, ориентированы на решение проблем, способны разрешать конфликты, не позволяют эмоциям окружающих влиять на их поведение и принимаемые решения [5].

Более детально можно описать типичное поведение различных социальных типов следующим образом.

«Ведущие» (верхний правый квадрант) характеризуются высокой ассертивностью и низкой

Рис. / Fig. Информационная матрица социальных стилей / The information matrix of social styles

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

отзывчивостью. Они демонстрируют инициативность, решительность и нацеленность на результат, предпочитают прямолинейное общение, быстро принимают решения и ориентированы на достижение целей. Сильными сторонами этого социального стиля являются: высокая эффективность и продуктивность, уверенность в себе и готовность брать на себя ответственность, способность к быстрому принятию решений и инициативе, нацеленность на результат и умение мотивировать себя и других. Однако возможные сложности в общении могут быть вызваны прямолинейностью, которая может восприниматься как грубость или неуважение, низкой отзывчивостью, которая может создавать впечатление эмоциональной холодности, стремлением к контролю, которое может вызывать конфликты в межличностных отношениях.

«**Экспрессивные**» люди (нижний правый квадрант) приносят в общение энергию, вдохновение и стремление к большим целям. Они быстро делятся идеями и стремятся вовлечь окружающих в свою работу. Они охотно берут инициативу и действуют на основе интуиции. Их энтузиазм заразителен, они стимулируют командный творческий процесс и могут расширить горизонты мышления коллег. «**Экспрессивные**» люди энергичны и креативны. Их социальность проявляется во взаимодействии и общении, и им удобнее фокусироваться на людях, нежели на задачах.

«**Аналитики**» (верхний левый квадрант) — это категория людей, чье поведение характеризуется ориентацией на факты, данные и логический ана-

лиз. Они предпочитают структурированный подход к решению задач и тщательно взвешивают все альтернативы перед принятием решения. Аналитики, как правило, демонстрируют низкую ассертивность и низкую отзывчивость. При этом «аналитики» стремятся к объективной информации и доказательствам, прежде чем сформировать мнение или принять решение. Они тщательно изучают все доступные данные, стремясь минимизировать риски. В общении «аналитики», как правило, сдержаны и не склонны к ярким эмоциональным проявлениям. Они предпочитают факты интуиции личным чувствам. «Аналитики» предпочитают структурированные процессы и четко определенные шаги в решении задач. Они стремятся к точности и последовательности, системности и организованности. «Аналитики» часто осторожны в завязывании новых отношений и не делятся личной информацией до установления доверительных отношений. Они, как правило, склонны следовать установленным правилам, политикам и процедурам. «Аналитики» ценят точность, структуру и обоснованность. Они предпочитают медленный, рациональный подход к решению проблем.

«**Дружелюбные**» (нижний левый квадрант) стремятся к гармоничным отношениям, но часто скрывают свои истинные чувства, чтобы не вызывать конфликты. Они не спешат с принятием решений и могут казаться пассивными, даже если в глубине души переживают изменения. Они больше сосредоточены на людях, участвующих в процессе, чем на самой задаче. Для них очень важны совместная

работа, поддержка и согласие. Однако они не всегда открыто выражают свои мысли и чувства и не торопятся с принятием решений. Они легко сходятся с людьми и стремятся к гармонии в отношениях, дипломатичны, стараются избегать конфликтов, готовы помогать и поддерживать окружающих. Сильная сторона «дружелюбных» состоит в том, что они прекрасные советчики, заботятся о создании комфортной атмосферы в команде, поддерживают других людей, оценивая их вклад и достижения. Однако им нужно время, чтобы построить отношения, и они предпочитают получить максимум информации, прежде чем принять решение. Им также важны открытость и доверие в отношениях, поддержка окружающих. Они ценят гарантии и боятся непредвиденных обстоятельств.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ

Практическое применение вышеописанной модели состоит в том, что она является источником тонких инструментов и возможностей для установления гармоничных межличностных отношений в контексте преподавательской практики, разработки эффективных стратегий взаимодействия со студентами — представителями того или иного социального стиля. Понимание их ценностей, особенностей поведения, способов восприятия информации и ожиданий от общения, т.е. адаптация нужной коммуникативной стратегии, позволит преподавателю построить продуктивные взаимоотношения, создать комфортную атмосферу на занятиях, успешно разрешая возможные конфликтные ситуации, и повысить качество учебного процесса. На занятиях важно учитывать следующие аспекты.

Студенты-«аналитики» лучше воспринимают информацию в структурированной форме (письменно, с четкими заголовками, графиками, таблицами). Поэтому их работы по выполнению описания числовой информации, представленной в табличной, схематической или графической форме (подобные Заданию 1 Академического модуля экзамена IELTS) отличаются точной структурой и глубоким анализом. Студенты-«аналитики» плохо реагируют на излишнюю информацию и необоснованные утверждения, предпочитают четкое обоснование утверждения. При работе с ними следует избегать излишней эмоциональности, общих утверждений и личных мнений, нужно обращаться к фактам и данным, демонстрировать свое понимание их точек зрения. «Аналитики» ценят самостоятельный анализ и принятие решений. Их презентации следуют четко разработанному плану, отличаются

всесторонним анализом проблемы и продуманностью предложенных решений. На занятиях, вместо навязывания своей точки зрения, следует использовать вопросы, стимулирующие их собственные рассуждения. Например, вместо утверждения: «We should focus on the following aspects...», предпочтительнее сформулировать вопрос: «What do you think is the best approach to ... Which factors should be taken into consideration?» Предложение нескольких вариантов с подробным обоснованием каждого также будет целесообразным. Кроме того, «аналитикам» свойственно активное слушание и внимательность к мелким деталям, которые могут быть пропущены другими. Нужно учитывать и то, что «аналитики» часто тщательно взвешивают все варианты перед принятием решения. Необходимо предоставлять им достаточно времени для анализа информации и формирования собственного мнения. В целом адаптация стиля общения к особенностям социального типа «аналитики» подразумевает более формальный, структурированный и фактологический подход, который учитывает их потребность в точности, логике и тщательном анализе информации.

Четкость, эффективность и ориентация на результат — ключевые факторы в работе со *студентами-«ведущими»*. Следует избегать длинных вступлений и излишней информации, предоставлять им конкретные данные, избегая общих рассуждений, обеспечивать возможность выбора, подчеркивая самостоятельность студента в принятии решений. Как и студентам-«аналитикам», им легче и лучше дается решение кейсов, написание четко-структурированных и логически выверенных отчетов (reports) и предложений (proposals), а грамматический материал, представленный в табличной форме, ими усваивается быстрее. Кроме того, таким обучающимся «важно ощущать активный контроль над аспектами своей учебной жизни, когда они не просто получают знания от преподавателя, а самостоятельно добывают его во время творческого поиска, оценивают результаты своего труда, выстраивают собственную модель познания, а вклад преподавателя состоит в том, что он организует обучение таким образом, что выступает в основном в роли советчика, наставника, помогает обучающимся сделать выбор в использовании эффективной когнитивной стратегии» [6].

При работе со студентами, социальный стиль которых определяется как «дружелюбный», следует уделять особое внимание созданию атмосферы доверия и уверенности, проявлять искреннюю заинтересованность в их мыслях и чувствах, не

торопить их с принятием решений, в трудных ситуациях оказывать им необходимую поддержку. Поощрительная оценка «Good job!» или «Well done!» никогда не будет лишней.

Взаимодействие с «экспрессивными» студентами будет успешным, если удастся создать атмосферу доверия и установить личный контакт. Следует показывать свою заинтересованность в таких студентах как в личностях, делиться позитивной обратной связью, задавать открытые вопросы для выявления приоритетов таких студентов, активно слушать и запрашивать их идеи. Работа с «экспрессивными» студентами может быть плодотворной и увлекательной, так как им свойственна готовность и способность стимулировать творческий обмен идеями. Такие студенты, как правило, охотно отзываются на вопрос «Who will start the ball rolling?» в начале группового обсуждения. Однако такая работа может потребовать терпения, так как «экспрессивные» студенты могут отвлекаться на детали, отклоняться от темы, уводя дискуссию от заданной темы и целевой лексики. Творческие задания, например, ролевые игры или групповая проектная работа, особенно интересны «экспрессивным» студентам. Работая над проектом в «команде», такой студент «выступает и как социальное лицо, соотносящее свои личные интересы с общественными, и как творческое лицо, пробуждающее предложить новые решения отдельных жизненных проблем» [7, с. 140]. Кроме того, проектный метод позволяет студентам развивать «ценностные ориентиры (коммуникабельность, предприимчивость, самостоятельность, организационную и управленческую компетентность» [8].

Думается, что применение описанных выше стратегий на занятиях позволит преподавателям установить эффективные взаимоотношения со студентами, способствующие лучшему и скорейшему достижению образовательных целей на занятиях по английскому языку, «стимулировать активность студентов, их самостоятельность, инициативу и создавать условия для самореализации, самораскрытия творческих возможностей обучаемых» [7, с. 139].

ВЫВОДЫ

В целом понимание социальных типов может значительно улучшить процесс взаимодействия между преподавателями и студентами. Распознавая социальные типы, преподаватели смогут применять стратегии, учитывая стили обучения различных групп.

Помимо учета предпочтений в обучении, включение социальных типов в классное взаимодейст-

вие также позволяет установить более глубокую связь между учениками и учителями. Когда преподаватели признают существование различных социальных типов в группе, они демонстрируют уровень сочувствия и понимания, что может повысить вовлеченность учащихся. Студенты смогут чувствовать себя более комфортно и уверенно, что может привести к повышению мотивации и активности.

Результаты исследований показывают, что формирование мотивации студента к изучению иностранных языков зависит от стиля взаимодействия преподавателя и студента: придерживаясь определенной тактики поведения, преподаватель может улучшить не только успеваемость учащихся, но и их эмоциональное состояние, которое определяет выбор студента либо в пользу полноценного участника образовательного процесса, либо стороннего наблюдателя на занятиях [9, с. 70].

Применение социальных типов выходит за рамки типовых коммуникаций «ученик — учитель» и влияет на взаимодействие сверстников в группе. Осознавая различия между социальными типами студентов, преподаватели могут создать среду совместного обучения, в которой разнообразие будет признаваться и цениться. Такой подход сможет побудить обучающихся использовать сильные стороны друг друга, способствуя формированию культуры сотрудничества и поддержки в группе.

Несмотря на все положительные стороны практического применения социальных типов в образовательной среде, эта технология может вызывать некоторые трудности. Педагогам не следует загонять учеников в жесткие рамки, а рекомендуется стремиться использовать социальные типы в качестве гибкой, а не детерминированной модели, обеспечивая при этом учет меняющихся характеристик и потребностей каждого ученика.

Важно осознавать, что интеграция социальных типов в образовательную практику требует постоянного профессионального развития. Педагогам стоит расширять свое понимание психологических концепций и соответствующим образом адаптировать свои методики. Знаний одной только педагогической теории недостаточно, нужна открытость к экспериментам и обратной связи. Применяя дифференцированный подход к студентам в обучении английскому языку, преподавателям необходимо уделять «особое внимание индивидуальным характеристикам, потребностям и предпочтениям каждого студента. Такая пер-

социализация учебного процесса соответствует новейшим научным подходам и педагогическим стратегиям. Это позволяет студентам более эффективно усваивать материал, делая учебный процесс более гибким и отзывчивым» [10]. При этом важно помнить, что исследователи выделяют следующие цели дифференциации: обучающая, развивающая и воспитывающая. «Обучающая цель заключается в усовершенствовании знаний, умений и навыков, углублении и расширении знаний учащихся, исходя из их интересов и специальных способностей. Развивающая цель направлена на формирование и развитие логического мышления, креативности и умений учебного труда при опоре на зону ближайшего развития ученика. Воспитывающая цель подразумевает создание предпосы-

лок для развития интересов и специальных способностей учащегося с учетом имеющихся у него познавательных интересов, в создании новых, положительных эмоций, благотворно влияющих на учебную мотивацию и отношение к учебной деятельности» [11, с. 191].

Применение концепции социальных типов представляет собой перспективное направление для улучшения взаимодействия между учителями и учениками на уроках английского языка. Признавая и понимая различные личностные архетипы в классе, педагоги могут создать более персонализированный и увлекательный образовательный опыт. Такой гибкий подход к преподаванию может привести к созданию более инклюзивной и эффективной среды обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тасева Д. С. Роль преподавателя в построении эффективного взаимодействия между основными субъектами процесса обучения в высшем медицинском училище. Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции аспирантов, молодых ученых и магистрантов. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017;242:169–175. URL: <https://elibrary.ru/zdewwx>
2. Матушак А. Ф. Взаимодействие преподавателей и студентов в образовательном процессе вуза. Социально-экономическое развитие регионов России: реалии современности, тенденции, перспективы: материалы I Международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал РАНХиГС. 2016;247:216–218. URL: <https://elibrary.ru/weoioh>
3. Мутовкина О. М. Педагогическая целесообразность диалогического взаимодействия преподавателя и студентов на занятиях по иностранному языку. Научно-методические подходы к формированию образовательных программ подготовки кадров в современных условиях: сборник статей III Региональной межвузовской научно-практической конференции. Москва: Московский государственный областной университет. 2016;302:278–281. URL: <https://elibrary.ru/wjohzh>
4. Kramlinger T. The Social Styles. Handbook: Adapt Your Style to Win Trust. USA: WinSource Publishing LLC; 2011. 192 p.
5. Пауков С. В. Применение концепции социального типа человека в процессе обучения работников здравоохранения. *Педразвитие*. URL: <https://pedrazvitie.ru/servisy/publik/publ?id=14322>
6. Цветкова А. В. Взаимодействие преподавателя и студента как один из аспектов эффективного образовательного процесса. *Мир науки, культуры, образования*. 2024;1(104):209–212. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-209-212
7. Конышева А. В. Проектная методика в контексте социально-значимого взаимодействия преподавателя и студентов на занятиях по иностранному языку. Пути, тенденции и направления развития социальной сферы: материалы II Международной научно-практической конференции. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова; 2009;363:139–141. URL: <https://elibrary.ru/icjmjg>
8. Муталапова А. Х. Проектная деятельность как способ социализации студентов на занятиях по иностранному языку в вузе. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016;12(4):62–65. URL: <https://elibrary.ru/xecdst>
9. Ivanova M., Shlenskaya N., Mekeko N., Kashkarova T. The influence of the teaching style of communication on the motivation of students to learn foreign languages. *Journal of Language and Education*. 2019;5(2):67–77. URL: 10.17323/jle.2019.9695
10. Каримова К. С. Адаптивное обучение в преподавании английского: индивидуализированный подход к каждому студенту. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2023;4(68):211–218. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5128/; <https://elibrary.ru/suddwb>

11. Корепанова А.А. Стили обучения в педагогической деятельности. Современные педагогические технологии: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; 2022:188–196. URL: <https://elibrary.ru/grroye>

REFERENCES

1. Taseva D.S. The role of the teacher in building effective interaction between the main subjects of the learning process in higher medical school. Research potential of young scientists: a look into the future: Collection of materials of XIII Regional Scientific and Practical Conference of postgraduate students, young scientists and graduate students. Tula: L.N. Tolstoy TSPU. 2017;242:169–175. URL: <https://elibrary.ru/zdewwx> (In Russ.).
2. Matushak A.F. Interaction of teachers and students in the educational process of higher education institution. Socio-economic development of Russian regions: realities of modernity, trends, prospects: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference. Kaliningrad: Western branch of RANEPa; 2016.247:216–218. URL: <https://elibrary.ru/weoioh> (In Russ.).
3. Mutovkina O.M. Pedagogical expediency of dialogue interaction between teacher and students in foreign language classes. Scientific and methodological approaches to the formation of educational training programmes in modern conditions: Collection of articles of the III Regional interuniversity scientific-practical conference. Moscow: Moscow State Regional University. 2016;302:278–281. URL: <https://elibrary.ru/wjohzh> (In Russ.).
4. Kramlinger T. The Social Styles. Handbook: Adapt Your Style to Win Trust. USA: WinSource Publishing LLC; 2011. 192 p.
5. Paukov S.V. Application of the concept of social type of a person in the process of training health care workers. *Pedrazvitie*. URL: <https://pedrazvitie.ru/servisy/publik/publ?id=14322> (In Russ.).
6. Tsvetkova A.V. Interaction between teacher and student as one of the aspects of effective educational process. *The world of science, culture and education*. 2024;1(104):209–212. (In Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-209-212
7. Konysheva A.V. Project methodology in the context of socially significant interaction between teacher and students in foreign language classes. Ways, tendencies and directions of social sphere development: Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov; 2009;363:139–141. URL: <https://elibrary.ru/icjmgj> (In Russ.).
8. Mutalapova A.H. Project activity as a way of students' socialisation at foreign language classes in higher education. *Actual problems of humanitarian and natural sciences*. 2016;12(4):62–65. URL: <https://elibrary.ru/xecdst> (In Russ.).
9. Ivanova M., Shlenskaya N., Mekeko N., Kashkarova T. The influence of the teaching style of communication on the motivation of students to learn foreign languages. *Journal of Language and Education*. 2019;5(2):67–77. URL: 10.17323/jle.2019.9695
10. Karimova K.S. Adaptive learning in teaching English: Individualised approach to each student. *Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2023;4(68):211–218. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5128/; <https://elibrary.ru/suddwb> (In Russ.).
11. Korepanova A.A. Styles of learning in pedagogical activity. Modern pedagogical technologies: Collection of articles on materials of the All-Russian scientific-practical conference. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University; 2022:188–196. URL: <https://elibrary.ru/grroye> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Мария Владимировна Логина — старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maria V. Logina — Senior Lecturer, Department of English Language for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8722-0078>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

mvlogina@fa.ru

Ольга Игоревна Максимова — старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga I. Maksimova — Senior Lecturer, Department of English Language for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7096-4724>

oimaksimova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2025; принята к публикации 20.05.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.05.2025; accepted for publication on 20.05.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Инженерия подсказок при обучении английскому языку: теория и практика

Е.М. Захцер

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье представлена концепция «пром프트-инжиниринга» (инженерии подсказок) как важной составляющей современной практики взаимодействия с системами искусственного интеллекта (ИИ), особенно в образовательной и учебно-методической среде. Предлагается краткий исторический экскурс в развитие технологий ИИ и постепенное формирование искусства пром프트-инжиниринга, главной целью которого является получение максимально релевантного и точного ответа модели ИИ за счет правильно написанных инструкций. Формулируются ключевые понятия, связанные с инженерией подсказок, и выделяются ее особенности как нового междисциплинарного инструмента, находящегося на стыке лингвистики, педагогики, когнитивной психологии и информационных технологий. Особое внимание уделяется процессу создания эффективных подсказок (запросов), правилам их построения, распространенным ошибкам и техникам их написания с учетом целей обучающихся (пользователей) и характера поставленной задачи. Теоретическая часть сопровождается подробными практическими примерами использования этих техник и их комбинаций при обучении иностранному языку в неязыковых вузах. Описан пошаговый алгоритм, позволяющий адаптировать большой объем учебного материала для целей промежуточной или итоговой аттестации по дисциплине «Английский язык в профессиональной сфере», включая генерацию текстов разного уровня лексической и грамматической сложности, ментальных карт и средств самоконтроля. Статья содержит практические рекомендации по организации самостоятельной работы с ИИ-моделями для обучающихся с разным уровнем владения языком, мотивированностью, выбранной учебной стратегией и интеллектуальной готовностью к обучению. В заключении приводятся результаты применения описанных техник пром프트-инжиниринга и анализируется их потенциальное влияние на качество обучения, успеваемость, вовлеченность и развитие языковой самостоятельности обучающихся.

Ключевые слова: инженерия подсказок; пром프트-инжиниринг; ИИ-модель; запросы; английский язык для профессиональных целей; самостоятельное обучение с помощью ИИ

Для цитирования: Захцер Е.М. Инженерия подсказок при обучении английскому языку: теория и практика. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):122-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-122-139

ORIGINAL PAPER

Prompt Engineering in English Language Teaching: Theory and Practice

E.M. Zakhtser

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article presents the concept of “prompt engineering” as an important component of modern practice of interaction with artificial intelligence (AI) models, especially in educational and teaching and learning environments. A brief historical overview into the development of AI technologies and the gradual formation of the art of Prompt Engineering, the main goal of which is to obtain the most relevant and accurate response of an AI model through correctly written instructions, is proposed. Key concepts related to Prompt Engineering are formulated and its features are highlighted as a new interdisciplinary tool located at the intersection of linguistics, pedagogy, cognitive psychology and information technology. Special attention is paid to the process of creating effective prompts (queries), rules of their construction, common mistakes and techniques of their writing taking into account the goals of learners (users) and the nature of the task. The theoretical part is accompanied by detailed practical examples of using these techniques and their combinations in teaching a foreign language at non-language universities. The article describes a step-by-step algorithm that allows to adapt a large amount of educational material for the purposes of interim or final certification in the discipline “English for professional purposes”.

including the generation of texts of different levels of lexical and grammatical complexity, mental maps and means of self-control. The article contains practical recommendations for organising independent work with AI models for students with different levels of language proficiency, motivation, chosen learning strategy and intellectual readiness for learning. It concludes with the results of the application of the described prompt-engineering techniques and analyses their potential impact on the quality of learning, achievement, engagement and development of learners' linguistic independence.

Keywords: hint engineering; industrial engineering; AI model; queries; English for professional purposes; self-study using AI

For citation: Zakhtser E.M. Prompt engineering in english language teaching: Theory and practice. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):122-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-122-139

ВВЕДЕНИЕ

Современное высшее образование переживает период глубоких преобразований, во многом обусловленных интеграцией цифровых технологий и появлением технологий ИИ. Способность эффективно взаимодействовать с генеративными моделями и чат-ботами на основе ИИ приобретает особое значение. Однако методические подходы к обучению проектированию подсказок (пром프트-инжинирингу), особенно в контексте преподавания английского языка в неязыковых вузах, остаются недостаточно разработанными. Существующий пробел в научной и педагогической литературе влияет на качество интеграции средств ИИ в образовательный процесс.

Настоящая статья направлена на его восполнение. В ней изложен алгоритмический подход к адаптации педагогических материалов с использованием ИИ в контексте обучения английскому языку в профессиональной сфере. Представленные материалы предназначены для преподавателей, методистов и студентов, стремящихся повысить качество языкового образования в условиях цифровой трансформации.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ И ИНЖЕНЕРИЯ ПОДСКАЗОК

Известно, что ответ во многом зависит от того, как сформулирован вопрос. В последнее время в связи с появлением интернета вещей и приходом в жизнь современного человека виртуальных голосовых помощников и умных колонок типа Алисы все чаще можно услышать высказывание (авторство приписывают Урсуле К. Ле Гуин) о том, что искаженный или неверно поставленный вопрос не может дать по-настоящему «правильный» ответ [1]. Джон Тьюки своей формулировкой аналогичной мысли: «Куда лучше приблизительный ответ на правильный вопрос, который зачастую остается расплывчатым, чем точный ответ на неправильный вопрос, который всегда можно сделать однозначным», ставшей афоризмом в статистике и науке о данных, подчеркивает важность умения правильно формулировать

задачу [2]. Поэтому появление такой дисциплины, как инженерия подсказок (пром프트-инжиниринг), неудивительно. Всем нам, а подрастающему поколению в особенности, сегодня, в цифровую эпоху, необходимо научиться правильно задавать вопросы искусственному интеллекту (ИИ) [3].

Прежде чем перейти к конкретике, разберемся с определениями. Само понятие ИИ динамично и трактуется как система, способная обрабатывать данные способом, напоминающим осознанное поведение [4].

Генеративный ИИ — это технология искусственного интеллекта, автоматически генерирующая контент в ответ на подсказки, написанные на естественном языке. Генеративный ИИ обучается на основе данных, собранных с веб-страниц, бесед в социальных сетях и других онлайн-медиа. Он генерирует свой контент путем статистического анализа распределения слов, пикселей и других элементов полученных данных, а также выявления и повторения общих закономерностей (например, какие слова обычно следуют за другими словами). Хотя генеративный ИИ может создавать новый контент, он не может генерировать новые идеи или решения реальных задач, поскольку не понимает объекты реального мира или социальные отношения, лежащие в основе языка [5].

Поведение моделей генеративного ИИ, несмотря на их мощь и разнообразие используемых технологий, некоторые из которых представлены в табл. 1, очень сильно зависит от подсказок.

О ПОДСКАЗКАХ В ДЕТАЛЯХ

Подсказки (промпты) — инструкции или вопросы, задаваемые генеративной модели для создания нового контента. Это не значит, что ИИ понимает подсказки или осознает свои же ответы¹.

Подсказки на практике настраивают веса модели — числовые значения для набора параметров,

¹ Jones Tim M. A neural network deep dive. IBM Developer. 2017. URL: <https://developer.ibm.com/articles/cc-cognitive-neural-networks-deep-dive/>

Техники, используемые в генеративном ИИ / Techniques used in generative AI

Техника / Technic	Описание / Description
Машинное обучение (ML)	Тип ИИ, который за счет анализа данных и выявления закономерностей автоматически улучшает свою производительность. К 2025 г. активно развивается направление интеграции различных источников и типов данных
Искусственная нейронная сеть (ANN)	Подход к ML, вдохновленный строением мозга (сеть «нейронов» и «синапсов»). Используется как в классическом распознавании образов, так и в продвинутых архитектурах трансформеров
Генеративный ИИ для текста	Объединяет несколько методов порождения связного текста на основе больших объемов данных и глубоких нейронных сетей
Общие трансформеры	Тип ANN, способный «внимательно» анализировать различные части входных данных и определять связи между ними. Служит фундаментом для большинства современных текстовых моделей
Большие языковые модели (LLM)	Тип общих трансформеров, обученный на колоссальных корпусах текстовой информации. К 2025 г. получили расширенный контекст (свыше 32k и более токенов) и могут решать широкий круг задач
Генеративный предварительно обученный трансформер (GPT)	Семейство LLM, предварительно обученных на еще больших объемах данных, что позволяет им улавливать нюансы языка и генерировать связный, контекстно-зависимый текст. Современные версии (GPT-4, GPT-5) включают поддержку мультимодальных данных
Мультимодальные модели	К 2025 г. активно применяются в переводе, аналитике данных, диалоговых системах и генерации контента разных типов
Генеративный ИИ для изображений	Различные архитектуры для синтеза реалистичных или стилизованных изображений
Генеративно-состязательные сети (GANs)	Класс нейронных сетей, где «генератор» и «дискриминатор» состязаются, улучшая качество генерируемых изображений. Используются в создании фотореалистичных картинок, стилизации и т.д.
Вариационные автоэнкодеры (VAEs)	Архитектуры, позволяющие «сжимать» и восстанавливать изображения, одновременно порождая новые варианты. Чаще применяются в задачах с относительно низкими требованиями к точности и детализации
Диффузионные модели	Подход к генерации изображений, который завоевал популярность после 2023 г. Шаг за шагом «убирают шум» из случайных данных, формируя итоговую картинку. Отличаются стабильностью обучения и высоким качеством результата

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

определяющих, как модель обрабатывает и генерирует текст — для получения ответа². В такой модели, как GPT-4, существуют миллиарды параметров, и именно веса для этих параметров в совокупности

образуют паттерны, используемые моделью для генерации своих ответов (табл. 2).

В то время как общий подход, включая используемые алгоритмы, в целом объясним, конкретные модели и их параметры, включая эти веса или вероятности, не подлежат проверке, поэтому создание подсказки на сегодняшний день — это скорее искусство, чем наука.

² Jones Tim M. Models for machine learning. IBM Developer. 2017. URL: https://developer.ibm.com/articles/cc-models-machine-learning/?mhsrc=ibmsearch_a&mhq=models%20for%20machine%20learning

Таблица 2 / Table 2

Модель GPT от OpenAI / OpenAI GPT

Модель / Model	Год выпуска / Year of release	Объем обучающих данных / The amount of training data	Количество параметров / Number of parameters	Характеристики / Specifications
GPT-1	2018	40 ГБ	117 млн	Решает задачи обработки естественного языка, такие как дополнение текста и ответы на вопросы
GPT-2	2019	40 ГБ	1,5 млрд	Выполняет более сложные задачи обработки естественного языка, такие как машинный перевод и резюмирование
GPT-3	2020	17000 ГБ	175 млрд	Выполняет сложные задачи: написание связных абзацев, создание целых статей. Адаптируется к новым задачам при минимальном количестве примеров
GPT-3.5	2022	Не раскрыто официально (неизвестно)	Не раскрыто официально (предполагается около 175 млрд)	Использует улучшенную систему обучения с подкреплением от человеческой обратной связи (RLHF), что повышает качество диалогового взаимодействия и предполагает более «человечный» стиль ответов
GPT-4	2023	1000000 ГБ (указано, но не подтверждено)	170000 млрд (указано, но не подтверждено)	Обладает повышенной надежностью и способна обрабатывать более сложные инструкции
GPT-4.5	2024 (возможно)	Не раскрыто (ожидается масштаб больше GPT-4)	Не раскрыто (предполагается увеличение по сравнению с GPT-4)	Возможны улучшения в понимании контекста, более стабильные диалоговые ответы и расширенная способность к мультимодальному восприятию (текст и изображения, аудио)
GPT-5 условное название	2025 или позднее (возможно)	Не раскрыто	Не раскрыто	Существует множество слухов и гипотез: модель может обладать значительно большим числом параметров, более глубокой «понимающей» способностью и потенциальным шагом к AGI (Artificial General Intelligence). Официальная информация отсутствует

Источник / Source: составлено автором / complied by the author.

Так, в 2022 г. в рамках ежегодного художественного конкурса «Цифровое искусство» на ярмарке штата Колорадо работа Джейсона М. Аллена «Космический оперный театр» получила голубую ленту³. Он создал свою работу с помощью программы Midjourney, превратившую строки текста в изображение, и подписал ее как «Jason M. Allen via Midjourney». Известно, что «Космический оперный театр» потребовал от Аллена нескольких недель плотного общения с ИИ, в течение которых генеративная модель предложила ему сотни вариантов изображений одно прекраснее другого. Аллен отказался поделиться скриптом своих подсказок для Midjourney, но сказал, что перевод французского названия «Théâtre D'opéra Spatial» на английский «Space Opera Theater» может помочь желающим повторить его опыт.

Знание того, как написать эффективную и прямую подсказку, оптимизирующую реакцию генеративной модели, позволяет заставить ИИ генерировать более точный и релевантный контент⁴ [6].

Хорошо построенная подсказка содержит инструкции, контекст, входные данные и индикатор вывода.

Инструкции дают модели четкие указания относительно выполнения задания. Контекст помогает определить обстоятельства, в которых должна быть выполнена инструкция, и обеспечивает основу для создания релевантного ответа. Входные данные — это любая информация, предоставленная в рамках подсказки. Она используется генеративной моделью для получения ответов с определенным набором деталей или идей. Индикатор вывода, например, тон, стиль, длина и другие качества ответа, дает ИИ ориентиры для оценки выходных данных.

Инженерия подсказок не ограничивается постановкой вопроса в правильном контексте с указанием исходной информации и ожиданий относительно желаемых результатов, она также подразумевает сочетание критического анализа, творческого подхода и технической смекалки. Под процессом создания подсказки понимают постановку цели, разработку варианта подсказки, тестирование, анализ результата и, если результат не удовлетворяет каким-то критериям, то корректировку подсказки и повторение описанных шагов.

³ Kevin Roose. An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy. The New York Times. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html>

⁴ Sophia Lagerkrans-Pandey, Matthew Bolaños, Milder Hernandez, Gil LaHaye, John Maeda, Alex Buck. Prompt engineering overview. Microsoft Learn. 2023. URL: <https://learn.microsoft.com/en-us/semantic-kernel/overview/>

Чтобы сократить количество итераций, нужно следовать лучшим практикам создания эффективных подсказок, основу которых составляют ясность, контекст, точность и ролевая игра или модель личности. Чтобы добиться ясности в подсказке, нужно писать инструкции, легкие для восприятия, на простом и понятном языке, избегать двусмысленностей. Специализированная терминология может сбить с толку модель, поэтому лучше использовать общепотребительные термины. Контекст позволяет модели понять ситуацию или предмет. Точность означает конкретику и примеры. Примеры, включенные в подсказки, настраивают модель на генерацию ответа, соответствующего приведенным примерам. Ролевая игра или модель личности — это подсказки, заставляющие модель действовать от лица конкретного персонажа или персоны.

ТЕХНИКИ НАПИСАНИЯ ПОДСКАЗОК ДЛЯ ИИ

Существуют разнообразные программы для создания подсказок [7]. Для преподавателей иностранного языка интерес представляют не программы, а техники написания подсказок, потому что, во-первых, под предлогом обучения работе с генеративным ИИ, студенты могут выполнить множество интересных и эффективных упражнений, а во-вторых, эффективное применение этих методик при самостоятельном обучении способствует более качественному усвоению материала⁵.

Ниже представлен список техник текст-в-текст (техники, связанные с изображением или звуком, в данной статье не рассматриваются).

1. Техники, с помощью которых текстовые подсказки могут повысить надежность и качество результатов, получаемых с помощью модели:

- техника спецификации заданий, когда текстовая подсказка четко описывает задачу. Например: Переведи предложение с русского на английский;
- контекстное руководство — это техника, с помощью которой в текстовых подсказках дают внешние знания или дополнительную информацию: т.е. используют дополнительный «контекст» для руководства выводом;
- техника экспертизы, когда в текстовых подсказках указывается область исследования, например, медицина или юриспруденция, и используется соответствующая терминология;

⁵ Ялалов Д. Гащ К. Лучшее полное руководство по быстрому проектированию 2023 года: от начинающего до продвинутого уровня. Mpost. URL: <https://mpost.io/ru/prompt-engineering-ultimate-guide/>

- смягчение предвзятости — это техника, при которой текстовые подсказки содержат четкие инструкции по созданию нейтральных ответов;

- обрамление, когда пользователь задает границы, например, указывает, что хочет получить ответ длиной в 100 слов;

- петля обратной связи, когда пользователь предоставляет обратную связь и итеративно дорабатывает подсказки, опираясь на ответы, генерируемые моделью. Этот цикл позволяет пользователям улучшать качество вывода и достигать желаемого ответа.

2. Техника «нулевой подсказки» подразумевает способность модели генерировать осмысленные ответы на подсказки без необходимости предварительного обучения.

3. Техника подсказок с несколькими выстрелами подразумевает контекстное обучение, при котором пользователь в каждую следующую подсказку включает описания или уточнения, которые выступают в качестве условий для генерации последующих ответов.

4. Интервью — это техника, предполагающая разработку подсказок путем имитации разговора или взаимодействия с моделью в стиле интервью. Она предполагает предоставление модели определенных инструкций, в ответ на которые модель начинает опрашивать пользователя. Полученные ответы служат для модели источником информации, которую она обрабатывает в соответствии с полученной задачей, и выдает пользователю оптимизированный ответ.

5. Цепочка мыслей — это техника, предполагающая разбиение сложной задачи на более мелкие и простые с помощью последовательности более простых подсказок или вопросов, причем каждая новая подсказка опирается на предыдущую. Иными словами, прежде чем дать ИИ задачу для решения, пользователь предлагает модели аналогичные задачи с правильными решениями. Таким образом, подсказка включает в себя вопрос и правильный ответ на него, обеспечивая модели необходимый контекст и схему решения, а затем задается вопрос, на который модель должна сгенерировать ответ, следуя предложенной ей логике.

6. Дерево мыслей — это техника, расширяющая возможности «цепочки мыслей». Она предполагает иерархическое структурирование подсказки или запроса в виде древовидной структуры, позволяющей задать модели определенную линию мышления или рассуждения. Техника подразумевает генерирование ответов по нескольким направлениям одновремен-

но. В отличие от традиционных линейных подходов, каждая мысль генеративной модели может ветвиться, формируя «дерево» взаимосвязанных идей. Затем модель оценивает все возможные ветви, присваивая им веса в соответствии со своей внутренней логикой, после чего отсеивает менее перспективные варианты, выбирает наиболее удачные и, в итоге, выдает итоговый результат.

Каждая из описанных выше техник имеет свои преимущества и недостатки. Выбор той или иной техники или их комбинаций зависит от поставленных целей и задач и, конечно же, уровня знаний студента. Иллюстративная часть данной статьи содержит примеры, организованные в соответствии с дифференцированным подходом в обучении: дифференциацией по уровню знаний и дифференциацией по степени самостоятельности [8]. Сначала будет рассмотрен алгоритм подготовки студентов с уровнем А2-В 1 к зачетам и экзаменам по английскому языку в профессиональной сфере в неязыковом вузе, а затем будут предложены варианты использования техник написания подсказок мотивированными студентами, стремящимися развивать языковые компетенции и осваивать серьезные профессионально-ориентированные тексты.

О ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ И УЧЕБНЫХ ЗАДАЧАХ

Поскольку преподавание в вузе — платная услуга, то оказывать ее нужно любому потребителю, который в состоянии за эту услугу заплатить⁶. Оплата вносится либо денежными средствами, либо подтверждением определенного статуса, либо демонстрацией знаний, удовлетворяющих критериям отбора. На фоне снижения качества приема (–0,8 балла), значимого прироста количества платных мест (+9,8% зачисленных на платные места в 2024 г. по сравнению с 2023 г.), сокращения бюджетных мест на бакалавриате для удержания их общего количества при росте в магистратуре и на специалитете, попыток не снижать действующие образовательные программы до уровня слабых студентов наметилась тенденция к расширению группы «наиболее отстающих» (с баллами ниже 56), чья доля в 2024 г. увеличилась до 20%, тогда как в 2023 и 2022 г. она составляла 19% и 18% соответственно⁷.

⁶ Исаев А.К. Образование в вузе: услуга или нет? Российская газета. URL: <https://mpgu.su/novosti/obrazovanie-usluga-andreja/>

⁷ Качество приема в российские вузы: 2024. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). URL: <https://www.hse.ru/eg2024/>

Поскольку вуз по финансовым причинам вынужден мириться с нерадивыми студентами и не отчислять их, то встает вопрос, как действовать, если из-за несоответствия обучающегося требованиям, предъявляемым к уровню владения иностранным языком (что характерно для любого нелингвистического вуза), и его низкой интеллектуальной готовности к обучению даже значительные педагогические усилия не гарантируют выполнения принудительной задачи по удержанию студента в вузе [9]. В качестве паллиативной меры предлагается обратиться к ИИ.

Рассмотрим практическую задачу для студентов второго курса факультета ФНАиБА Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по окончании освоения темы «Международные финансово-экономические отношения», соответствующую программе третьего семестра, — сдать зачет. Тексты и упражнения пособия предполагают знание английского языка на уровне не ниже B2. Работа с пособием (если исключить грамматические аспекты) предполагает выполнение предтекстовых и послетекстовых заданий к основному, объемному тексту *The Firm and Its Environment* и последующую проработку вопросов и понятий, не вошедших в этот основной текст. За месяц до зачета студенту присылается список тем и перечень вопросов для подготовки. Итак, перед началом работы с ИИ, под которым в данном случае подразумевается любой доступный чат-бот, у студента должны быть в текстовом виде следующие материалы:

- список тем к зачету (без помет и комментариев);
- основной текст пособия;
- перечень вопросов к зачету (без помет и комментариев).

АЛГОРИТМ УДЕРЖАНИЯ

Настоящий алгоритм, при его выполнении в конце семестра, позволит студенту с дефицитом знаний по английскому языку получить минимальный балл, необходимый для промежуточной аттестации. «Выполнение» нужно подчеркнуть, потому что именно «выполнение» является обязательным пунктом.

I. Попросить ChatGPT сформировать по основному тексту пособия (текст загрузить в диалог) ментальную карту

Конечно же, студент не получит на выходе рисунок, но увидит структурированные основные понятия и базовые отношения между ними (см. Приложение 1).

На этом шаге применяется техника «спецификации задания», потому что чат-боту даются четкое, конкретное указание (создать ментальную карту)

и техника «нулевой подсказки», так как запрос не содержит объяснения того, как эта карта должна выглядеть.

Обучающемуся рекомендуется преобразовать полученную информацию в изображение. Можно использовать не только бумагу и карандаш, но и любое из существующих на рынке, в том числе в свободном доступе, приложений, в которых есть функция создания ментальных карт.

II. Попросить ChatGPT соотнести основные понятия из ранее загруженного в диалог текста пособия со знакомыми понятиями из повседневной жизни

На этом шаге применяется техника «контекстного руководства», потому что в подсказку вставляется контекст повседневной жизни, чтобы ИИ объединил теоретические концепции со сценариями реального мира (Приложение 2).

Таким образом, у студента появляется надежда связать между собой известное понятие с новым, что облегчает процесс запоминания. Если ИИ выдал в качестве знакомого слова нечто студенту неизвестное, то можно попробовать получить желаемый результат второй итерацией. Если вторая и третья итерация не увенчались успехом, следует зафиксировать только те полученные слова, которые оказались знакомы, и перейти к следующему шагу.

III. Попросить ChatGPT сформировать зависимости между ключевыми словами из текста пособия, ранее загруженного в диалог

На этом этапе в нашем примере используется техника «цепочка мыслей», потому что студент хочет увидеть пошаговые рассуждения о том, почему ключевые слова взаимосвязаны. Однако если бы студент попросил: «Перечисли, как связаны ключевые слова», то это была бы иллюстрация техники «спецификации задания», поскольку в результате выполнения запроса модель просто перечислила бы связи между понятиями:

Summary of Connections

International Trade → Balance of Payments → Current Account → Visible Trade → Invisible Trade → Investments → Foreign Direct Investment (FDI) → Trade Surplus → Trade Deficit → Tariffs → Quotas → Devaluation → Countertrade → Insurance → Franchising → International Financial Centers → Forex → WTO.

Значит, выбор техники обусловлен желательной глубиной анализа и необходимостью объяснить причинно-следственные или логические связи.

В результате выполнения третьего пункта алгоритма кристаллизуются оформленные на первом шаге связи с максимально упрощенными на вто-

ром шаге основными понятиями (*Приложение 3*). Студенту параллельно объясняется характер этих связей. Объяснения, если осмыслить на английском языке их не получается, рекомендуется перевести на русский язык.

IV. Попросить ChatGPT составить текст, раскрывающий зачетные темы, в котором будут употреблены ключевые слова

Ключевыми являются основные понятия, которые ИИ выделил на предыдущих шагах, дублировать их необходимости не возникает. Список тем нужно загрузить в диалог. Возможный результат вывода модели изложен в *Приложении 4*.

Здесь используется уже знакомая техника «спецификации задания». Однако если студент захочет уточнить какие-то моменты, сформулировав промпт, например, так: «Объясни тему International financial centers (IFCs) подробнее», то это станет иллюстрацией применения техники «петля обратной связи».

V. Попросить ChatGPT переписать текст так, чтобы он представлял собой не пронумерованные параграфы, а связную историю, которую было бы легко запомнить и которую хотелось бы пересказывать

Здесь применяется техника «обрамления», потому что выражения «не пронумерованные параграфы», «связная история», «легко запомнить», «хочется пересказывать» накладывают определенное ограничение на стиль и формат вывода (см. *Приложение 5*).

VI. Попросить ChatGPT интегрировать в эту историю ответы на вопросы. Список вопросов загрузить в диалог

На данном шаге используется техника «подсказок с несколькими выстрелами». Модель на подобный запрос реагирует преобразованием существующего текста (осуществляет итерацию текста), добавляя в него новую информацию (ответы на вопросы). Студент может выполнять эту задачу в несколько этапов, например, попросив модель: «Теперь вставь ответ на [такой-то] вопрос в [такой-то] абзац», т.е. процесс уточнения или добавления бывает многоступенчатым. Возможный результат вывода модели находится в *Приложении 6*.

VII. Попросить ChatGPT упростить текст так, чтобы он стал понятен человеку, владеющему английским языком на уровне A2, но не потерял в содержании

Здесь снова задаются ограничения, т.е. применяется техника «обрамления». Возможный результат вывода представлен в *Приложении 7*. Если студент захочет еще больше упростить текст, то, сформулировав подсказку, например, так: «Сделай текст еще

проще, но примени те же требования», он задействует технику «петля обратной связи».

VIII. Попросить ChatGPT перевести текст на русский язык

Данный шаг выполняется по желанию, но, как показывает опыт, несмотря на то, что студентам кажется, что смысл англоязычного текста понятен, они не в состоянии объяснить его содержание на русском. Поэтому перевод может еще использоваться и для того, чтобы студент разобрался с затруднительными для него вопросами, используя русскоязычные источники информации. Применяемая здесь техника — классическая иллюстрация использования «спецификации задания», так как запрос не сопровождается ни примером перевода, ни контекстной информацией, ни чем бы то ни было еще.

Итак, с помощью ИИ получен одностраничный текст. Студенту предстоит сделать еще два шага, но уже полностью самостоятельно:

IX. Осознать и выучить текст наизусть

X. Уметь воспроизводить абзацы в произвольном порядке их следования

Если вспомнить классификацию Давида Юма, выделявшего три типа переходов от одной идеи к другой, то приходится констатировать, что нерадивый обучающийся ограничен только переходами в памяти «по смежности», потому что он фактически не полагается на причинно-следственную связь (как при логическом, сюжетном пересказе) и не ориентируется на сходство идей между абзацами (как при тематической группировке) [10]. Он должен запомнить абзацы как последовательность неких фрагментов, которые на зачете сможет переставлять в зависимости от того, какой вопрос попадет в билете. В связи с этим два последних шага алгоритма часто необходимо повторить и для текста, переведенного на русский язык, с целью укрепления связи между запоминанием и пониманием. Утверждается, что среднестатистический студент может запомнить до четырех страниц текста в день, что свидетельствует о реальной возможности освоить необходимый объем материала в течение суток.

Итак, для достижения минимально необходимого результата потребовались такие техники, как: «спецификация заданий», «контекстное руководство», «обрамление» и «цепочка мыслей». Теперь на примере самостоятельной работы заинтересованного студента рассмотрим более сложные техники и их комбинации, но уже не для «оказания помощи утопающему», а для содействия студенту в получении фундаментальных знаний.

ИИ И САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Получив на VI шаге алгоритма интегрированный текст, содержащий все основные понятия и ответы на вопросы по заданным темам, студент может внести уточнения, добавить объяснения или изменить стиль, слог, глубину изложения материала.

VI а. Например, используя технику экспертизы, он может написать такую подсказку: *«Исходя из того, что читатель понимает основные концепции международной торговли, перепиши (интегрированный) текст, используя принятую финансовую терминологию. Ориентируйся на аудиторию аспирантов, специализирующихся на международных финансах»*. Результат вывода модели — профессиональный текст, насыщенный усложненной финансовой лексикой.

VI б. При использовании сочетания техник «интервью» и «смягчение предвзятости» студент может заставить модель формулировать вопросы и проверять ответы обучающегося на наличие в них предубеждений или предвзятостей. Например, если введен промпт: *«Я готовлюсь к дискуссии о международной торговле. Возьми у меня интервью, чтобы выявить предубеждения или упущения в моем (интегрированном) тексте. Затем предоставь версию, в которой сохранена объективность, но устранены обнаруженные недостатки»*, то в результате вывода модели студент увидит текст с внесенными исправлениями. В отредактированной версии будут отражены ответы на уточняющие вопросы модели. При этом итоговый текст будет более нейтральным. Наблюдая за работой модели, обучающийся одновременно тренирует умение задавать вопросы и строить сбалансированные ответы.

VI в. Применяя комбинации техник «обрамление» и «петля обратной связи», можно создавать конспекты для повторения материала. Проиллюстрируем это на примере:

Подсказка 1: *«Сократи (интегрированный) текст до 300 слов, сосредоточившись на таких понятиях, как положительное и отрицательное сальдо торгового баланса»*

Ответ модели: ...

Подсказка 2: *«Добавь пору абзацев с реальными примерами положительного и отрицательного сальдо торгового баланса. Не превышай 480 слов»*

Ответ модели: ...

Продолжая давать инструкции модели, студент организует материал в удобном ему виде. В результате он получит конспект, соответствующий поставленной учебной задаче.

VI д. Для тренировки способности рассуждать можно сформировать следующий промпт: *«Используя*

(интегрированный) текст, объясни шаг за шагом, как страна может перейти от положительного сальдо торгового баланса к отрицательному. Опиши каждый шаг детально. Покажи пошагово свои рассуждения». Т.е. используя технику «цепочка мыслей», студент как бы визуализирует «процесс мышления» как таковой и начинает четче представлять влияние разных факторов (допустим, обменных курсов, потоков капитала или изменения в политике) на те или иные процессы.

VI е. Модель можно использовать для тренировки навыка решения кейсов, применяя технику «дерево мыслей». Тогда подсказка будет выглядеть следующим образом: *«Составь «дерево мыслей», чтобы показать различные способы, которыми страна может отреагировать на дефицит платежного баланса. Предложи 2–3 потенциальные ветви (например, повышение тарифов, девальвация валюты или привлечение иностранных инвестиций) и расскажи о плюсах и минусах каждой из них. Затем выбери наиболее эффективный способ и объясни, почему ты так считаешь»*. Результатом вывода модели станет многоуровневое дерево решений с логическими объяснениями.

Выше рассмотрены примеры использования ИИ для расширения кругозора в профессиональной сфере. Так, для концептуальной ясности и получения ответов на вопросы «как?» или «почему?» применяются техники «интервью» и «цепочка мыслей», что позволяет от запоминания перейти к пониманию. Для целей развития критического мышления, в том числе способности анализировать явления и события, необходимой для участия в дискуссиях, хорошо подойдет техника «дерево мыслей». Для организации интерактивного самообучения и оттачивания навыка самопроверки подойдут техники «петля обратной связи» и «интервью».

ИИ умеет интегрировать в ответы примеры из реальной жизни (при их наличии), тем самым обеспечивая связь теоретического материала с реальными. Однако студентам настоятельно рекомендуется результаты вывода модели сверять с информацией, опубликованной в заслуживающих доверия источниках. Также необходимо обращать внимание на то, что ИИ не есть знание, ИИ — это всего лишь инструмент, использование которого помогает эти знания получить.

Помощь в изучении профильной дисциплины — только одна сторона взаимодействия с ИИ. Другой является подспорье в освоении непосредственно английского языка. Применение техник «контекстного руководства», «экспертизы», «цепочки мыслей» и «дерева мыслей» позволит обогатить лексический запас студента, так как модель расскажет о нюансах

употребления той или иной словарной единицы (e.g., “exporters” vs. “overseas sellers,” “FDI” vs. “foreign investment,” etc.). Например, на подсказку: «*Explain in advanced academic English*» или «*Rewrite using more formal/business vocabulary*», или «*Incorporate higher-level economic terms (e.g., “hedging strategies,” “monetary policy levers,” “arbitrage”)*» обучающимся будут получены слова и выражения, которые, возможно, не представлены в материалах пособия. А на подсказку: «*Explain common collocations in this text*» модель даст объяснения устойчивым словосочетаниям. Промпт типа: «*Why is the present perfect used here?*» заставит модель объяснить грамматические аспекты. Используя технику «петля обратной связи», можно улучшить навыки письма. Подсказки типа «*Rewrite my paragraph to sound more persuasive*» или «*Check grammar and coherence*» побуждают модель демонстрировать стиливые особенности и возможности редактирования. В статье изначально предполагалось рассматривать только техники текст-в-текст, но здесь невозможно не упомянуть о технике текст-в-звук или звук-в-текст, если, конечно, чат-бот, используемый студентом, поддерживает аудио-ввод-вывод. В этом случае можно попросить ИИ прочесть текст, чтобы подражать услышанному фонетически и интонационно, или применить технику «интервью» для улучшения как произношения, так и аудирования, ведь вопросы ИИ будет не писать, а произносить. Перенимая эти навыки, студент учится у ИИ, как у виртуального репетитора.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что изложенная теоретическая часть была подкреплена практикой, данных пока недостаточно для проведения серьезного количественного анализа. Однако накопленный опыт демонстрирует, что знакомство студентов с азами инженерии подсказок (промт-инжиниринга) положительно влияет на процесс обучения в целом. 65% студентов стали формулировать свои запросы, осознанно применяя техники. Все они отметили сокращение времени на самостоятельную подготовку, в том числе и по другим дисциплинам. 40% студентов признались, что им стало проще работать с текстами на английском языке. Результаты контроля свидетельствуют о том, что 70% из числа студентов, которым грозила пересдача по английскому языку, выполнили алгоритм и были аттестованы. У 17% студентов выросла заинтересованность в приобретении знаний по профессии из англоязычных источников. Еще 10% студентов, занимающихся с ИИ на постоянной основе, улучшили свои результаты на 2–5 баллов.

Таким образом, базовые знания в области инженерии подсказок и владение различными техниками и их комбинациями дают возможность не только минимизировать риски неуспешной аттестации, но и повышают заинтересованность в изучаемом предмете, стимулируют вовлеченность в процесс обучения, способствуют более глубокому пониманию материала, укрепляют навыки самостоятельной работы, обеспечивая новый качественный уровень.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ursula K. Le Guin. *The Left Hand of Darkness*. NY: Ace; 2000. 367 p.
2. John W. Tukey. The future of data analysis. *The Annals of Mathematical Statistics*. 1962;33(1):1–67. URL: <http://www.mat.ufmg.br/~viali/estatistica/mat2274/material/textos/2237638.pdf>
3. Sharma R. C., Bozkurt A. Transforming education with generative AI: Prompt engineering and synthetic content creation. IGI Global; 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378066821_Transforming_Education_With_Generative_AI_Prompt_Engineering_and_Synthetic_Content_Creation
4. Stuart Russell, Peter Norvig. *Artificial intelligence: A modern approach*. Pearson; 2009:11152 p. URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781292401171_A41586057/preview-9781292401171_A41586057.pdf
5. Fengchun Miao, Wayne Holmes. *Guidance for generative AI in education and research*. UNESCO. 2023:44 p. URL: https://www.downes.ca/files/docs/UNESCO_Gen_AI_Guidelines_2023.pdf
6. Bernstein David Scott. *Prompt engineering for everyone: A comprehensive guide to unlock the potential of ChatGPT and AI-language models*. Passionate Programmer; 2023. 314 p.
7. Лукинский И. С., Горшенева И. А. Промпт-инжиниринг в образовательном процессе и научной деятельности: к вопросу о необходимости обучения работе с ИИ. *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2024;(4):148–154. DOI: 10.24412/2658–638X-2024–4–148–154
8. Осмоловская И. М. Дифференцированное обучение: некоторые вопросы теории и практики. *Вестник ТГПУ*. 1999;5(14):6–12. URL: https://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/Osmolovskaya_I._M._6_12_5_14_1999.pdf
9. Савченко Ю. Ю. Услуги высшего профессионального образования как товар и общественное благо. *Современные проблемы науки и образования*. 2014;(3). URL: <https://www.elibrary.ru/syzodp>
10. D. Hume. *A treatise of human nature*. Dover publications; 2003. 480 c.

REFERENCES

1. Ursula K. Le Guin. The Left Hand of Darkness. NY: Ace, 2000. 367 p.
2. John W. Tukey. The future of data analysis. The Annals of Mathematical Statistics. 1962;33(1):1–67. URL: <http://www.mat.ufrgs.br/~viali/estatistica/mat2274/material/textos/2237638.pdf>
3. Sharma R. C., Bozkurt A. Transforming education with generative AI: Prompt engineering and synthetic content creation. IGI Global; 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/378066821_Transforming_Education_With_Generative_AI_Prompt_Engineering_and_Synthetic_Content_Creation
4. Stuart Russell, Peter Norvig. Artificial intelligence: A modern approach. Pearson; 2009:11152 p. URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781292401171_A41586057/preview-9781292401171_A41586057.pdf
5. Fengchun Miao, Wayne Holmes. Guidance for generative AI in education and research. UNESCO. 2023: 44 p. URL: https://www.downes.ca/files/docs/UNESCO_Gen_AI_Guidelines_2023.pdf
6. Bernstein David Scott. Prompt engineering for everyone: A comprehensive guide to unlock the potential of ChatGPT and AI-language models. Passionate Programmer; 2023. p. 314.
7. Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A. Prompt engineering in the educational process and scientific activity or to the question of the necessity of training to work with artificial intelligence. Psychology and pedagogy of service activity. 2024;(4):148–154. (In Russ.). DOI: 10.24412/2658–638X-2024–4–148–154
8. Osmolovskaya I. M. Differentiated learning: some issues of theory and practice. Bulletin of TSPU. 1999;5(14):6–12. URL: https://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/Osmolovskaya_I._M._6_12_5_14_1999.pdf (In Russ.).
9. Savchenko Yu. Y. Higher professional education services as a commodity and a public good. Modern problems of science and education. 2014;(3). URL: <https://www.elibrary.ru/syzodp> (In Russ.).
10. D. Hume. A Treatise of human nature. Dover publications; 2003. p. 480.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

MIND MAP: ENVIRONMENT OF GLOBAL FINANCE

1. Benefits of International Trade • Specialization • Variety of goods and services 2. Key Macroeconomic Variables • Exports • Imports • Trade Balance • Exchange Rates 3. Balance of Trade • Favorable Balance: Exports > Imports • Unfavorable Balance: Imports > Exports • Historical Example: Great Britain's economy 4. Types of Trade • Visible Trade • Import and export of goods • Invisible Trade • Exchange of services • Tourism • Immigrant remittances 5. Transportation • Maritime fleets (e.g., Greece, Norway) • Cost-effective shipping methods 6. Insurance in Trade • Importance of cargo insurance • Role of Lloyd's of London	7. Domestic vs. International Trade • Use of foreign currencies • Flow of funds 8. Impact of Investments • Balance of Payments • Capital inflow and outflow • Economic growth catalyst 9. Balance of Payments • Net inflow vs. net outflow • Reserves (gold, foreign currency) • Deficit accommodation 10. Correcting Balance of Payments Deficit • Reducing imports • Tariffs • Quotas • Limiting invisible trade expenditures 11. Currency Devaluation • Impact on imports and exports • Need for combined measures 12. Gold Reserves • Traditional form of reserves • Modern agreements with Federal Reserve 13. Trade Agreements and Disputes • Free trade agreements • Trade wars and sanctions • Monetary union in Europe

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

INTERNATIONAL TRADE: KEY CONCEPTS AND EVERYDAY LIFE ANALOGIES

1. International Trade

• **Definition:** The exchange of goods and services between countries.

• **Everyday Analogy:** Like trading snacks with friends at school; you give them a cookie, and they give you a candy.

2. Balance of Payments

• **Definition:** A record of all money coming in and going out of a country.

• **Everyday Analogy:** Similar to keeping track of your allowance; you note how much you earn and how much you spend.

3. Current Account

• **Definition:** Part of the balance of payments that includes visible and invisible trade.

• **Everyday Analogy:** Like your shopping list, where you write down what you buy (visible) and what you pay for services (invisible), like a haircut.

4. Visible Trade

• **Definition:** Trade involving tangible goods, such as machinery and food.

• **Everyday Analogy:** Buying a toy or groceries; you can see and touch these items.

5. Invisible Trade

• **Definition:** Trade involving services, such as tourism and banking.

• **Everyday Analogy:** Paying for a movie ticket or a subscription service; you receive a service rather than a physical item.

6. Investments

• **Definition:** Money put into a business or project to earn more money.

• **Everyday Analogy:** Saving money to buy a video game; you invest your savings to enjoy something later.

7. Foreign Direct Investment (FDI)

• **Definition:** Investment made by a company in one country in business interests in another country.

• **Everyday Analogy:** If you buy a franchise of your favorite fast-food restaurant in another city.

8. Trade Surplus

• **Definition:** When a country exports more than it imports.

• **Everyday Analogy:** Like having more toys than you trade away; you have a lot left over.

9. Trade Deficit

• **Definition:** When a country imports more than it exports.

• **Everyday Analogy:** Like trading away more of your snacks than you have; you end up with less.

10. Tariffs

• **Definition:** Taxes on imported goods.

• **Everyday Analogy:** Like paying extra for a special delivery service; it costs more to get something from far away.

11. Quotas

• **Definition:** Limits on the amount of a specific good that can be imported.

• **Everyday Analogy:** Like having a limit on how many cookies you can take from the jar; you can only have a few.

12. Devaluation

• **Definition:** Reducing the value of a currency.

• **Everyday Analogy:** Like if your favorite toy suddenly costs more money; it feels like your allowance doesn't stretch as far.

13. Countertrade

• **Definition:** Trading goods and services without using cash.

• **Everyday Analogy:** Like swapping your book for a friend's game; you both get something without spending money.

14. Insurance

• **Definition:** Protection against financial loss.

• **Everyday Analogy:** Like having a warranty on your phone; it helps you if something goes wrong.

15. Franchising

• **Definition:** Allowing someone to operate a business under your brand.

• **Everyday Analogy:** Like letting a friend sell lemonade using your special recipe and name.

16. International Financial Centers

• **Definition:** Key places for financial services, like New York and London.

• **Everyday Analogy:** Like the main shopping mall in your town where everyone goes to buy things.

17. Forex (Foreign Exchange)

• **Definition:** The market where currencies are traded.

• **Everyday Analogy:** Like exchanging your dollars for euros when you travel to Europe.

18. WTO (World Trade Organization)

• **Definition:** An organization that helps countries trade fairly.

• **Everyday Analogy:** Like a referee in a game, making sure everyone follows the rules.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

INTERNATIONAL TRADE CONCEPT MAP

1. **International Trade**
 - **Connected to: Balance of Payments**
 - **Reason:** International trade involves the exchange of goods and services, which is recorded in the balance of payments.
2. **Balance of Payments**
 - **Connected to: Current Account**
 - **Reason:** The balance of payments has two main parts, one of which is the current account.
3. **Current Account**
 - **Connected to: Visible Trade**
 - **Reason:** The current account includes visible trade, which consists of tangible goods.
4. **Visible Trade**
 - **Connected to: Invisible Trade**
 - **Reason:** Alongside visible trade, the current account also includes invisible trade, which involves services.
5. **Invisible Trade**
 - **Connected to: Investments**
 - **Reason:** Services often require investments in sectors like tourism and banking.
6. **Investments**
 - **Connected to: Foreign Direct Investment (FDI)**
 - **Reason:** Investments can take the form of foreign direct investment, where money is put into businesses in another country.
7. **Foreign Direct Investment (FDI)**
 - **Connected to: Trade Surplus**
 - **Reason:** FDI can help a country achieve a trade surplus by increasing exports.
8. **Trade Surplus**
 - **Connected to: Trade Deficit**
 - **Reason:** A trade surplus occurs when exports exceed imports, while a trade deficit happens when imports exceed exports.
9. **Trade Deficit**
 - **Connected to: Tariffs**
 - **Reason:** Countries may impose tariffs to protect against trade deficits by making imports more expensive.
10. **Tariffs**
 - **Connected to: Quotas**
 - **Reason:** Tariffs are one way to limit imports, while quotas directly restrict the quantity of goods that can be imported.
11. **Quotas**
 - **Connected to: Devaluation**
 - **Reason:** When quotas are not enough to fix a trade deficit, a country might devalue its currency to make exports cheaper.
12. **Devaluation**
 - **Connected to: Countertrade**
 - **Reason:** Devaluation can lead to increased countertrade, where goods are exchanged without cash.
13. **Countertrade**
 - **Connected to: Insurance**
 - **Reason:** Businesses engaging in countertrade often need insurance to protect against risks in transactions.
14. **Insurance**
 - **Connected to: Franchising**
 - **Reason:** Franchising can involve insurance to protect the brand and the franchisee's investment.
15. **Franchising**
 - **Connected to: International Financial Centers**
 - **Reason:** Franchising often relies on international financial centers for funding and support.
16. **International Financial Centers**
 - **Connected to: Forex (Foreign Exchange)**
 - **Reason:** These centers are crucial for Forex trading, where currencies are exchanged to facilitate international trade.
17. **Forex (Foreign Exchange)**
 - **Connected to: WTO (World Trade Organization)**
 - **Reason:** The Forex market operates under the regulations and agreements set by organizations like the WTO to ensure fair trade practices.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

INTERNATIONAL TRADE: A COMPREHENSIVE OVERVIEW

International trade is a complex and multifaceted field that encompasses various economic activities, regulations, and practices. This text aims to provide a comprehensive overview of key topics related

to international trade, including the balance of payments, trade documentation, payment methods, trade restrictions, economic globalization, and more.

1. International Trade: Balance of Payments, Investments, Visible Trade/Invisible Trade

The **balance of payments (BOP)** is a systematic record of all economic transactions between residents of a country and the rest of the world over a specific period. It consists of two main accounts: the current account and the capital and financial account. The current account includes visible trade (goods) and invisible trade (services), while the capital and financial account records investments and financial transactions.

- **Visible Trade** refers to the trade of tangible goods, such as machinery, food, and raw materials. It is easily quantifiable and directly impacts a country's trade balance.

- **Invisible Trade** encompasses services such as tourism, banking, and insurance, which are less tangible but equally significant in contributing to a nation's economic health.

Investments in international trade can take various forms, including foreign direct investment (FDI) and portfolio investment. FDI involves acquiring a lasting interest in a foreign enterprise, while portfolio investment refers to the purchase of financial assets in another country.

2. International Trade: Export and Import

Exports are goods and services produced domestically and sold to foreign markets, while **imports** are goods and services purchased from abroad. The balance between exports and imports is crucial for a country's economic stability. A trade surplus occurs when exports exceed imports, while a trade deficit arises when imports surpass exports. Governments often implement policies to encourage exports and limit imports to maintain a favorable trade balance.

3. Documents Needed in International Trade, Methods of Payment, Incoterms

International trade requires various **documents** to facilitate transactions and ensure compliance with regulations. Key documents include:

- **Commercial Invoice**: A bill for the goods sold.
- **Bill of Lading**: A contract between the shipper and carrier, detailing the shipment.
- **Certificate of Origin**: A document certifying the country of origin of the goods.
- **Insurance Certificate**: Proof of insurance coverage for the shipment.

Methods of payment in international trade include:

- **Letters of Credit (LC)**: A bank guarantee that payment will be made to the exporter upon fulfilling specific conditions.

- **Telegraphic Transfer (TT)**: An electronic transfer of funds.

- **Open Account**: A payment method where goods are shipped and delivered before payment is due.

Incoterms (International Commercial Terms) are standardized trade terms that define the responsibilities of buyers and sellers in international transactions. They clarify who is responsible for shipping, insurance, and tariffs, thus reducing misunderstandings.

4. International Trade: Forex, Exchange Rates

Foreign exchange (Forex) refers to the global marketplace for trading national currencies against one another. Exchange rates, which determine the value of one currency in relation to another, are influenced by various factors, including interest rates, inflation, and economic stability. Fluctuations in exchange rates can significantly impact international trade by affecting the cost of exports and imports.

5. Trade Restrictions: Tariffs, Quotas, Subsidies & Cartels

Trade restrictions are government-imposed limitations on the exchange of goods and services. Common forms include:

- **Tariffs**: Taxes imposed on imported goods, making them more expensive and less competitive compared to domestic products.
- **Quotas**: Limits on the quantity of a specific good that can be imported, protecting domestic industries from foreign competition.
- **Subsidies**: Financial assistance provided by governments to local businesses to enhance their competitiveness against foreign imports.
- **Cartels**: Agreements between competing firms to control prices and limit production, often leading to anti-competitive practices.

6. Economic Globalization

Economic globalization refers to the increasing interdependence of national economies through trade, investment, and capital flows. It has led to the expansion of global supply chains, the rise of multinational corporations, and the integration of markets. While globalization can drive economic growth and innovation, it also raises concerns about inequality, labor rights, and environmental sustainability.

7. International Trade Organizations, International Agreements, International Financial Centers

Numerous **international trade organizations** facilitate global commerce, including:

- **World Trade Organization (WTO)**: Regulates international trade and resolves disputes between member countries.

- ****International Monetary Fund (IMF)**:** Provides financial assistance and promotes global monetary cooperation.

****International agreements****, such as free trade agreements (FTAs) and regional trade agreements (RTAs), aim to reduce trade barriers and promote economic cooperation among countries.

**** International financial centers (IFCs)** are hubs for financial services, attracting businesses and investors. Examples include New York, London, and Hong Kong, which play crucial roles in global finance and facilitate international trade through their advanced banking systems, stock exchanges, and regulatory frameworks. These centers provide essential services such as foreign exchange trading, investment banking, and asset management, which are vital for businesses engaged in international trade.

8. Countertrade in International Trade

Countertrade is a form of international trade where goods and services are exchanged for other goods and services rather than for cash. This method is often used when countries face foreign exchange shortages or when political or economic conditions make cash transactions difficult. Countertrade can take various forms, including barter, counter-purchase, and offset agreements. While countertrade

can provide opportunities for trade in challenging environments, it can also complicate transactions and limit the flexibility of businesses.

9. Insurance in International Trade

Insurance plays a critical role in international trade by mitigating risks associated with shipping goods across borders. Exporters need to purchase insurance to protect against potential losses due to damage, theft, or non-delivery of goods in transit. When insuring goods, exporters should work with insurance companies or brokers who specialize in international trade to ensure adequate coverage and compliance with local regulations.

10. Franchising in International Trade

Franchising is an increasingly popular method of expanding businesses internationally. It allows local entrepreneurs to operate under a well-established brand while providing franchisers with a way to enter new markets with lower capital investment. Franchising is particularly exciting in emerging markets, where there is often a growing demand for established brands and business models. However, international franchises may face challenges such as cultural differences, regulatory hurdles, and varying consumer preferences. Understanding local beliefs and values is crucial for both local entrepreneurs and global franchisers to ensure successful operations.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

INTERNATIONAL TRADE: A COMPREHENSIVE OVERVIEW

International trade is a fascinating and intricate web of economic activities that connects nations and cultures. At the heart of this global exchange lies the balance of payments, a systematic record that captures all economic transactions between a country and the rest of the world over a specific period. This balance consists of two main accounts: the current account, which includes both visible trade — tangible goods like machinery and food — and invisible trade, which encompasses services such as tourism and banking. The interplay between these elements can significantly influence a nation's economic health.

Investments play a crucial role in shaping a country's balance of payments. When a nation attracts foreign direct investment, it experiences a capital inflow that positively impacts its financial standing. Conversely, when domestic investors seek opportunities abroad, it can lead to capital outflow, affecting the balance. For instance, during economic downturns, countries may impose restrictions on capital outflows to stabilize their currency and economy. This highlights

the importance of savings and investments, which are essential for long-term economic growth. Higher savings can lead to increased investments, fostering productivity and economic output.

As countries engage in trade, they export goods and services produced domestically while importing those made abroad. The balance between these exports and imports is vital for economic stability. A trade surplus occurs when exports exceed imports, while a trade deficit arises when imports surpass exports. Exporters venturing into new markets must navigate various challenges, such as understanding local regulations and cultural nuances. Common mistakes include failing to conduct thorough market research and neglecting to adapt products to local preferences. To succeed in export markets, it is crucial to establish strong distribution channels and ensure compliance with local laws.

The specifics of import and export deals can vary significantly from domestic transactions. Selling products in other countries often involves navigating

complex regulations, tariffs, and quotas. When a nation imposes tariffs, it raises the cost of imported goods, making them less competitive compared to domestic products. Quotas, on the other hand, limit the quantity of specific goods that can be imported, protecting local industries. These trade restrictions can lead to higher prices for consumers and potential retaliation from trading partners, complicating the landscape for exporters.

To accommodate a deficit in a nation's balance of payments, countries may seek to attract foreign investment, reduce imports, or devalue their currency. Currency devaluation can make exports cheaper and more competitive internationally, but it may also increase the cost of imports, leading to inflation. Nations typically keep their reserves in foreign currencies, gold, or other assets to manage their balance of payments effectively.

In this intricate world of trade, countertrade has emerged as a unique method of exchange, allowing countries to trade goods and services without relying solely on cash transactions. This approach can be particularly beneficial in situations where foreign exchange is scarce or when political conditions complicate traditional trade. Countries engage in countertrade to facilitate trade in challenging environments, although it can complicate transactions and limit flexibility.

Insurance also plays a pivotal role in international trade, protecting exporters against potential losses due to damage, theft, or non-delivery of goods in transit. A prudent exporter needs to purchase insurance to mitigate these risks. Collaborating with specialized insurance companies or brokers ensures that exporters have adequate coverage and can navigate the complexities of international regulations.

Franchising has become an exciting avenue for

businesses looking to expand globally. By allowing local entrepreneurs to operate under established brands, franchising provides a pathway for growth in emerging markets. However, international franchises may face challenges such as cultural differences and varying consumer preferences, which require a deep understanding of local beliefs and values. Financing a franchise can involve various methods, including loans, personal savings, or investments from franchisers.

International financial centers, such as New York, London, and Hong Kong, serve as vital hubs for financial services, attracting businesses and investors from around the world. These centers provide essential services, including foreign exchange trading and investment banking, which are crucial for facilitating international trade. Forex, or foreign exchange, is considered an over-the-counter market where currencies are bought and sold. The most commonly traded currencies include the US dollar, euro, and Japanese yen, with traders engaging in Forex for various reasons, including speculation and hedging against currency fluctuations.

In summary, international trade is a dynamic and essential component of the global economy, influencing growth, employment, and consumer choices. As nations and businesses navigate the complexities of trade, they must remain adaptable and informed to seize opportunities and overcome challenges in this ever-evolving landscape. The role of international trade organizations and agreements, such as the WTO and regional trade agreements, is crucial in promoting fair trade practices and reducing barriers, ultimately encouraging international commerce. As economic globalization continues to evolve, the dynamics of international trade will also change, presenting both opportunities and challenges for nations and businesses alike.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

INTERNATIONAL TRADE: A COMPREHENSIVE OVERVIEW

International trade is a fascinating and intricate web of economic activities that connects nations and cultures. At the heart of this global exchange lies the balance of payments, a systematic record that captures all economic transactions between a country and the rest of the world over a specific period. This balance consists of two main accounts: the current account, which includes both visible trade — tangible goods like machinery and food — and invisible trade, which encompasses services such as tourism and banking. The interplay between these elements

can significantly influence a nation's economic health.

Investments play a crucial role in shaping a country's balance of payments. When a nation attracts foreign direct investment, it experiences a capital inflow that positively impacts its financial standing. Conversely, when domestic investors seek opportunities abroad, it can lead to capital outflow, affecting the balance. This dynamic highlights the importance of savings and investments, which are essential for long-term economic growth. Higher savings can lead to

increased investments, fostering productivity and economic output.

As countries engage in trade, they export goods and services produced domestically while importing those made abroad. The balance between these exports and imports is vital for economic stability. A trade surplus occurs when exports exceed imports, while a trade deficit arises when imports surpass exports. Exporters venturing into new markets must navigate various challenges, such as understanding local regulations and cultural nuances. Conducting thorough market research and establishing strong distribution channels are key to success in these endeavors.

To facilitate international trade, various documents are required, including commercial invoices, bills of lading, certificates of origin, and insurance certificates. These documents ensure compliance with regulations and smooth transactions. Payment methods in international trade vary, with options such as letters of credit, telegraphic transfers, and open accounts. Each method carries its own level of risk, with letters of credit generally considered the safest for exporters.

Trade restrictions, such as tariffs and quotas, can significantly impact international commerce. Tariffs are taxes imposed on imported goods, making them more expensive and less competitive compared to domestic products. Quotas limit the quantity of specific goods that can be imported, protecting local industries. While these measures can shield domestic markets, they may also lead to higher prices for consumers and potential retaliation from trading partners.

Economic globalization has further transformed the landscape of international trade, fostering interdependence among nations. This phenomenon is driven by advancements in technology, communication, and transportation, which have made it easier for businesses to operate across borders. Multinational corporations have emerged as key players in this

global economy, facilitating trade and investment on an unprecedented scale.

International financial centers, such as New York, London, and Hong Kong, serve as vital hubs for financial services, attracting businesses and investors from around the world. These centers provide essential services, including foreign exchange trading and investment banking, which are crucial for facilitating international trade.

In this intricate world of trade, countertrade has emerged as a unique method of exchange, allowing countries to trade goods and services without relying solely on cash transactions. This approach can be particularly beneficial in situations where foreign exchange is scarce or when political conditions complicate traditional trade.

Insurance also plays a pivotal role in international trade, protecting exporters against potential losses due to damage, theft, or non-delivery of goods in transit. Collaborating with specialized insurance companies or brokers ensures that exporters have adequate coverage and can navigate the complexities of international regulations.

Franchising has become an exciting avenue for businesses looking to expand globally. By allowing local entrepreneurs to operate under established brands, franchising provides a pathway for growth in emerging markets. However, it also presents challenges, such as cultural differences and varying consumer preferences, which require a deep understanding of local beliefs and values.

In summary, international trade is a dynamic and essential component of the global economy, influencing growth, employment, and consumer choices. As nations and businesses navigate the complexities of trade, they must remain adaptable and informed to seize opportunities and overcome challenges in this ever-evolving landscape.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

INTERNATIONAL TRADE: A SIMPLE OVERVIEW

International trade is an important part of the world economy. It connects different countries and cultures. At the center of this trade is the balance of payments. This is a record of all money that comes in and goes out of a country. It has two main parts: the current account and the capital account.

The **current account includes visible trade, which is about goods like machines and food, and invisible trade**, which is about services like tourism and banking. Both types of trade are important for a country's economy.

Investments are also very important. When a country gets foreign direct investment (FDI), it means money is coming in, which is good for the economy. But if people from that country invest money in other countries, it can lead to money going out, which can be bad. For example, during a crisis, a country might stop money from leaving to protect its economy.

Savings and investments are crucial for long-term economic growth. More savings can lead to more investments, which helps the economy grow.

When countries trade, they **export** goods and services they make and **import** goods and services from other countries. A country has a **trade surplus** when it exports more than it imports, and a **trade deficit** when it imports more than it exports.

Exporters must be careful when entering new markets. They should avoid mistakes like not doing enough **market research** or not understanding local rules. To succeed, they need to know local preferences and have good **distribution channels**.

Import and export deals can be more complicated than local deals. Selling products in other countries can involve different rules, **tariffs**, and **quotas**. Tariffs are taxes on imported goods, making them more expensive. Quotas limit how much of a good can be imported. These restrictions can raise prices for consumers and make trade harder.

To fix a **deficit** in the balance of payments, countries can attract foreign investment, reduce imports, or **devalue** their currency. Devaluation makes exports cheaper but can also make imports more expensive.

Countertrade is another way countries can trade. It allows them to exchange goods and services without using cash. This can help when money is hard to get.

Insurance is important in international trade. It protects exporters from losses due to damage or theft of goods. Exporters should work with insurance companies to make sure they are covered.

Franchising is a way for businesses to grow internationally. It allows local people to run businesses under a well-known brand. However, franchises can face challenges like cultural differences. Understanding local beliefs and values is very important.

International financial centers like New York, London, and Hong Kong are key places for financial services. They help businesses and investors. **Forex** (foreign exchange) is where currencies are traded. The most common currencies are the US dollar, euro, and Japanese yen. People trade currencies for many reasons, like making money or protecting against changes in currency value.

In conclusion, international trade is a vital part of the global economy. It affects growth, jobs, and what people can buy. As countries and businesses deal with trade, they need to be flexible and informed to take advantage of opportunities and face challenges. International trade organizations, like the **WTO**, help promote fair trade and reduce barriers, making it easier for countries to trade with each other.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Михайловна Захцер — старший преподаватель, кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena M. Zakhtser — Senior Lecturer, Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-9044-4881>

emzakhtser@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Роль американского ленд-лиза для СССР в период Великой Отечественной войны

М.Л. Галас

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает американский ленд-лиз периода Второй мировой войны как инструмент обеспечения национальных, экономических, геополитических, военно-стратегических интересов США. Также ленд-лиз трактуется как программа военно-стратегических поставок в СССР на условиях кредитов, займов, аренды, оплаты валютными и золотыми резервами государства, обратными поставками в США, предоставлением услуг и информации. Советский Союз — крупнейший бенефициар США. В этой связи дана оценка роли программы ленд-лиза в Победе СССР над гитлеровской Германией. Изучены маршруты доставки ленд-лизовских грузов на территорию СССР с точки зрения логистических схем поставок; инфраструктурной и экономической обеспеченности; безопасности; военно-стратегического значения; видов доставки, объемов и структуры грузов. По объему и военно-стратегическому значению ленд-лизовских грузоперевозок в СССР наиболее эффективным в 1942–1945 гг. были Дальневосточный морской маршрут и авиационная трасса АЛСИБ. Значительный вклад в обеспечение тыла и фронта внес Петропавловск-Камчатский морской порт. Документальные источники фондов Государственного архива Камчатской области позволили исследовать модернизацию Петропавловск-Камчатского порта в рамках программы ленд-лиза. Выявлена и систематизирована структура транзита грузов из США в г. Петропавловск-Камчатский. Для исследования системы авиационной цепи камчатских военных аэродромов изучены документы Государственного архива Камчатской области (ГАКО), 865 истребительного полка, дислоцировавшегося в военный период на Камчатском полуострове и осуществлявшего перегоны американской воздушной техники на территорию нашей страны. Поставлен вопрос о существенной роли Советского Союза в послевоенном восстановлении и развитии стран народной демократии и его роли и вкладе в выплатах обязательств по ленд-лизу.

Ключевые слова: ленд-лиз; Великая Отечественная война; борьба с гитлеризмом; СССР; США; кредит; международные отношения

Для цитирования: Галас М.Л. Роль американского ленд-лиза для СССР в период Великой Отечественной войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):140-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-140-148

ORIGINAL PAPER

The Role of American Lend-Lease for the USSR During the Great Patriotic War.

M.L. Galas

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the American lend-lease of the period of World War II as a financial instrument that ensured the national economic, geopolitical, military-strategic interests of the United States. Lend-Lease is also interpreted as a program of military-strategic supplies to the USSR on the terms of credits, loans, leases, payment with foreign exchange and gold reserves of the State return deliveries to the United States, the provision of services and information. The Lend-Lease program was used in relation to more than forty beneficiary countries, including the USSR during the Great Patriotic War. The routes for the delivery of lend-lease cargo to the territory of the USSR were studied from the point of view of logistics supply schemes; infrastructure and economic security; security; military-strategic importance; types of delivery, volumes and structure of goods. In terms of the volume and military-strategic importance of lend-lease cargo transportation in the USSR in 1942–1945, the most effective was the Far Eastern route and the ALSIB air route. A significant contribution to the provision of the rear and front was made by the Petropavlovsk-Kamchatsky seaport. Based on documentary sources from the funds of the State Archive of the Kamchatka Territory, the modernization of the Petropavlovsk-Kamchatsky sea fishing port, carried out under the Lend-Lease program, is being investigated. The structure of cargo transit from the USA

to the Petropavlovsk-Kamchatsky seaport has been identified and systematized. For the study of the unique system of the aviation chain of Kamchatka military airfields, documents of the State Archive of the Kamchatka Region, the 865th Fighter Regiment, stationed during the Great Patriotic War on the Kamchatka Peninsula and further to Kazan, from where the planes were already arriving at the front. The question of the significant role of the USSR in the post-war reconstruction and development of the countries of people's democracy was raised, assistance was provided in the payment of their debt obligations under Lend-Lease.

Keywords: lend-lease; Great Patriotic War; fight against Hitlerism; USSR; USA; credit; international relations

For citation: Galas M.L. The role of American lend-lease for the USSR during the Great Patriotic War. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):140-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-140-148

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, когда вследствие санкционной политики США в отношении России торговые, финансово-экономические отношения между странами минимизированы, но потенциал взаимовыгодных сделок значителен, стороны пытаются найти точки соприкосновения интересов, выработать новые механизмы эффективного взаимодействия. В этой связи актуален исторический опыт финансово-экономического сотрудничества СССР и США по программе ленд-лиза и экспортно-импортных операций в период Великой Отечественной войны.

Страны Европы и постсоветские лимитрофы нагнетают эскалацию вокруг украинского конфликта и открыто заявляют о подготовке к возможной войне с Россией, создавая угрозу третьей мировой войны. США, несмотря на разворот к протекционизму с приоритетом задач промышленного роста, развития инновационных технологий, дефицита внешнеторгового баланса, сохраняет лидирующие позиции в мире по поставкам товаров и услуг в более чем 90 стран мира, в том числе и страны Евросоюза. В 2024 г. крупнейшие военно-промышленные корпорации получили заказы на 750 млрд долл. и в краткосрочной перспективе планируют увеличить производство отдельных видов стратегического вооружения до 30%.

Инструмент ленд-лиза, активно применявшийся США в годы Второй мировой в отношении более 40 стран, в 2022 г. вновь применяется США для урегулирования военных поставок Украине. Есть основания полагать, что институт ленд-лиз будет использован США и для организации торговли вооружением и с другими странами. Изучение инструмента ленд-лиза на примере периода Второй мировой и Великой Отечественной войн позволит понять выгоды и риски его применения в современных условиях.

Внимания заслуживает история логистической организации поставок грузов на территорию нашей страны. Сегодня Дальневосточное направление объявлено приоритетным для современной России, наряду с Арктикой и Сибирью. В связи с этим наиболее интересным представляется

изучение Дальневосточного маршрута поставок по программе ленд-лиза в Великой Отечественной войне. Неопубликованные документы и материалы Государственного архива Камчатской области открывают неизвестные страницы истории Дальневосточного ленд-лиза, Камчатского морского порта, военной авиации в годы войны, помогают понять перспективы развития этого региона как транспортной артерии, стратегического центра, торгово-экономической сети.

ЛОГИСТИКА ДОСТАВКИ ГРУЗОВ В СССР ПО ПРОГРАММЕ ЛЕНД-ЛИЗА

Программа поставок ленд-лиз из США в Советский Союз осуществлялась в рамках четырех межгосударственных протоколов¹. Обеспечение поставок грузов во многом определялось логистическими условиями, инфраструктурой и уровнем безопасности. На первом этапе реализации программы ленд-лиза в период с июля по декабрь 1941 г. до 40% поставок проходило по арктическому маршруту (путь от Восточного побережья США к Мурманску). Он был относительно быстрым (до двух недель), но наиболее уязвимым: атаки воздушных и морских военных сил фашистской Германии поразили около 15% поставляемых грузов вместе с конвоями судов [1, с. 3–7; 2, с. 30–32].

Трансиранский маршрут ленд-лиза — путь от портов Восточного побережья США до Ирана — более длительный (около двух месяцев) — был запущен в ноябре 1941 г. Маршрут требовал значительных инвестиций в промышленность, транспортную

¹ «Московский» от 29.09.1941 г. (функционировал с 01.10.1941 г. до 30.07.1942 г.); «Вашингтонский» от 06.10.1942 г. (действовал до 30.06.1943 г.); «Лондонский» от 19.10.1943 г. (действовал до 30.06.1944 г.); «Оттавский» от 17.04.1944 г. (формально завершён 12.05.1945 г.). Поставки были пролонгированы до завершения войны СССР с Японией, т.е. до сентября 1945 г. С советской стороны этот протокол получил название «Программа 17 октября 1944 г.»; а в США он трактовался как программа «Майл-пост» («Программа 17 октября 1944 г.» предусматривала поставки дооборудования на сумму 685 млн долл. в счет американского кредита для восстановления разрушенного в военные годы народного хозяйства).

инфраструктуру Ирана, а также принятия серьезных геополитических, военно-стратегических мер со стороны СССР и Великобритании.

Американская сторона построила два порта, железную дорогу и Трансиранское шоссе. На территории Ирана работали автомобильные заводы, управляемые американской корпорацией General Motors, и занимались они также сборкой автомобилей «Доджей», «Виллис», грузовых «Фордов», «Шевроле», английских «Остинов» и «Бедфордов». Дополнительно в Андимешке и Хорремшехре были построены автомобильные заводы, которые по окончании Великой Отечественной демонтированы и вывезены в Советский Союз.

Всего за период 1941–1945 гг. было собрано и доставлено в СССР через порты Персидского залива более 180 тыс. автомобилей. Помимо автомобилей по персидскому пути шло морское оборудование для нужд военного флота [3, с. 27–36; 4, с. 119–124]. Если в ноябре 1941 г. из Ирана в СССР шло до 3 тыс. т грузов, то уже к весне 1942 г. в 20 раз больше. В доставке грузов участвовали суда Каспийской флотилии СССР и поставляемый по ленд-лизу автомобильный транспорт, управляемый советскими шоферами. Автомобильные трассы проходили через Тегеран, Астару и Баку, а также использовались маршруты Тегеран–Ашхабад и Джульфа–Орджоникидзе (современные Владикавказ и Северная Осетия).

Черноморский маршрут стал активно функционировать уже на завершающем этапе Великой Отечественной войны в начале 1945 г. после освобождения Греции от гитлеровских захватчиков.

Дальневосточным маршрутом доставлялось 47% тоннажа ленд-лизских грузов, трансиранским — 24%, арктическими конвоями — 23%, черноморским — 4%, через советскую Арктику (Архангельск и Молотовск, современный Северодвинск) — 3%. Дальневосточный маршрут превысил трансиранский на 50%, международный арктический — на 52%, советский арктический — на 95%, черноморский — на 92%².

Важнейшую роль в перегонке боевых самолетов в СССР сыграли авиамаршруты. Один из них проходил через территорию Южной Атлантики, Африки и Персидский залив, а второй — Аляску, Чукотку и Сибирь (легендарный АЛСИБ) [5]. Маршрут АЛСИБа обеспечивала Камчатская область. Задача организации авиалинии «Аляска — Камчатка» была

поставлена американским президентом весной 1942 г. Мотив был стратегический для США, в то время находившихся в состоянии войны с Японией и нуждавшихся в авиабазах тяжелых бомбардировщиков на территории советского Приморья и Камчатки для нанесения ударов по противнику и технического обслуживания. Кроме того, США были заинтересованы в коммерческих рейсах, к которым можно отнести и ленд-лизскую перегонку американских самолетов для военных нужд СССР. Поэтому организация авиалинии на пути к Владивостоку с посадочными площадками в США обеспечивала США возможность быстрой переброски сил военной авиации в этот регион. Советские пилоты принимали американские самолеты на базе США в г. Номе и перегоняли их через Берингов пролив в Камчатский Анадыр, далее по авиаципелу в Якутск, Красноярск, Омск, Свердловск и в Казань, откуда боевые машины поступали на фронт [5].

Советское руководство приняло решение об организации АЛСИБ в июле 1942 г. Была организована специальная миссия по приемке самолетов: русские летчики и техники проходили обучение у американских специалистов и пилотировали самолеты непосредственно с авиазаводов американского города Фэрбенкс. Авиационная военная перегоночная трасса АЛСИБ после капитуляции Японии прекратила работу. По авиалинии АЛСИБ СССР получил около 8 тыс. самолетов (в их числе 2,6 тыс. истребителей Белл Р-39 «Аэрокобра», 2,4 тыс. Р-63 «Кингкобра», 363 бомбардировщика А-20 «Дуглас»/«Бостон», 732 средних бомбардировщика В-25 «Митчел»), что составило половину от всех доставленных по ленд-лизу самолетов и треть всех авиапоставок из США, Великобритании и Канады [2, с. 128]. Накануне Курильской боевой операции, состоявшейся 18 августа — 1 сентября 1945 г., для Камчатского морского авиаполка со станции технического обслуживания г. Советская Гавань были доставлены летающие лодки ПБН-1 «Каталина»³.

К 1944 г. на Восточном побережье Камчатского полуострова выстроена цепь аэродромов, соединившая г. Петропавловск-Камчатский и п. Анадыр. Гидрометеослужба Тихоокеанского флота и ее морская обсерватория внесли значительный вклад в обеспечение прохода судов и перегонку

² URL: <https://www.un.org/ru/about-us/history-of-the-un/preparatory-years>

³ Государственный архив Камчатской области. Ф. 176, оп. 1, д. 46, л. 20–33; Государственный архив Камчатской области. Ф. 140, оп. 1, д. 68, л. 15, д. 58, л. 3–15; д. 613, л. 1–153; История 865 истребительного полка. 1942–1945 гг. Хранится в канцелярии в/ч 54899.

самолетов по программе ленд-лиз, предоставляя метеосводки для американских и советских служб, осуществляли научные программы по исследованию и прокладыванию морских и воздушных трасс Камчатки [5].

Программа ленд-лиза позволила модернизировать Петропавловск-Камчатский рыбный порт, на базе которого за 1942–1945 г. был построен военно-морской порт (далее — КМП), активно осуществлявший оборот международных грузов: промышленное оборудование, строительную и иную технику (краны «Виллей» и «Браунинг», моторы, автомобили «Студебеккер», самосвалы «Дженерал Моторс», дизельные двигатели «Атлас империал», тракторы «Патермиллер»), различные нефтепродукты, продовольствие, пресную воду, медикаменты, уголь, иные стратегические грузы.

Условия фарватера Авачинской губы, на побережье которой расположен КМП, позволили осуществлять круглогодичную навигацию крупнотоннажных морских судов [6, с. 5–10]. КМП проводил экспортно-импортные грузовые операции не только с такими крупными организациями, как АМТОРГ, Правительственная закупочная комиссия, Наркомвнешторг, Техноимпорт (Всесоюзное объединение для ввоза оборудования технической промышленности), Машиноимпорт (Всесоюзное импортное объединение), Разноимпорт (Всесоюзное объединение для ввоза товаров), Разноэкспорт (Всесоюзное объединение для вывоза товаров), Союзнефтеэкспорт (Всесоюзное объединение по экспорту и импорту нефтепродуктов), Экспортхлеб (Всесоюзное экспортно-импортное объединение), но и с частными компаниями США⁴.

КМП принял по программе ленд-лиз большую часть военных кораблей, приписанных Тихоокеанскому флоту ВМФ: десантные суда (41 единица, что составило 95% от общих ленд-лизовских поставок для ВМФ СССР), тральщики (65 единиц — 78%); торпедные катера (39 единиц — 41%); большие «охотники» (32 единицы — 41%); сторожевые корабли (28 единиц — 100%)⁵.

Согласно отчету Госдепартамента США, через Дальневосточный маршрут по программе ленд-лиза в период с июня 1941 г. по сентябрь 1945 г. перевезено 8,7 млн т грузов, что составило около 50% общего объема таких грузоперевозок [7; 8, с. 802–803].

РОЛЬ ПРОГРАММЫ ЛЕНД-ЛИЗА В БОРЬБЕ СССР С ГИТЛЕРИЗМОМ

Основные поставки в СССР по программе ленд-лиза пришлось на 1943–1945 гг., когда наша страна добилась перелома в Великой Отечественной войне. По расчетам Госплана СССР программа ленд-лиза, с учетом стоимости поставок, составила 4% от валового продукта народного хозяйства страны в этот период. В это же время между СССР и США осуществлялись экспортно-импортные операции по закупке стратегически важных товаров для Советского Союза. В таком контексте программа ленд-лиза не внесла значительного стратегического и экономического вклада в Великую Победу. Аналогичные выводы сделаны также рядом зарубежных исследователей [9; 10, с. 252; 11; 12, с. 88–90].

Однако по программе ленд-лиза в Советский Союз поставлялись товары военного назначения, не производившиеся в достаточном количестве, например: торпедоносцы составили 68% к объемам советского производства машин такого типа, истребители — 16,2%, бомбардировщики — 20%, гидросамолеты — 37%. К концу 1942 г. в СССР наладили выпуск современных истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков. Всего за годы Великой Отечественной войны было выпущено более 63 тыс. истребителей, 37,5 тыс. штурмовиков, 21,1 тыс. бомбардировщиков, 17,3 тыс. транспортных и 4 тыс. учебных самолетов. Если же произвести подсчет по фронтовым боевым самолетам с учетом 4171 истребителя, полученного из Великобритании, то 7484 самолета, поступившие по программе ленд-лиза, от 77 479 фронтовых истребителей и бомбардировщиков, изготовленных советской промышленностью, составят всего 23%. В структуре военно-воздушных сил лендлизские авиапоставки составили по разным расчетам от 12 до 16%⁶ [13, с. 44–47; 14, с. 70; 15, с. 71–75].

США также поставлено бронетехники — 12 000 единиц (против отечественных 105 300 единиц), автомобилей — 427 300 единиц (против 265 50), мотоциклов — 35 200 единиц (против 27 200), локомотивов — 1977 (против 825); взрывчатых веществ — 189% по отношению к производимым в стране, алюминия — почти равное (с разницей в 6%) количество с производимым; меди — на 13% превысила отечественное ее производство, авиабензина — 182% к советским объемам его производства.

⁴ Государственный архив Камчатской обл. Ф. 14, оп. 1, д. 68, л. 9.

⁵ Государственный архив Камчатской обл. Ф. 88, оп. 1, д. 87, л. 79; д. 1, л. 57.

⁶ Государственный архив Камчатской области. ф. 14, оп. 1, д. 68, л. 9.

СССР превзошел Третий рейх и его союзников по производству танков, самоходных артиллерийских установок, но уступал почти в два раза в производстве автомашин и тягачей. По оценке А. И. Микояна, ленд-лизские автомобили помогли увеличить маневренность Красной армии [14, с. 70; 16, с. 150–360].

Поставки танков составили 12% от отечественного производства, при этом боевые качества импортных танков были ниже отечественных, но их задействовали для выполнения поддерживающих задач в сражениях 1942 г. под Харьковом, Сталинградом, в Крыму, при отражении наступления противника в районе Волги и Кавказа. За 1941–1945 гг. поставки бронетехники (танков, БТР и САУ) по отношению к отечественному производству составили 17,6%, автомашин — 163%, локомотивов — 240%, железнодорожных вагонов — 1020%, мотоциклов — 136%.

В опубликованном 01 марта 1944 г. в газете «Правда» государственном отчете по роли ленд-лиза в приближении Великой Победы заявлялось, что объем поставок союзниками продовольствия составил 3,5% от продовольственных запасов страны.

Из отчета президента США Гарри Трумэна Конгрессу следует, что на 2 сентября 1945 г. обратный ленд-лиз из СССР составил 2,2 млн долл. При этом весь экспорт из СССР в США в период с сентября 1941 по конец декабря 1945 г. составил 223,2 млн долл. Экспорт из США в СССР за период с октября 1941 г. по конец июня 1944 г. составлял 6 млрд долл. В целом за годы Второй мировой войны поставки США по программе ленд-лиза оцениваются в 50 млрд долл., из них: поставки в Великобританию более 30 млрд долл., в СССР 11 млрд долл., во Французскую Республику более 3 млрд долларов, Китай 1,6 млрд долл.

В рамках обратного ленд-лиза СССР предоставлял для США аэродромы для авиации, обслуживание и заправку самолетов, железнодорожные и автомобильные перевозки. Госсекретарь США Э. Стеттиниус сообщал, что американские корабли заходили в советские порты, СССР оплачивал все расходы по топливу, продуктам, медицинскому обслуживанию, ремонту судов. Также СССР отправлял в США природные ископаемые и материалы: хромовую и марганцевую руды, платину, иридий, палладий, драгоценные камни, нефтепродукты, лесоматериалы, химические концентраты. Обратный ленд-лиз из Великобритании (вместе с Австралией и Новой Зеландией) составил 6,8 млрд долл.; Франции — 868 млн долл.; Бельгии — 191 млн долл.; Китая — 3,7 млн долл.; Нидерландов — 2,4 млн долл. [16, с. 150–360; 17; 18].

На завершающем этапе Второй мировой войны Конгресс США дополнил так называемый закон о ленд-лизе запрещающей нормой относительно предоставления помощи странам, угрожающим безопасности США.

Угрозой послевоенному миру стало ядерное стратегическое оружие, поступившее на вооружение США в июле 1945 г. Президент США Гарри Трумэн дал приказ начальнику штаба Армии США генерал-лейтенанту Дуайту Эйзенхауэру начать разработку военного плана «Тоталити» по ядерной бомбардировке двадцати крупных городов СССР (Москвы, Горького, Куйбышева, Свердловска, Новосибирска, Омска, Саратова, Казани, Ленинграда, Баку, Ташкента, Магнитогорска, Тбилиси, Грозного и др.). СССР больше не рассматривался как союзник, а переведен в категорию предполагаемого противника.

Позднее, 19 декабря 1949 г., Комитетом начальников штабов США подготовлен план «Дропшот» — нанесение ядерного удара по тремстам городам СССР. Советский Союз уже охарактеризован США как агрессор, и целью этого плана объявлено противодействие гипотетическому вторжению советских вооруженных сил в страны Западной Европы, Ближнего Востока и Японию.

Паритетный ядерный потенциал СССР, достигнутый к августу 1949 г., не позволил США перейти от гипотетических планов ядерных ударов к реальным. Советский Союз выбрал путь суверенного развития и, в отличие от послевоенных стран Европы, Восточной Азии, Ближнего Востока, не допустил вовлечения в финансово-экономическую и политическую зависимость от США, самостоятельно восстанавливал страну после победы. СССР упрочил свою роль в мире, создав союзный блок социалистических государств, которым оказывалась безвозмездная помощь — беспроцентные и льготные кредиты, ресурсное обеспечение нефтью, цветными металлами, продовольствием и даже погашение задолженности многих из них по американскому ленд-лизу. Также СССР закупал значительные объемы производимой этими странами продукции.

В качестве примера приведем беспрецедентную помощь СССР Польше в 1944–1960 гг.

В январе 1944 г. СССР профинансировал содержание армии на сумму более 700 млн руб., Варшава получила безвозмездно 60 тыс. т хлеба и др. В период советского послевоенного голода 1946–1947 гг., унесшего сотни тысяч жизней, Польше безвозмездно направлено 700 тыс. т зерна,

а в 1948 г. около 1,5 млн т. В 1945 г. Польше предоставлено 10 млн долл., а в 1948 г. — 27,875 млн долл. Советский Союз взял на себя половину расходов по восстановлению Варшавы. В 1956 г. СССР простил Польше долги более чем на 2 млрд руб. и предоставил новый заем на 800 млн руб.

Всего безвозмездная помощь Советского Союза Польше составила 600 млрд долл., и 15% выплачиваемых ФРГ репараций на сумму 2,3 млрд долл. В сравнении, США по плану Маршала предоставили Франции кредит на 2,5 млрд долл. [19, с. 39–145].

В январе 1971 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев высказал первому секретарю ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Э. Гереку мнение о политически некорректном курсе предшествовавшего польского лидера Польской рабочей партии 1943–1948 гг. (позднее в 1956–1970 гг. — ПОРП), который «грызся» с советским партийным руководством «за каждую копейку» подобно «лавочнику» [20, с. 700].

В 1972 г. в Вашингтоне между СССР и США подписано соглашение о порядке погашения долгов по ленд-лизу⁷, в котором советская сторона обязалась до 2001 г. выплатить 722 млн долл. [4, с. 142–153]. Платежи были остановлены СССР после принятия поправки Джексона-Вэника, т.е. с введением торговых санкций. Долговые обязательства по ленд-лизу Российская Федерация выполнила в августе 2006 г. в рамках расчетов с «Парижским клубом»⁸.

ВЫВОДЫ

Фактически поставки по программе ленд-лиза США начали выполнять в полном объеме лишь в 1943–1944 гг. на этапе коренного перелома в Великой Отечественной войне в пользу СССР. К весне 1945 г. по мере завершения военных действий в Европе поставки сокращались, но были пролонгированы до 2 сентября 1945 г., когда СССР одержал победу над милитаристской Японией — противником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В октябре 1945 г. поставки осуществлялись точно, лишь по дополнительным заказам СССР.

Ленд-лиз сыграл в войне поддерживающую роль СССР, но не имел стратегического значения для

Великой Победы. Советский Союз в противостоянии с фашистским блоком рассчитывал лишь на себя, поэтому заказывал в США только товары и ресурсы, которые производил недостаточно в связи с массовой мобилизацией граждан и недостатком рабочих рук в тылу.

Выстраивание логистической системы поставок ленд-лиза военно-стратегического, двойного и потребительского назначения было сопряжено со значительными финансовыми, ресурсными, технологическими, кадровыми инвестициями СССР в производственную, машинно-техническую, медицинскую, продовольственную инфраструктуру регионов и территорий, по которым были проложены маршруты доставок [21]. Обеспечение их безопасности во многом зависело от хода боевых действий на фронтах. Важнейший вклад в доставку военно-стратегических грузов сыграли Дальневосточный маршрут, авиационная трасса АЛСИБ, Петропавловск-Камчатский морской порт и его гидрометеослужба, авиационные полки Камчатского полуострова.

Соединенные Штаты выгодно вложили капиталы в инфраструктуру Трансиранского маршрута (автомобильная промышленность, железнодорожные и шоссейные коммуникации, нефтедобыча и нефтепереработка) на территории Ирана, который, попав под политическое давление США, рассчитывался по кредитам ленд-лиза долгие годы [22].

Ленд-лиз для СССР был наиболее масштабным, что стимулировало развитие американской промышленности (станко-, приборо-, машиностроения, химической, фармакологической, продовольственной, перерабатывающей), сельского хозяйства, финансовой сферы, ВПК. Бюджет США существенно пополнили выплаты стран-бенефициаров по кредитам, займам, заказам [23]. В результате США в послевоенные десятилетия активно наращивали свой экономический и военный потенциал, обеспечивая личное внутреннее процветание и международное доминирование.

В послевоенный период СССР не связал себя экономической зависимостью от США по плану Маршала и Бреттон-Вудской казначейской финансовой системой. Уже в 1945 г. США рассматривали СССР как потенциального противника своим геополитическим интересам, а в 1949 г. как гипотетического агрессора, обладающего стратегическими ядерным оружием, паритетным американскому. Мир вступил в период так называемой холодной войны — противостояния двух крупнейших держав и разных экономических и ментальных систем.

⁷ Соглашение между правительствами СССР и США о торговле от 18.10.1972 г.

⁸ Постановление Правительства РФ от 07.12.1996 № 1460 «Об урегулировании задолженности бывшего СССР перед странами — членами Парижского клуба и другими официальными кредиторами». URL: <https://base.garant.ru/136713/>

СССР не только самостоятельно восстановил свою экономику, но и внес значительный вклад в становление народной демократии Восточной Европы, предоставляя помощь в оплате ленд-лизских долгов, продовольствие, ресурсы, беспроцентные или преференциальные кредиты, участвуя в строительстве коммуникаций и инфраструктуры городов, крупных промышленных объектов, принимая на себя экспортный поток из этих стран.

В годы войны выплата долга СССР по ленд-лизу осуществлялась из золотого государственного запаса, валютных резервов, бюджета страны, обратным ленд-лизом в США, обслуживанием

американских военно-морских и авиационных баз. Помимо ленд-лизских заказов СССР осуществлял значительно превосходящую их экспортную деятельность в США, делал оплачиваемые коммерческие дополнительные заказы. Процесс выплаты по ленд-лизским процентам был длительным в связи с периодами осложнения межгосударственных отношений между сторонами и введением США дискриминационных санкций против СССР. Рассчитался по ленд-лизским обязательствам уже правопреемник СССР — Российская Федерация, принявшая на себя долги бывших союзных республик и ряда стран, входивших в состав Совета экономической взаимопомощи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зимонин В. П. Северные морские конвои в сравнении с другими маршрутами ленд-лиза. Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Сборник. Москва: Андреевский флаг; 2000. 364 с.
2. Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои. Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Сборник. Москва: Андреевский флаг; 2000. 364 с.
3. Красноженова Е. Е. Трансиранский транспортный маршрут в период Великой Отечественной войны (1941–1945). *Научно-технические ведомости СПбГПУ*. 2017;8(3):27–36. DOI: 10.18721/JHSS.8303
4. Сборник торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами (на 1 января 1977 г.). М.: Экономика; 1977. 435 с.
5. Галас М. Л. Дальневосточное направление ленд-лиза в период Великой Отечественной войны: Камчатка в организации транзита грузов. *Вопросы истории*. 2021;6–1:4–18. URL: <https://www.elibrary.ru/ylpbfg>
6. Виноградов А. Н. Краткая записка об истории строительства порта в Петропавловске-Камчатском в 1942–1945 гг. *Краеведческие записки*. Вып. 9. Петропавловск-Камчатский. 1995; 166 с.
7. Кириленко Г. В. Экономическое противоборство сторон. От поражений к Великой Победе. М.: Подольская фабрика офсетной печати; 2011:238.
8. Long E. Cobras over the Tundra. Washington: Arktika Pub; 1992. 239 p.
9. Reynolds Ed.D., Kimball W.F., Choubarian A. O. Allies at war: The Soviet, American and British experience, 1939–1945. New York:1994. 456 p.
10. Джонс Р. Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США в СССР во Второй мировой войне, 1941–1945. Москва: Центрполиграф; 2015. 349 с.
11. Kimball W.F. The Most Unsordid Act: Lend-Lease. 1939–1941. Baltimore; 1969. 292 p. URL: <https://archive.org/details/mostunsordidactl00kimb7>. Кириленко Г. В. Экономическое противоборство сторон. От поражений к Великой Победе. М.: Подольская фабрика офсетной печати; 2011:238.
12. Maps, tables, appendixes, bibliography, notes and index. *Journal of American History*. 1971;58(3):802–803.
13. Королев Е. Летопись логистики: авиационная составляющая ленд-лиза. *Логистика*. 2020;6(163):44–47.
14. Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич; 2005:70.
15. Лебедев И. П. Еще раз о ленд-лизе. *США: Экономика. Политика. Идеология*. 1990;1:71–75.
16. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. Москва: Политиздат; 1984. 510 с.
17. Twenty-fifth report to Congress on lend-lease operations. United States. President Full view. Lend-lease Fiscal operations. March 11, 1941 — June 30, 1947. 252 p.
18. Херринг Дж. Экономическая помощь в ялтинский период. Ялта. 1945 год: проблемы войны и мира. Москва: РАН, Институт военной истории МО РФ; 1992. 560 с.
19. Орехов А. М. Очерки истории экономических отношений СССР и ПНР (1944–1957 гг.). Москва: Индик; 2017. 272 с.
20. Польша в XX в. Очерки политической истории. Москва: Индик; 2012. 952 с.

21. Акопянц А. С. Маршруты поставок по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны. *Вопросы новой экономики*. 2020;3–4(55–56):79–86. URL: <https://www.elibrary.ru/pkjtsb> (In Russ.).
22. Линец С. И., Линец А. С., Илясова А. А. Трансиранский маршрут ленд-лиза в период Великой Отечественной войны: создание, функционирование, итоги деятельности. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2023;2(299):119–124. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_2_119
23. Быстрова И. В. Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945 гг.). М.: Издательство «Кучково поле»; 2019. 480 с.

REFERENCES

1. Zimonin V. P. Northern sea convoys in comparison with other Lend-Lease routes. *Severnye konvoi: issledovaniya, vospominaniya, dokumenty*. Sbornik. Moscow: Andreevskij flag; 2000. 364 p. (In Russ.).
2. Suprun M. N. Lend-lease and northern convoys. *Northern Convoys: Research, memoirs, documents*. Collection. Moscow: Andreevsky flag, 2000. 364. (In Russ.).
3. Krasnozhenova E. E. The Trans-Iranian transport route during the Great Patriotic War (1941–1945). *Scientific and technical bulletin of SPbGPU*. 2017;8(3):27–36. (In Russ.). DOI: 10.18721/JHSS.8303
4. Collection of trade treaties and agreements on trade and economic cooperation of the USSR with foreign states. Moscow: Ekonomika; 1977. 435 p. (In Russ.).
5. Galas M. L. The far eastern direction of Lend-Lease during the Great Patriotic War: Kamchatka in the organization of cargo transit. *History issues*. 2021;6(1);4–18. URL: <https://www.elibrary.ru/ylpbfg> (In Russ.).
6. Vinogradov A. N. A brief note on the history of the construction of the port in Petropavlovsk-Kamchatsky in 1942–1945. *Local history notes*. Vyp. 9. Petropavlovsk-Kamchatskij; 1995. 166 p. (In Russ.).
7. Kirilenko G. V. Economic confrontation of the parties. From defeats to the Great Victory. Moscow: Podol'skaya fabrika ofsetnoj pechati; 2011. 534 p. (In Russ.).
8. Long E. Cobras over the Tundra. Washington. Arktika Pub; 1992:239 p.
9. Reynolds Ed. D., Kimball W. F., Choubarian A. O. *Allies at War: The Soviet, American and British experience, 1939–1945*. New York: 1994. 456 p.
10. Dzhons R. H. Lend-lease. Roads to Russia. U.S. military supplies to the USSR in World War II, 1941–1945. Moscow: Centrpoligraf; 2015. 349 p. (In Russ.).
11. Kimball W. F. The most unsordid act: Lend-Lease. 1939–1941. Baltimore; 1969. 292 p. URL: <https://archive.org/details/mostunsordidactl00kimb>
12. Maps, tables, appendixes, bibliography, notes and index. *Journal of American History*. 1971;58(3):802–803.
13. Korolev E. Chronicle of logistics: Aviation component of lend-lease. *Logistika*. 2020;6 (163):44–47. (In Russ.).
14. Kumanev G. A. Stalin's People's commissars say. Smolensk: Rusich; 2005:632 p. (In Russ.).
15. Lebedev I. P. Once again about Lend-Lease. *USA: Economics. Politics. Ideology*. 1990;1:71–75. (In Russ.).
16. Soviet-American relations during the Great Patriotic War 1941–1945. T. 1. Moscow: Politizdat; 1984, 510 p. (In Russ.).
17. Twenty-fifth report to Congress on lend-lease operations. Vol. 25–28. United States. President Full view. Lend-lease Fiscal operations March 11, 1941 — June 30, 1947. 252 p.
18. Herring Dzh. Economic assistance in the Yalta period. Yalta. 1945: Problems of War and Peace. Moscow: Rossijskaya akademiya nauk, Institut voennoj istorii MO RF; 1992. 560 p. (In Russ.).
19. Orekhov A. M. Essays on the history of economic relations between the USSR and the polish people's republic (1944–1957). Moscow: Indrik; 2017:272 p. (In Russ.).
20. Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii. = Poland in the XX century. Essays on political history. Moscow: Indrik; 2012:952 p. (In Russ.).
21. Akop'yanc A. S. Lend-Lease supply routes during the Great Patriotic War. *Voprosy novej ekonomiki*. 2020;3–4(55–56):79–86. URL: <https://www.elibrary.ru/pkjtsb> (In Russ.).
22. Linec S. I., Linec A. S., Ilyasova A. A. The Trans-Iranian lend-lease route during the Great Patriotic War: Creation, functioning, results of activity. *Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*. 2023;2(299):119–124. (In Russ.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_2_119
23. Bystrova I. V. Lend-Lease for the USSR: Economy, technology, people (1941–1945). Moscow: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole»; 2019. 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; член Совета Управления Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан, Российская Федерация

Marina L. Galas — Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. of the Department of Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; member of the Council of the Presidential Directorate for Ensuring the Constitutional Rights of Citizens, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

Lucera2008@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 19.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-149-156

УДК 392.46(045)

Система традиционных похоронных ритуалов и обычаев Китая и их особенности

В. Дань^а, Е.В. Петраш^б^а Юго-западный университет политики и права, Чунцин, Китай;^б Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Похоронные ритуалы представляют собой неотъемлемую часть культурной системы любого народа, отражая его мировоззрение, верования и традиции. Особое внимание заслуживает похоронная культура Китая, отличающаяся богатством символики и глубиной философского содержания. Исследование этой темы позволяет не только понять специфику китайского отношения к смерти, но и раскрыть важные аспекты национальной психологии и культурной идентичности. Актуальность исследования обусловлена растущей значимостью межкультурного диалога между Россией и Китаем, где понимание традиционных культурных практик играет ключевую роль в построении эффективных международных отношений. При этом в российской научной литературе данная тема освещена недостаточно полно, что создает определенный пробел в изучении китайской культурной традиции. Цель исследования заключается в комплексном анализе похоронных ритуалов Китая, их символического наполнения и культурной значимости. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: исследовать классическую историческую литературу Китая по теме похоронных ритуалов; описать особенности ритуала прощания с усопшим; проанализировать характер и значение традиционной символики; раскрыть культурные и психологические аспекты похоронных обрядов. Научная новизна исследования определяется тем, что китайские похоронные ритуалы рассматриваются не только как набор обрядов, но и как система, отражающая глубинные особенности национального менталитета. Особое внимание уделяется тому факту, что в китайской культуре даже столь трагическое событие, как смерть, наполнено жизнеутверждающим смыслом, что проявляется в названиях предметов и ритуалов, связанных с похоронами. Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для углубления взаимопонимания между представителями разных культур, что особенно важно в контексте развития российско-китайских отношений. Понимание традиционных культурных практик помогает преодолеть культурные барьеры и способствует построению эффективного межкультурного диалога.

Ключевые слова: китайские традиции; похоронный обряд; изучение ритуалов и обычаев; традиционная этика; обряд как искусство; культ предков; символизм; сыновняя почтительность; этнокультурное наследие

Для цитирования: Дань В., Петраш Е.В. Система традиционных похоронных ритуалов и обычаев Китая и их особенности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(2):149-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-149-156

ORIGINAL PAPER

Traditional Chinese Funeral Rituals and Customs

W. Dan^a, E.V. Petrash^b^a Southwest University of Political Science and Law, Chongqing, China;^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Funeral rituals are an integral part of the cultural system of any nation, reflecting its worldview, beliefs and traditions. Special attention should be paid to the funeral culture of China, which is distinguished by its richness of symbolism and depth of philosophical content. The study of this topic allows not only to understand the specifics of the Chinese attitude to death, but also to reveal important aspects of national psychology and cultural identity. The relevance of the research is due to the growing importance of intercultural dialogue between Russia and China, where understanding traditional cultural practices plays a key role in building effective international relations. At the same time, this topic is not fully covered in the Russian scientific literature, which creates a certain gap in the study

of the Chinese cultural tradition. The purpose of the study is a comprehensive analysis of Chinese funeral rituals, their symbolic content and cultural significance. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to study the classical historical literature of China on the subject of funeral rituals; to describe the features of the ritual of saying goodbye to the deceased; to analyze the nature and meaning of traditional symbols; to reveal the cultural and psychological aspects of funeral rituals. The scientific novelty of the study is determined by the fact that Chinese funeral rituals are considered not only as a set of rituals, but also as a system reflecting the deep features of the national mentality. Special attention is paid to the fact that in Chinese culture, even such a tragic event as death is filled with a life-affirming meaning, which is reflected in the names of objects and rituals associated with funerals. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the research can be used to deepen mutual understanding between representatives of different cultures, which is especially important in the context of the development of Russian-Chinese relations. Understanding traditional cultural practices helps overcome cultural barriers and promotes effective intercultural dialogue.

Keywords: Chinese traditions; funeral rite; study of rituals and customs; traditional ethics; ritual as art; ancestral cult; symbolism; filial piety; ethnocultural heritage

For citation: Dan W., Petrash E.V. Traditional Chinese funeral rituals and customs. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(2):149-156. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-149-156

ВВЕДЕНИЕ

Традиционные похоронные ритуалы Китая представляют собой уникальную систему обрядов, основанную на древних верованиях о загробной жизни и культе предков. В основе этих традиций заложено убеждение в существовании потустороннего мира, куда отправляется душа умершего вместе с предметами, имевшими для него значение при жизни. **Культурное наследие** похоронных обрядов формировалось на протяжении тысячелетий, вобрав в себя элементы различных философских школ, включая концепции Инь и Ян, принципы фэн-шуй и местные традиции каждой провинции страны. Несмотря на модернизацию общества, основные положения похоронного церемониала сохраняются и в настоящее время, особенно в сельской местности. **Система ритуалов** — это сложная последовательность действий, требующих участия специально подготовленного распорядителя. Особое место в похоронной культуре занимает принцип сыновней почтительности, отражающий фундаментальные ценности китайской цивилизации. **Актуальность исследования** обусловлена тем, что похоронные обряды являются важным носителем этнокультурного наследия и отражают жизненную этику китайского народа. В статье анализируются все этапы похоронного ритуала: подготовка к похоронам, сам процесс погребения и последующие обряды.

Ритуал похорон, как последний шаг жизни, неразрывно связан с культом предков и представлениями людей о жителях потустороннего мира, куда уходит на вечное проживание душа умершего: с одной стороны, родственники испытывают бесконечное горе от смерти своих близких, выражают свою скорбь через похоро-

ны; с другой стороны, древние верили в бессмертие души, что жизнь после смерти увековечивается в другой форме и защищает живых, и поэтому они благоговейно относятся к умершим. Ритуал похорон в полной мере отражает одно из ядер китайской цивилизации — нормы (принцип) сыновней почтительности, поэтому правители всех династий уделяли большое внимание церемонии прощания и погребения. Так на протяжении тысячелетий формировалась целая система ритуалов, ставшая важной частью традиционной культуры страны, которая является значительным носителем этнокультурного наследия, и основным проявлением жизненной этики китайской нации.

Научные исследования ученых Китая в изучении похоронных традиций движутся по двум направлениям.

1. Общие теоретические исследования древних погребальных обычаев и погребальных систем. Их результаты сосредоточены на общем описании погребальных ритуалов и погребальных обычаев, а также на представлении погребальной культуры: Чжэн Сюань, Пэн Линь, Сюй Цзицзюнь, Ван Фучжи, Ши Цзянь, Сюй Сишэн и др.

2. Изучение погребальных обрядов разных династий Китая. Результаты исследований раскрывают исторические особенности разных эпох и новые изменения, возникшие в погребальных обрядах. Например: Фань Е подробно рассказывает о погребальных обрядах династии Хань. Ци Дунфан анализирует обычаи и ритуальную систему погребальных представлений династии Тан.

Чжу Жуйси дает общее описание декретов, форм и особенностей погребения в династии Сун. Чи Сюефэн провел подробный анализ погребаль-

ных ритуалов и порядков захоронения, характерных для династии Мин. Гэ Юйхун раскрывает особенности и специфические причины погребальных обычаев династии Цин. Тун Сюе описывает особенности погребальных обрядов династии Цин и их особенности. Фэн Цзя раскрывает глубокий политический смысл и характер эпохи, стоящие за ним ритуалы, через форму похорон вдовствующей императрицы Юй Лун. Янь Чанхун описал реформу и эволюцию погребальных обрядов в период Китайской республики. Ван Сяньчжун анализирует феномен погребальной фольклорной культуры Китая и фольклорную психологию. Дун Фужун перечисляет важные изменения в способах погребения, расходах похорон и обрядах жертвоприношения и т. д. Однако вышеприведенные исследования не имеют систематического изложения обрядов древних погребений, поэтому автор подробно проанализирует их далее.

В периоде династий и государств Шан (1766–1122 г. до н.э.) и Чжоу (1122–247 г. до н.э.) древние ритуалы и обычаи похорон находились на этапе формирования систематизации процедур. До периода Сражающихся царств (476/403–221 г. до н.э.) древние ритуалы похорон, согласно записям в «И-ли» (одна из 13 книг конфуцианского канона), разделились на три составляющие: *ритуалы перед похоронами, похороны, ритуалы после похорон*, с установленными правилами поведения и церемониала.

РИТУАЛЫ ПЕРЕД ПОХОРОНАМИ

Ритуалы перед похоронами — это этап от фиксации смерти человека до следующей стадии погребения, а также подготовка к размещению гроба перед могилой, в основном включает в себя призывы душ умерших, совершение омовения и убранства тела, вложение в рот покойника риса с нефритом, положение тела в гроб.

«Призывать души умерших» («招魂仪式»)

Записано в книге конфуцианского канона «И-ли-Ши Сань Ли»: «Спирит, одетый в парадном одеянии и тиаре (без подвесок), держа в руках верхнюю одежду покойника, поднялся с юго-восточного угла главного здания на крышу и, стоя на навесе круши, в левой руке держал воротничок, а в правой — одежду, громко трижды кричал: “Вернись”! Затем он бросил одежду на землю, а другой человек положил ее в коробку и на-

крыл мертвого» («复者一人，以爵弁服，簪裳于衣，左何之，扱领于带。升自前东荣，中屋北面招以衣，曰：‘皋，某复!’ 三，降衣于前») [1, с. 1045]. В древнем трактате «Лянь-цзи-сан да цзи» сказано: «复而后行死事» [1, с. 1701], что означает следующее: «После завершения этого процесса, если покойник все еще не проснулся, его близкие считают, что он мертв, и начинают прятать труп».

Покойнику присваивали посмертное имя, чтобы запечатлеть его заслуги и достижения. Посмертное имя выставляли на специальных табличках в домашних алтарях. Перед этими табличками совершались молебны и поминовения. Что касается того, как назвать умершего, в древней книге «Лянь-цзи-чжэн-и» («Лянь-цзи-чжэн-и») записано: «имя мужчины, а второе имя (в отличие от первого имени; присваивается по достижении совершеннолетия) женщины» («男子称名, 妇人称字») [1, с. 1701].

«Совершать омовение покойника: и вложить покойнику в рот рис с нефритом» («沐浴饭含»)

После ритуала призыва души умершего следует обмыть тело покойника, вложить жемчуг, нефрит, зерно или деньги в рот умершего, наконец, облачить тело усопшего в одежды, застегивающиеся на левую сторону без пуговиц. В древней книге «Лянь-цзи-чжэн-и» записано: «饭用米, 贝, 不忍虚也» [1, с. 362].

Ритуал «вложения в уста покойнику» связан с реализацией китайского принципа сыновнего почтительности — отношение к умершим после смерти так же, как и при жизни. Покойный собирается в путь в загробный мир, а отпускать уходящего (даже мертвого) на пустой желудок — проявить непочтение к путнику. В зависимости от уровня статуса личности умершего содержащееся во рту имеет очевидные различия. Самый низкий статус — служилое сословие — может использовать только раковину («Для людей служилого сословия еда состоит из неотваренного риса или раковины»), в то время как сановникам и дворянам дозволено использовать нефрит, символизирующий их статус более высокого уровня.

«Одевание покойника» («小殓»)

Этот ритуал совершается на следующее утро после смерти.

В одном из главных канонов конфуцианства «И-ли-Ши Сань Ли» («И-ли-Ши Сань Ли») записано:

«При выполнении этого ритуала, человеку служилого сословия или еще высшего статуса должно подготовить девятнадцать комплектов одежды, которые символизируют число неба и земли, «десять» — число неба, «девять» — число земли» («厥明, 陈衣于房…绞横三, 缩一…凡十有九称。陈衣继之, 不必尽用») [1, с. 1085].

Перед тем как одевать покойника, дьякон (специальный распорядитель) сначала постигает на кровать циновку, а затем кладет пояса в виде веревочной петли на циновку, покрывает пояса одеялом. Размещение поясов в виде веревочной петли должно следовать принципу горизонтального размещения трех и вертикального размещения одного. Затем он выкладывает подготовленные одежды на одеяло и, наконец, перемещает труп в одежды (малое облачение), завертывает его в погребальное покрывало и связывает его поясами в виде веревочной петли (большое облачение). Качество погребального покрывала имеет иерархическое значение. В книге «礼记·丧大礼» «Ли Цзи-Сан Да Ли» указано, что самобытные качества одеяла отличаются друг от друга в соответствии с социальным положением: монархи использовали одеяла из парчи, сановники использовали одеяла из белого тонкого шелка, служилые сословия использовали одеяла из черной ткани («君锦衾, 大夫缁衾, 士缁衾») [2, с. 859].

«Положение тела покойника в гроб»

(«大殓»)

Процесс положения тела покойника в гроб. Если во время процедуры малого облачения особой разницы в количестве одежды для людей служилого сословия и высшего статуса практически нет, то при проведении ритуала положения тела в гроб количество дополнительной одежды, которая понадобится усопшему в загробном мире, тесно связано с прижизненным статусом усопшего. В зависимости от класса аристократов расположение одежды несколько отличается. В книге «礼记·丧大记» «Ли Цзи-Сан Да Цзи» написано: «В соответствии с различиями в ранге служилого сословия, сановника и императора, они должны использовать тридцать, пятьдесят и сто комплектов одежды соответственно. Одежды императора должны быть выставлены в среднем дворе, а одежды служилого сословия и сановников должны быть выставлены на ступенях к востоку от среднего двора» («君陈衣于庭, 百称, 北领, 西上。大夫陈衣于序东, 五十称,

西领, 南上。士陈衣于序东, 三十称, 西领, 南上») [1, с. 1737].

Место проведения каждого ритуала приготовления покойника к похоронам имеет значение. Так, место «Одевания покойника» («小殓») находится во дворе, место «Положение тела покойника в гроб» («大殓») переходит к восточной ступени дома, а следующее место ритуала — «Вынос гроба» («殯») — располагается у западной ступени. Все это как бы указывает, что умершие шаг за шагом покидают дом и близких.

В это время сыновья и дочери усопшего должны носить головные повязки (пояс) из пеньки (дерюги; часть траурной одежды). Проводится панихида. Женщины оплакивают усопшего в зале, мужчины плачут у открытых дверей зала, не входя в него. В ночь после панихиды в среднем дворе дома выгораживают зону для погребального костра.

На третий день родственники умершего в соответствии с близостью родства и отношений одеваются и носят траурные платья — это действие называется «Облачиться в траурные одежды в третий день после смерти умершего» («三日成服») — и носят их определенный срок в зависимости от степени глубины траура.

Древняя система траура Китая делится на пять степеней, которые в свою очередь также делились на виды (таких было 11) траура в зависимости от объекта, в отношении которого осуществлялся траур.

Трехгодичный траур — самое глубокое выражение скорби — носили все князья и чиновники для императора, сыновья и дочери для своих родителей, невестки для своих свекров и свекровей, старшие внуки главной жены для своих дедушек и бабушек, и жены для своих мужей. Для выражения такого траура скорбящие надевали «Траурное платье с неподрубленными краями, изготовленное из необработанного холста» («斩衰»).

Вторая степень траура — срок один год — с ношением «траурного одеяния с подрубленными краями, изготовлено из обработанного холста» («齐衰»). Его носили дети для матерей (включая мачеху); мужья для жен и внуки для бабушек и дедушек.

Траур третьей степени из пяти длился девять месяцев. Траурный наряд «изготавливался из обработанного холста, но материал более тонкий, чем для второй степени траура, но более грубый,

чем для четвертой степени» («大功»). Его носили для двоюродных братьев, неженатых двоюродных сестер, женатых теток, сестер, племянниц и внуков и т.д.

Пятимесячный, или малый, траур носят для прадедов и прабабок, для двоюродных бабушек, дедушек, неженатых двоюродных теток и женатых двоюродных сестер, жен братьев и родственников по матери. «... материал более тонкий, чем при третьей степени, но более грубый, чем при пятой» («小功»).

Срок траура три месяца носили мужчины для братьев двоюродных прадедов и прабабок, для братьев бабушек и дедушек, братьев родителей, внуков, зятьев, родителей жены, братьев матери и т.д. «Траурный наряд пятой степени из пяти, изготовлен из батистовой ткани» («緦麻») [3, с. 347].

Причина, по которой после трех дней предписано обрядовать покойника и класть в гроб, заключается в том, чтобы убедиться, что умерший не вернется к жизни, а также подготовить похоронные принадлежности для семьи и обеспечить достаточное время для родственников, находящихся вне дома, чтобы они смогли успеть на похороны.

ПОХОРОНЫ

Это сложный и величественный процесс, связанный с основной идеей конфуцианства — человеколюбием. Относиться к человеку как при жизни, так и после смерти нужно с особой тщательностью. Книга конфуцианства «礼记·檀弓上» «Ли Цзи·Тань Гун Шан» толкует иероглиф «葬» — «Цзан» («Погребение»): «葬也者, 藏也。藏也者, 欲人之弗得见也», что означает: «Погребение — это «Скрывать», и цель скрывать — сделать его невидимым» [1, с. 325]. Это истинная правда, ведь после того, как человек умирает, он проходит процедуры омовения, облачения, положения во гроб и захоронения. Последовательность действий не может быть изменена или какая-то из процедур пройти позже.

«Представление в храме предков вновь умершего (за день до вынесения гроба) и «Вынос покойника» («朝祖启殡»)

В день погребения на рассвете родственники умершего выносят гроб с телом покойного. Согласно «仪礼·士丧礼» «И Ли·Ши Сан Ли»: «Через

траурную колесницу гроб с телом покойного был перенесен на ложе для тела умершего между двумя колоннами в храме предков, который был извешен как представление в храме предков вновь умершего» («迁于祖, 用轴…正柩于两楹间, 用夷床») [1, с. 1152].

Ритуал представления в храме предков вновь умершего включает выражение живыми сыновей любви к умершим и сообщение заранее об их прибытии в потусторонний мир, где умершие будут вместе с предками. После полудня гроб с телом покойного выносят из храма, помещают в траурную колесницу. Родственники усопшего устанавливают жертвенный столик с угощением или цветами, каждый желающий может взять с него угощение (цветок) в обмен на подношение.

«Выставление погребальных инвентарей» («陈明器»)

Погребальный инвентарь — это набор определенных предметов, дорогих сердцу вещей покойного, без которых он не мог обходиться при жизни, предметов обихода и пр. Так как считается, что усопший переходит в иной мир, где он будет жить вечно, то ему собирают в последний путь определенный «багаж» — «погребальный инвентарь», который может понадобиться усопшему в загробной жизни, по внешнему виду похожий на реальные вещи, но мастерство его исполнения грубое, примитивное, поэтому он не имеет практической функции. Это еще один знак любви и заботы родственников, как и траурные одежды.

Погребальный инвентарь захоранивается (сжигается) вместе с усопшим.

До династии Чжоу (1046–221 до н.э.) для погребального инвентаря использовали реальные, часто драгоценные вещи, или даже живых животных и людей. Это было не только расточительно, но и весьма жестоко. В период правления династии Чжоу изменились представления о человеческих и моральных ценностях (первые проявления гуманизма). Из ритуала погребения постепенно устранялись кровавадные методы и обычаи, а реальные предметы стали постепенно заменять моделями реальных объектов.

Согласно «仪礼·既夕礼» «И Ли·Цзи Си Ли» в перечень похоронных принадлежностей времен правления династии Чжоу включали: «ручки сохи и сошник, две вещи кухонной утвари, две суповые чашки, тарелка, сосуд для мытья рук и другие предметы быта; латы и шлем, лук, стрелы, колчан;

посох, коническая шляпа, бунчук [трубка]» («用器, 弓、矢、耒耜、两敦、两杆、盘、匱。匱实于盘中, 南流…役器; 甲、冑、干、笄…燕器; 杖、笠、屨») [1, с. 1168].

«Размещение похоронных принадлежностей» («摆放葬具»)

Размещение погребального инвентаря — незаменимый элемент похорон. Гроб состоит из двух частей, внешней и внутренней, вкладывающихся одна в другую. Внешний гроб более массивный и грубый, внутренний более изящный, часто с нанесенными узорами. Погребальный инвентарь условно делится на две категории: вещи, которые покойный использовал при жизни, и предметы, специально изготовленные для гробницы. О месте размещения необходимого погребального инвентаря в древнем трактате «既夕礼» «И Ли, Цзи Си Ли» сказано: «Погребальные инвентари должны быть помещены на западную сторону траурной колесницы» («陈明器于乘车之西») [1, с. 1164].

«Материальная помощь на похороны» («赙赠之礼»)

Высшие лица рода, сослуживцы и друзья должны оказывать семье материальную помощь на похороны. В философском трактате «荀子·大略» «Сюнь Цзы Да Люе» записано: «Предметы, которые помогают семье умершего устроить похороны, на китайском языке называются «赙» («Фу»). Экипажи и лошади, подаренные друзьями, называются «赗» («Фэн»). Посмертные одеяния, подаренные друзьями, называются «襚» («Фэн»). Предметы, в которых покойник при жизни находит удовольствие, подаренные друзьями, называются «赠» («Цзэн»). Нефриты и раковина, подаренные друзьями для вложения покойному в уста, называются «含» («Хань»); «赙» («Фу») и «赗» («Фэн») используются для оказания помощи семье умершего; «赠» («Цзэн»), «襚» («Фэн») и «含» («Хань») используются для того, чтобы проводить покойника). («货曰赙, 舆马曰赗、衣服曰襚、玩好曰赠, 玉贝曰含。赙、赗所以佐生也; 赠、襚所以送死也») [4, с. 492].

Вещи, которые дарят близкие родственники умершему, должны быть похоронены вместе с умершим. Но вещи, которые дарят друзья родственников умершего (столик подношений), предназначены, чтобы помочь семье умершего.

Дьякон (распорядитель) ведет запись подношений, ожидает выхода траурной колесницы и озвучивает список погребальных предметов. Далее катафалк и траурная процессия выезжают к месту погребения.

РИТУАЛЫ ПОСЛЕ ПОХОРОН

«Громкий плач» («反哭»)

После погребения близкий родственник (обычно старший сын или старший внук умершего) держит обеими руками табличку с именем покойного и громко плачет, и также громко плачет и семья в трауре. Они должны плакать в двух разных местах: в храме предков и ритуальном дворце для похорон, где ставят гроб с телом покойника перед похоронами. В трактате «仪礼·既夕礼» «И Ли Цзи Си Ли» записано: «Главный распорядитель на похоронах входит в ворота и далее входит в зал с западной лестницы, кланяется стоя лицом к востоку. Семья в трауре встает около открытого зала лицом к востоку. Женщины входят в комнату перед залом, плачут, бьются в отчаянии. Женщины входят в зал с восточной лестницы, встают в зале лицом к западу. И женщины, и мужчины плачут, бьются в отчаянии, топают ногами по очереди, троекратно повторяя эти ритуальные действия. Представители гостей, присутствующие на похоронах, входят в зал с западной лестницы, чтобы утешить распорядителя. Главный распорядитель кланяется. Представители гостей выходят из зала. Хозяин провожает гостей за ворота, опять кланяется в землю и благодарит всей душой.» («及反哭, 入, 升自西阶, 东面。众主人堂下, 东面, 北上。妇人入, 丈夫踊, 升自阼阶。主妇入于室, 踊, 出, 即位, 及丈夫拾踊三。宾吊者升自西阶, 曰: ‘如之何!’ 主人拜稽顙。宾降, 出, 主人送于门外, 拜稽顙») [1, с. 1168].

«Приносить жертвы» («祭祀»)

Ритуалы на этапе траура, следующие после погребения, также являются неотъемлемой частью похоронной культуры Китая. После погребения в доме покойного проводятся поминальные жертвоприношения. В их число входят:

- 1) Жертвоприношение (обряд, совершаемый в годовщину смерти родителя) «小祥祭» («Сяо Сян Цзи»);
- 2) Великое жертвоприношение (обряд, отмечающий 25 месяцев со дня смерти родителя, срок облегчения траура) «大祥祭» («Да Сян Цзи»);
- 3) Жертвоприношение в день снятия траура по родителям (на 27-й месяц со дня смерти) «禫» («Тань»).

ВЫВОДЫ

Все традиционные погребальные обряды Китая имеют совершенно очевидный феодально-иерар-

хический характер. Независимо от того, похоронный ли это обряд императора, императрицы, или похоронные обряды служилых и простолюдинов, существуют различные обряды, основанные на ранге умершего при жизни.

Цюй Тунцзу утверждает, что иероглиф «死» («Сы») в современном китайском языке применяется ко всем, потому что все равны. А в древнем иерархическом обществе кандзи «Смерть» имеет разные выражения, тесно связанные с сословием и статусом умершего, например: «Смерть об императоре» — «崩» («Бэн»); «Смерть местного князя» — «薨» («Хун»); «Смерть сановников» — «卒» («Цзу»); «Смерть чиновников» — «捐馆» («Цзюань Гуань»); «Смерть простолюдинов» — «死» («Сы») и др. Классовая разница подчеркивается на каждом этапе от погребения до похорон: прослеживается в каждом ритуале и перечне и видах погребальных принадлежностей [5, с. 179].

Концепция норм сыновней почтительности — основа конфуцианской культуры. Как концепция общественного сознания, она выражается во внешней форме, которой является система традиционных похоронных ритуалов и обычаев.

На основе проведенного исследования системы традиционных китайских похоронных ритуалов можно сделать следующие выводы:

1) *иерархический характер* похоронных традиций проявляется в строгой системе организации погребальных обрядов, где форма похорон и траурной одежды отражает социальное положение умершего и его семьи в обществе;

2) *культурная основа* похоронных ритуалов базируется на конфуцианском принципе сыновней

почтительности, выражающемся через систему обрядов и обычаев, направленных на проявление уважения к предкам. При этом следует отметить, что чрезмерное развитие погребальной культуры привело к возникновению ряда негативных явлений, включая расточительное использование ресурсов;

3) *религиозно-мифологическая составляющая* похоронных традиций тесно связана с древними верованиями о загробной жизни, культе предков и представлениях о духах. Это проявляется в таких элементах ритуала, как призыв души, жертвоприношения и поминальные обряды;

4) *социокультурное значение* похоронных ритуалов заключается в том, что они выступают важным носителем этнокультурного наследия и отражают фундаментальные этические ценности китайского общества;

5) *актуальность традиций* сохраняется в современном Китае, особенно в сельской местности, где традиционные обряды передаются из поколения в поколение с минимальными изменениями;

6) *уникальность китайской погребальной культуры* определяется ее многовековой историей, сложностью ритуалов и глубоким символизмом, что существенно отличает ее от погребальных традиций других народов.

Таким образом, традиционные похоронные ритуалы Китая представляют собой сложную систему, отражающую глубокие философские, религиозные и этические представления китайского народа, продолжающую играть важную роль в современной культуре страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Zheng X, Kong Y. D. Annotations and explanations of etiquette. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House; 2008. 1045 p. (In Chinese).
2. Wang W. J. The Book of Rites: The Record of the Great Funeral. The full punctuation version of the "Thirteen Classics". Beijing: Beijing Yanshan Publishing House; 1991. 859 p. (In Chinese).
3. Peng L. Etiquette. Changsha: Yuelu Publishing House; 2001. 347p. (In Chinese).
4. Wang X. Q. Xunzi's collected interpretations. Beijing: Zhonghua Book Company; 2012. 492 p. (In Chinese).
5. Qu T. Z. Chinese law and Chinese society. Beijing: Zhonghua Book Company; 1981. 179 p. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дань Ван — старший преподаватель Института иностранных языков, Юго-Западный университет политики и права, Китай, Чунцин

Dan Wang — Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Southwest University of Political Science and Law, Chongqing, China

<https://orcid.org/0009-0004-2991-2887>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

wangdan1990112@163.com

Елена Вадимовна Петраш — кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Elena V. Petrash — Cand. of Cultural Studies, Assoc. Prof. of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-4049-7413>
evpetrash@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.04.2025; принята к публикации 30.05.2025.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 09.04.2025; accepted for publication on 30.05.2025.
The authors read and approved the final version of the manuscript.